

альманах

Литературный перекресток 41

МОСКОВСКИЙ СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ
МОСКВА, 2026

УДК 821.161.1=8
ББК 84(2=411.2)6
Л 64

Литературный перекресток. № 41, 2026: альманах,
Московский союз литераторов. — М.: 2026. — 204 с.

ISBN 978-5-907919-83-9

Дизайн обложки:
Александр Астрин

Для писем: 125009, Москва,
Б. Дмитровка, 5/6, строение 8,
Московский союз литераторов.
Тел.: 8(495)692-06-03
Электронная почта: litcross@aport.ru

Орфография, пунктуация и стиль авторов сохранены.

Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и авторам не возвращаются.

УДК 821.161.1=8
ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-5-907919-83-9

© Коллектив авторов, текст, 2026
© Александр Астрин, обложка, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

СЕРГЕЙ ЧЕПЕЛЕВ

История Российской Империи	9
Пётр Первый. Пётр I Алексеевич. Пётр Великий	9
Екатерина Первая. Екатерина I Алексеевна (Михайлова) (Марта Самуиловна Скаврнская)	11
Пётр Второй. Пётр II Алексеевич	12
Анна Иоанновна	13
Иван Шестой. Иван VI, Иоанн Антонович	15
Елизавета Петровна	16
Пётр Третий. Пётр III Фёдорович (Карл Петер Ульрих)	17
Екатерина Вторая. Екатерина II Алексеевна Екатерина Великая (София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская)	18
Павел Первый. Павел I Петрович	20
Александр Первый. Александр I Павлович, Благословенный	22
Николай Первый. Николай I Павлович	23
Александр Второй. Александр II Николаевич, Освободитель	25
Александр Третий. Александр III Александрович, Миротворец	26
Николай Второй. Николай II Александрович	28
Львов Георгий Евгеньевич	30
Керенский Александр Фёдорович	31

ТАТЬЯНА ЗРЕЛОВА

Напиши про деревню	33
--------------------------	----

СОДЕРЖАНИЕ

Жизнь моя, ты взмыла птицей!	35
Красавки	36

ТАМАРА КОВАЛЬЧУК

Время на осеннем рубеже	38
Рождение зари	39
Ах, июль	40
Фонащик	41
Белорусской природы картина	42
Вареники мамы моей	42

ЛАРИСА АДЛИНА

Сонеты и триолеты	45
-------------------------	----

ЛЮДМИЛА ОРАГВЕЛИДЗЕ

Звезда и костёр	51
В седьмом "б"	52
Спящая невеста	52
Сквозь времена	53
Я их храню... ..	54
Изгнанники	54
Зачем?	55
Плоскодонка	55
Не жди	56
Когда исчезну... ..	56

ЕВГЕНИЙ СЕЛЕЗНЕВ

Творец	58
Чернобыль, декабрь 1987	59
Учёный	60
Гуманитариям пристало... ..	60
Наука	61
Служа науке, что ещё желать... ..	62
Все математики в плену у формул... ..	62
И физика, и лирика и проза... ..	63

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕКРЕСТОК, 2026

Наука — это страсть или искусство... ..	64
---	----

АНАСТАСИЯ САМОКИНА

Живи не прошлым	65
-----------------------	----

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

ЮРИЙ ПКИН

Но спешить я должен	68
Моя деревня	69
Зимние дни	70
Почему мой сын не спит	70
В свою бурку завернувшись	71

ПРОЗА

ВИТАЛИЙ ЕРЁМИН

Тонкий и Толстая	72
------------------------	----

МАРИНА СОЛОВЬЕВА

Девочки и война	77
-----------------------	----

РЕНАТ БАКИРОВ

Наследница	86
------------------	----

ТОМА ТОРРЕС

Хозяин Парижа	102
---------------------	-----

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

Заноза	113
--------------	-----

РАМИЛЯ МАЗНАЯ

Страсти по горшку117

АЛЕКСАНДР БОЛЬШАКОВ

Апшерон. Случай в пансионате120

Гроза над Каспием122

Прогулка123

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВ

Пацифист126

ВИТАЛИЙ СТАНЦО

Космос129

НИКОЛАЙ ДАНИЛИН

Сбой ритма139

МАРИАННА НЕКРАСОВА

Тоня Тюленева145

НАТАЛЬЯ ФИЛАТОВА

В Серебряниках148

ДАРЬЯ ПАНКРАТОВА

Зеркало мира154

МАРК ЧИХВАРИЯ

Девочка и лес161

МАРИЯ ПОЛЯНСКАЯ

Невеста Горного царя170

ПУБЛИЦИСТИКА

ВАЛЕНТИН БАЮКАНСКИЙ

Я — тот самый кулик180

Следователь181

Писатель-краевед182

Книги не только источник знаний184

Любить по обязанности185

ЛЮДМИЛА СТАСЕНКО

Когда Москва стоит в пробке187

ЮМОР

ВИКТОР ИВАНОВ

Афористический монолог про искусство писать... картины198

ЗОЛОТЫЕ РОССЫПИ

ФЁДОР РАДЕЦКИЙ201

САЛЕК ПИНИГИН201

ВЛАДИМИР КАФАНОВ203

Главный редактор
Джангули Гвилава

Редакционная коллегия:

Ева Меркачева (1-й заместитель главного редактора),
Татьяна Федоткина (заместитель главного редактора),
Жанна Голубицкая, Геннадий Попов,
Алексей Миронов, Лев Новожёнов, Михаил Стародуб

Сергей ЧЕПЕЛЕВ

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

ПЁТР ПЕРВЫЙ

Пётр I Алексеевич

Пётр Великий

период правления
07.05.1682–08.02.1725

Степи, топкие болота,
Глухомани и ветра —
И вся Русь теперь забота
Малолетнего Петра.

Что в Начале? Ботик-лодка,
Дерзость, детская мечта,
Энергичная походка
И — что Бог предначертал...

Отрок, венчанный на Царство,
Юный царь Всея Руси
На родное государство
Не жалеет средств и сил.

Знает многие ремёсла
И морей суровый нрав,
Может сам сидеть на вёслах,
Взять топор, держать штурвал.

Он порой бывает жёстким,
Может вспыхнуть гнев в очах
Долговязого подростка,
Узковатого в плечах...

Не милы Петру устои
Вечно треснувших корыт,
Он свою Россию строит —
Путь в Истории торит!

В армии идут реформы,
Но не замки из песка —
Обретают стать и формы
Регулярные войска!

Он от самой колыбели
Вырастил военный флот —
Как дитя его взлелеял,
Все фрегаты, весь оплот!

Уж не кажутся забавой
Начинания с «азов» —
Шведа били под Полтавой!
Взяли приступом Азов!

И построили столицу!
Смотрит чудный град Петров
В озадаченные лица
Европейских городов.

Достижения Европы!
Город светел, город яр!

Есть трактиры, барбершопы —
Правда, только для бояр.

До Петра — грибы в лукошке,
Квасы, ягоды да морс...
Он же приучил к картошке,
Кофе, чай, табак завёз...

Раньше не было музеев —
Он кунсткамеру создал
И проводит ассамблеи —
Новостей девятый вал!

Табель новая о рангах!
И январский Новый год!
Сам в газетных первых гранках
Он порядок наведёт!

И — Империя в итоге!
Но издержки — рабский труд...
Многие протянут ноги,
Сгинут... Просто пропадут!

Да, он жёстко правил царством,
Был совсем не серафим...
Несмотря на все мытарства
Через триста лет — любим!

Мудрое царёво око
Смотрит из глубин веков —
От Начала, от Истоков,
От Корней и от Основ...

ЕКАТЕРИНА ПЕРВАЯ

*Екатерина I Алексеевна (Михайлова)
(Марта Самуиловна Скавронская)*

период правления
08.02.1725–17.05.1727

Да, всё так — из грязи в князи...
Только Марта по пути
Завела такие связи —
Что никак не превзойти!

Как же пленная крестьянка
обретает стать ферзя?
У Петра бывали пьянки —
Женщины, вино, друзья...

Вот пред ясными очами
Промелькнула... Тут же влёт
Повела чуть-чуть плечами...
Улыбнулась... Всё — клюёт!

Да, она его любила
Может быть не просто так,
Но в ней точно что-то было...
И не только ум и такт...

«Марта, как ты благородна!
Стань же Катенькой, мой друг!»
Прибалтийская мадонна
Введена в ближайший круг...

Доброта, неприхотливость,
Лёгкий и весёлый нрав,

Жизнелюбие и живость
Без претензий... Он был прав...

Всё без криков и скандала -
Лучше Кати в мире нет!
Царь погуливал... Бывало...
В деле этом был эксперт.

Вспышки царственного гнева
Лишь она могла унять...
Или колет где-то слева —
Это к Катеньке опять...

Жизнь кончается... И каждый
Упирается в предел...
Так случилось, что однажды
Император заболел...

А потом к Екатерине
Перешли и трон, и власть,
Но лишь та, что «на витрине»,
Только видимая часть...

Создан был Совет Верховный —
Тайно быть повсюду «над»,
Полномочия огромны —
Многим больше, чем Сенат.

Меншиков ведёт бумаги, Всё решая каждый раз, Ну а царские «отваги» — Подписью скрепить указ!	Лишний вес и возлиянья Не щадили и мадонн... Умерла императрица... В летопись былых времён Вписана её страница... Час настал иных имён...
Жаль, что коротки сиянья, Снова сиротеет трон...	

ПЁТР ВТОРОЙ

Пётр II Алексеевич

период правления
17.05.1727–30.01.1730

Внук Петра, ещё ребёнок... Мальчик мрачен как гроза... Тёмно-карие «с пелёнок» Вечно грустные глаза...	Что цари должны работать — Даже мысли нет. Ни-ни! Плотный график — то охота, То кулачные бои...
Сирота не видел мамы, И почти не знал отца... Отпечаток этой драмы Не сходил с его лица...	У монарха «Алексахке» Быть бы вечно за спиной... Но не миновать промашки — Тленно всё, что под луной!
Хоть и схож с великим дедом Тот, кому завещан трон, Но плевать ему на дело — Он другой, с другим нутром...	Пробил час и вот — опала — Меншиков лишен наград... Сослан... Ну а Власть попала К Долгоруковым в подряд.
У него капризов море... Вздорен царь, нетерпелив, Окружающим на горе Инфантилен и ленив...	В Петербурге сыро, гадко... Царский двор бежит в Москву... Вновь в державе нет порядка, Вновь раздолье воровству...

Штык ржавел, тупилась сабля... Подгнивал страны оплот — Снова армия ослабла, Приходил в упадок флот...	То подай ему легавых, То борзых, то медведей... Фейерверки, лают мопсы... Вдруг тускнеет яркий свет... Умирает Царь от оспы, Не прожив пятнадцать лет...
У Петра ж одни забавы! Масса планов и идей!	

АННА ИОАННОВНА

период правления
26.02.1730–28.10.1740

Анна дочь царя Ивана, Средняя из трех сестриц, В будущем вторая дама В череде императриц.	Немцами спокойно правит... Из России вдруг гонец! Не простой гонец! С конвертом! — Ну, давай сюда конверт! Тут какая-то оферта... Любопытный документ...
Её дядя — Пётр Великий! Нравится, не нравится — Всё, что он не повелит ей — Исполняй, племянница!	Члены Тайного Совета Анну на престол зовут! Ставят, правда, ей при этом Множество условий тут...
Выдал Анну за Вильгельма... Тот на равных с ним и пьёт! Герцог этот — ох и шельма! Что огонь ему, что лёд...	Вся их суть в короткой фразе: Власть Совет не отдаёт! Просто стой как роза в вазе... Но ведь чем не шутит чёрт?!
Но не выдержал и — сгинул... Анна жизнь начнёт с утрат... За границей герцогиню Оставляет папин брат...	Ясность взглядов и суждений, И сметливый склад ума, Всё у Анны от рождения... Как ответила она?
Двадцать лет уже в Митаве... Анна свыклась наконец —	

Соглашается сначала...
Укрепляет царский трон,
Рвёт прилюдно все «Начала»,
Даже не повысив тон...

Что ж — виват, Императрица!
У неё теперь вся власть!
Ну а что она за птица
И к чему питает страсть?

Царский двор чрезмерно пышен —
В завитушках словно брошь...
Пошлой роскошью всё дышит...
Меры нет! А где возьмёшь?

Анна, скажем, крупновата...
Что уж там — она толста,
Но за то — ума палата,
Только с виду и проста.

Про лицо. Оно пошире,
Чем обычный женский фас,
А глаза? Глаза большие...
Бирюзовый цвет у глаз...

Властная и волевая,
Сильный голос, важный вид,

Слышит, чувствует и знает —
У кого чего болит...

Орган хитрецов распушен
И Кабмином заменён.
И — дела пошли получше,
Пыль стряхнули со знамён!

Петербург опять столица!
Стало очень много «крыс» —
Подозрительные лица...
Занят ими тайный сыск...

Слухи, новости и сплетни —
Каждый день как Рождество!
Питер зимний, Питер летний —
Игры, танцы, шутовство...

Как не вспомнить тут Бирона —
Немец, обер-камергер,
Фаворит — всегда у трона,
Или в спальне, например...

Заболела... Но корону,
Что носила десять лет,
Передать нельзя Бирону,
Покидая Белый свет...

ИВАН ШЕСТОЙ ИВАН VI, Иоанн Антонович

период правления
28.10.1740–06.12.1741

Грудничок, но — император!
Был ему завещан трон!
У младенца есть куратор —
Выбран регентом Бирон.

Ровно через три недели
Кляп тому засунут в рот
И в «бироновой» постели
Совершат переворот!

В результате его мама
Станет регентом на год,
А потом другая дама
Всё вверх дном перевернёт...

Профилактика эксцессов!
Арестован весь дворец —

Анна — регентша-принцесса,
Ваня и его отец...

Жертва властной круговерти
Двадцать с лишним лет в тюрьме,
Без вины, до самой смерти —
В непроглядной серой тьме...

Свет на нём сошелся клином...
У него права на трон!
И опасен он как символ,
Как заряженный патрон!

Вся Судьба его трагична...
Но закончился арест —
Он убит охраной личной...
Вот такой ужасный крест!

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА

период правления
06.12.1741–05.01.1762

Миловидна, чуть курноса Дочь Великого Петра, После гневного разноса Милосердна и добра...	Возвращались идеалы И традиции Петра — После длительной опалы Заседал Сенат с утра.
Вспыльчивость и незлобивость... Добродетель и порок... Как весы: чуть влево — милость, Вправо — гнев через порог...	Чем ещё красна эпоха? Праздников размах и ширь! Проходили и неплохо Экспедиции в Сибирь!
Пышной роскоши избыток, Маскарады каждый день Изводили хуже пыток И на трон бросали тень...	Стили рококо, барокко... Их вершины-образцы Представляли ненароком Грандиозные дворцы.
Время шло... Елизавета Повзрослела, наконец, И всё чаще в ней при этом Просыпается отец.	Академия художеств, Первый банк и МГУ — Первый шаг грядущих множеств. Что ещё сказать могу?
Войны чередой победной — Её кредо-реноме, Но отмена казни смертной Показательна вдвойне!	В процветании дворянства И культуры был изъян — Ведь за всё платило рабство И бесправие крестьян...

ПЁТР ТРЕТИЙ
ПЁТР III Фёдорович
(Карл Петер Ульрих)

период правления
05.01.1762–09.07.1762

Самодержицы не стало... Прямо с раннего с утра Ненадолго, но настало Царство Третьего Петра...	Слухи ходят, что был хилым, Даже чуть ли не больным... А ещё, что он был милым, Простодушным и не злым...
Земли церкви резать дерзко Тут же начал внук Петра — И ещё задули резко Прогерманские ветра...	Говорили, был доверчив... Часто брал вина бокал — И пожар душевных смерчей Алкоголем заливал...
С императора картины Не успеют написать... Заговор Екатерины... Власть меняется опять...	Говорят, был остроумен И в делах неутомим... Если б рано так не умер, Может мир бы стал другим...
Он отрёкся... Вскоре в Ропше Умер... Или был убит? Тишина... Никто не ропщет, У вдовы невинный вид...	Что ещё? Ценил искусство, Часто скрипку в руки брал, Не питал к супруге чувства... Мог ли быть иным финал?

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ
Екатерина II Алексеевна
Екатерина Великая
(София Августовна Фредерика
Ангальт-Цербстская)

период правления
 09.07.1762–17.11.1796

Тётка, прежняя царица Подобрала для Петра В жёны эту вот девицу — Ведь детей иметь пора!	План, придуманный толково! Постаралась... И не зря!
Но пронизан неприязнью Династический «союз» — Каждый в нём имеет связи Вне формальных брачных уз...	Скоро! Скоро всё случится! Жертва мечется... И вот — Всё! Она императрица! Совершён переворот!
Павла, что рождён при этом Только на десятый год, Властная Елизавета У мамыши отберёт!	Не красавица с картины... Но манила и влекла! В чём секрет Екатерины? Хитрой бестия была!
То, что с мужем быть опасно И вопрос стоит ребром Станет ей предельно ясно, Только тот примерит трон...	Хороша она и взглядом Голубых весёлых глаз! Тонут в омуте кто рядом, Тонут, бедные, тотчас...
А раз так, то всё готово Для свержения царя —	Расцвела литература, Шло развитие искусств, Просвещения... Цензуры! Осторожней, златоуст!

Появляются больницы
 Для обычных горожан,
 В Смольном учатся девицы
 У заезжих парижан...

Первая библиотека,
 Знаменитый Эрмитаж —
 Всё для блага человека?
 Или видимость, мираж?

Показуха... Ложь без риска —
 Как по нотам: до, ре, ми...
 Вот зачем ей переписка
 С очень умными людьми!

Лет пятнадцать длится сага!
 В чём интриги тонкой нить?
 Про общественные блага
 Можно долго говорить!

Мнение узнать Вольтера
 О позиции Руссо!
 Создаётся атмосфера!
 Имидж ловится лассо!

Европейские светила
 Не спускались в нашу тьму...
 Светом их она светила!
 Мудрецам на это — тьфу...

Но не в том её отвага —
 Не о том ведём мы речь!
 Это всё — слова, бумага...
 А отвага, где картечь!

Нужно ей простора больше —
 Нужен Крым, нужна Кубань,
 Грузия нужна и Польша,
 И, конечно же — Тамань!

А даётся всё непросто —
 Непосильный рабский труд
 Фронт снабжает и... погосты...
 Крепостные скопом мрут...

«Догола» Екатерина
 Раздевает всех крестьян...
 Но не радует картина
 Жизни даже у дворян...

В том не видели изъяна,
 Что мужик пахал как вол.
 Пугачёва Емельяна
 Порождает произвол!

Ассигнации — проформа...
 Фантики плодит Госбанк,
 Их губернская реформа
 Прожигает только так!

В ус не дули фавориты,
 И вельможей крупных рать...
 Войны в долг вели... Кредиты
 Не самим же отдавать...

Вот он — краткий «катехизис» ...
 Вот такие вот дела —
 Внешний долг огромный...
 Кризис...
 А царица умерла...

Немка на престоле русском
 Дольше, чем прожил Христос!
 В том — Великое искусство,
 Но не так стоит вопрос!

Где же, собственно, Итоги?
 И какой такой Успех?
 Но — Великая! Для многих...
 Даже может быть — для всех...

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ

Павел I Петрович

период правления
 17.11.1796–24.03.1801

По лекалам скроен прусским,
 Неказист и ростом мал,
 У лица чужой, нерусский
 Вызывающий овал.

Он насмешлив, ироничен,
 Но любезен, и умён,
 И предельно педантичен —
 Редкий дар для тех времён.

Как родной ему французский,
 И немецкий, и латынь,
 С математикой и русским
 Павел также был «на ты»!

Не любил балы... Но, впрочем,
 Иногда и танцевал.
 Ноты знал прилично очень
 И на клавишных играл.

И ещё любил собачек,
 Кошек, птичек, лошадей,

Искренне и без подначек
 Уважал простых людей...

Долго он менял мундиры,
 Но до царского дорос,
 И теперь в любые дыры
 Сунуть мог курносый нос.

Оценив своё наследство,
 Что оставила татап,
 Понял он, что не по средствам
 Тут закатывали бал...

И, едва лишь воцарившись
 В стенах Зимнего дворца,
 Избавляется от лишних,
 Коронует прах отца.

И повсюду Правды ищет!
 Целый пласт людей прощён,
 Амнистирован Радищев
 И из ссылки возвращён.

И во всей его природе
 Рыцарский звучал мотив —
 Император благороден,
 Аккуратен, справедлив.

Рыцарство, Мальтийский орден...
 Выбран был нелёгкий путь...
 Трудно что-то этой фронде
 Ограничить хоть чуть-чуть...

Всё же поприжал в разгуле
 Привилегии дворян!
 Загудел тревожно улей
 Оживающих крестьян...

Флот и армия — к реформе
 Прагматический подход.
 И итоги в чёткой форме —
 Кратно сниженный расход!

И теперь Страна сурово
 Может наказать врагов!
 Бьёт на суше их Суворов,
 Бьёт на море Ушаков!

И была в состав России
 Включена при нем Аляска,
 И из Грузии просили
 О включении. Не сказка?!

Дёргали казну «за вымя» —
 Безотчетно, но уже
 Для Империи впервые
 Свёрстан годовой бюджет.

Правда Павел очень вспыльчив,
 А вспылит — так самодур...

Подозрителен, обидчив,
 Деспотичен чересчур...

Всё держал он на контроле —
 Каждый прыщик, каждый вздох...
 Он пытался выпить море...
 И, конечно же, не смог...

Шёл со многими не в ногу...
 Многим шёл наперекор...
 Многим перешёл дорогу...
 Вот тебе и приговор...

Жизнь, увы, полна изнанок...
 Пален так подстроить смог,
 Что однажды на ночь замок
 Не закрыли на замок...

И ещё — там нет охраны!
 Входят в спальню «яко тать» ...
 Круг знакомый... Кто-то главный
 Предлагает подписать...

Отречение готово!
 Только обмакнуть перо...
 Давят жёстко... Снова... Снова...
 Драка... Сломано ребро...

Не сдавался Павел Первый
 И боролся до конца...
 У кого-то сдали нервы...
 И убили... Как отца...

Кто же он? Кумир народный?
 Деспот? Гамлет? Дон-Кихот?
 Немец? Рыцарь благородный
 Или русский патриот?

АЛЕКСАНДР ПЕРВЫЙ

Александр I Павлович,

Благословенный

период правления
24.03.1801–01.12.1825

Ни характером, ни внешне
Непохожий на отца...
Волос — спелая черешня,
Мамины черты лица.

Нос прямой и аккуратный,
Привлекательный на вид,
Мягкий, ласковый, приятный
Бирюзовых глаз магнит.

Проницательный и хитрый —
Белый уголь, черный мел...
Лицемерный, умный, скрытный —
Всем понравиться умел.

Как одежду под погоду
Мог подстроить мысли прыть,
Облик свой менял в угоду,
Чтоб казаться, но не быть...

Загорался очень быстро,
Так же быстро остывал,
Стартовал красиво, чисто!
Что не скажешь про финал...

Компромисс в разряде нормы —
Чтоб не тратить много сил

Либеральные реформы
В полумерах утопил...

Почему ж — Благословенный?
Просто так не станут звать!
Был успех — успех военный!
И побед не сосчитать!

По окраинам — зарницы...
Войны... Войны там и тут...
Бессарабия в границы
И Финляндия войдут...

Был в друзьях... Теперь вторже-
ние —
Бонапарт идёт войной!
Бородинское сраженье
Происходит под Москвой!

И Москва потом не даром
В поруганье отдана...
«Город пуст... Горят амбары...
Непонятная Страна!

Нет же никаких ресурсов...
Как обозы снарядить?»
Вам по гуще каши русской,
Мать французскую ет**ь?!

Гнали! Гнали Бонапарта
Из непрошенных гостей —
До Парижа! До Монмартра —
Годы — в топе новостей!

Но ослаб победный фактор...
Как ни больно, как ни жаль —
Захандрил и император,
Овладела им печаль...

Порученец Аракчеев
Управлял теперь Страной —
Дьявол с внешностью злодея...
Или ангел грубый, злой...

Блѣкнет всё, что царь лелеял,
Так безудержно хотел...
Гаснет луч, темна аллея
Скучных и не нужных дел...

Но в таком унынье даже
Всё же оставалась страсть —
Жажда странствий! В экипаже
По Стране он ездит всласть!

Всё случается в дороге...
Простудился... Заболел...
И скончался в Таганроге,
Вдалеке от важных дел...

НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Николай I Павлович

период правления
01.12.1825–02.03.1855

В траур убрана столица...
Нет печальнее картин...
Думали, что воцарится
Старший в доме — Константин.

Константина из Варшавы
Ждали в роли короля,
Профили главы державы
Выбивали на рублях...

Константин не принял царства!
Вот такая новость... Но —

Кто возглавит государство,
Оговорено давно.

Выбран загодя преемник
И подписан манифест...
Он секретный! А наследник
Не желал нести сей крест...

Зная всё о манифесте,
Что ему держать штурвал,
Николай со всеми вместе
Константину присягал...

До последнего надеюсь —
Может всё же Константин?!
Тщетно всё... Надежды — ересь,
Рок Судьбы неумолим...

Николай высокий ростом,
Правильный со всех сторон,
Собранный по строгим гостям —
Телом просто Аполлон!

Чёткий сильный подбородок,
Рот красивый, римский нос.
Да, видна! Видна порода —
До чего породист босс!

И тотчас же у Сената
Декабристов зреет бунт...
Как ответит император?
Пряник, пушки или кнут?

Бунтарям всё надоело —
Монархический бардак...
Вот мятеж — другое дело!
Это же — порядок? Так?

Милорадович напрасно
Убеждает разойтись...
Снег, залитый кровью красной...
За чертой осталась жизнь...

Власть окажется сильнее!
Царь восстане подавил,
Но в «мятежные» идеи
Вник и частью воплотил!

Как же тяжело быть первым!
Тридцать лет на свой манер
Сам себе мотает нервы
Император-инженер...

Нет в Стране системы права...
Да и просто права нет!
Но царя не знали нрава —
«Нет? Так будет!» — был ответ!

Дисциплина и порядок!
Сам по складу бюрократ
Раздувает на порядок
Свой чиновный аппарат.

Ветер мыслей вольнодумных
Крепко заперт на замок —
Сыск, да плюс устав
«чугунный» —
Пикнуть чтоб никто не мог!

Маг конструкций инженерных
Строит множество дорог —
И железных, и шоссейных!
Тут монарх — дорожный Бог!

Но какое-то топтанье...
Очень маленький прирост...
Нет... Страна при Николае
Не идет в серьезный рост...

Каждый год в стране всё хуже...
Нет спасительных реформ...
Реформатор ой как нужен
Для замены дряхлых форм.

Крым в огне... Угасли чувства...
Вот и близится финал...
Побеждать — всегда искусство!
Николай же жить устал...

Фактор множится на фактор —
Не идёт война к концу...
Умирает император...
Сын наследует отцу...

АЛЕКСАНДР ВТОРОЙ *Александр II Николаевич,* *Освободитель*

период правления
02.03.1855–13.03.1881

Николай, почивший в Бозе,
Раньше часто говорил:
«Жил я мыслями о пользе
«От Варшавы до Курил!»

Передать мечтал потомкам
Благодатную страну!
Но в итоге что-то скомкал,
Недоделал, недогнул...

Что оставил он в наследство?
Рабство и убитый Крым...
Ограниченные средства...
Над полями сизый дым...

Что наследник? Он опрытен,
И затянут в поясок,
Свеж, лицом красив, приятен,
Статен, строен и высок...

Дед ему оставил имя,
Царский профиль и анфас!
И романовский фамильный
Цвет небесный грустных глаз...

И из этих положений
Как-то удалось ему
Без особых поражений
Завершить войну в Крыму!

И при нём войны кавказской
Наступил-таки финал!
Но зачем он так с Аляской?
Я б её не продавал...

Долгожданных изменений
Начинает он процесс,
Тут уж никаких сомнений —
Тут уж точно — молодец!

период правления
13.03.1881 – 01.11.1894

26

НИКОЛАЙ ВТОРОЙ

Николай II Александрович

период правления
01.11.1894–15.03.1917

Было время... Жизнь беспечно
И размеренно текла,
И казалась сказка вечной
Из фарфора и стекла...

Что незыблема святая,
Необъятная страна —
Без предела... И без края —
Высь её и глубина!

Дни бежали и бежали,
Истончался календарь...
Принял царство и скрижали
И последний государь...

Уходящая натура...
Добродушный и не злой...
Уникальная фигура...
Никки... Николай Второй...

Продолжая в закулисье
Династический процесс,
Царь женился на Алисе,
Что из гессенских принцесс...

Коронован Божьей волей!
Торжество омрачено...
Давка на Ходынском поле —
Знак плохой, и очень... Но...

Что устоям старых правил
Остаётся двадцать лет,
Николай не знал и правил,
Приближая море бед...

Впрочем, делалось немало —
Золотой стандарт рубля!
Больше хлеба и металла!
Больше ситца и угля!

По статистике — всё чудно!
Рубль твёрд, тяжёлый фунт,
Плохо лишь «низам»...
Подспудно
Там как раз и зреет бунт...

Ещё верили в спасенье —
На поклон пошли к царю...
Было это в Воскресенье...
Кровь окрасила зарю...

Да ещё война с японцем...
Вот кого за это пнуть?
Где вчера вставало солнце —
Стали корабли тонуть!

Царь теряет популярность...
Недовольна вся страна...
Год прошёл, утихла ярость,
Но проиграна война.

Вывод прост и всем понятен —
Армии ослабла прыть!
Факт до боли неприятен —
Что же делать? Как же быть?

Всё же как-то все невзгоды,
Политическую злость
Притупить за эти годы
Власти царской удалось!

Не было свободы слова,
Не было других свобод...
У свобод теперь основа —
Царский Манифест! И вот...

Вихрем кружатся мандаты,
Бланки ходят колесом,
Это Дума? Депутаты?!
Или сумасшедший дом?!

Часто уступая в споре,
Гибкость проявляла власть...
Потому и смута вскоре
Ну... почти что улеглась...

У Столыпинской реформы
Нарастал потенциал —
Содержание и формы
Выше всяческих похвал!

И вот тут — убит Столыпин...
Ключевой министр, премьер...
Козырь из колоды выбит —
Никаких серьёзных мер...

Год тринадцатый отметим —
Пик развития Страны!

И — крушение отметин
В преисподню Сатаны...

Вновь война... В разгаре лета
Немец прёт как на парад!
Петербург в ответ на это —
Заменяет «-бург» на «-град»!

Петроград... Дела всё хуже...
И в шестнадцатом году
Вся Страна к огромной луже
Подлетает на ходу...

В декабре убит Распутин...
Он Стране пророчил Ад...
Что монархии не будет —
Это Старец виноват...

И сбылось же! Накатило
Время крупных неудач...
Император, пусть и милый,
Не решал своих задач...

Тяжела царёва доля...
Мерный гул... И над толпой
Истеричное: «Доколе?»
Безысходное «Долой!»

Скрепки погнуты и ржавы...
Нет опоры — прогнила...
Власть в руках самодержавных
Удержаться не смогла...

Ставит Царь последний росчерк
Под крушением основ...
Нет монарха — жирный прочерк...
Царский поезд. Город Псков...

Царство кончилось арестом В Александровском дворце... К осени — другое место... И пока не при Творце...	Исполнял приказ Юровский - Расстреляли... Даже слуг...
Снег... И чёрные полосы... Вся семья и слуги тут Дышат воздухом тобольским До весны чего-то ждут...	Всё случилось на Урале... Город Екатеринбург, Дом Ипатьева... В подвале Их встречает Демиург...
Люди, подлые чертовски, Взяли и решили вдруг...	На вопрос ответ не внятный: Жертва царь или герой? Но не все монархи святы... Только Николай Второй...

ЛВОВ ГЕОРГИЙ ЕВЛЕНЬЕВИЧ

был у власти с 15.03.1917 по 20.07.1917

Час ещё до отречения... Двадцать лет — последний час... Князя Львова назначение — Николаевский указ!	Князь по взглядам был кадетом, А на вид — аристократ...
Депутатов бывшей Думы Непонятный комитет Думал... Думал... Что тут думать? Вариантов больше нет!	Он носил усы густые С аккуратной бородой, Тройки строгие простые, Галстук, впрочем, дорогой.
В суете таких инстанций, Что и сами-то странны — Появился без оваций Временный глава страны...	Есть начальник — нет порядка... Только ширится бардак! Деревенская двухрядка... Голуби на проводах...
Ознакомимся с портретом. Настоящий демократ,	Комитеты... Депутаты... Боевой Петросовет... Там стреляют... Тут дебаты... Ночи красят в белый цвет...

Всё сильнее бушуют страсти! Дайте воли Сатане — И шизофрения власти — Двоевластие в Стране!	Вот уже вернулся Ленин... Где-то точат топоры...
Полномочия у Львова Без насилий не сильны... Всё тягуче бестолково... Но в народ стрелять — ни-ни!	Был потом — июльский кризис. Думцы Власть сумели взять — Как-то всё же исхитрились Демонстрантов разогнуть!
Вот итоги за полгода: Да! Свободная печать! Настоящая свобода! Можно даже покричать!	Разногласия... Отставка... Просто всё как дважды два... Управлял, мол, слишком мягко Для условий бардака...
Шире окна! Шире двери! Только радость до поры...	Позже будет арестован, Но сбежит потом в Париж... Можно убежать из дома... От себя — не убежишь...

КЕРЕНСКИЙ АЛЕКСАНДР ФЁДОРОВИЧ

был у власти с 20.07.1917 по 07.11.1917

Кто заменит князя Львова? Выбор нас не удивит — Есть во Временном толковый, Всем знакомый индивид.	Настоящий Вождь народный! Слушай пламенную речь!
Он и так уже военный, И юстиции министр, И морской... Уставший, бледный, Как бумажный белый лист...	Наш Маяк и символ Правды! Гений! Светоч! Рулевой! И залог успеха главный — Говорили про него.
Прост в общении, не гордый, Словно врос в защитный френч...	Но, промашка! Получите! Вам — корниловский мятеж! Сам же назначал, Правитель? А теперь ножами режь?!

Как исправить всё и сразу?
Самому Верховным стать!
Будто подцепив заразу,
Как в бреду шатает власть...

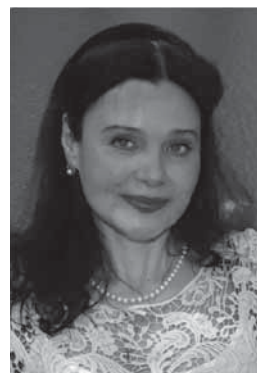
На имперскую стихию
Не хватает больше сил...
Он Республикой Россию
В сентябре провозгласил!

Был любимцем всенародным!
Говорил и убеждал!

А теперь какой позорный
И отчаянный финал...

Без каких-то там прелюдий
В октябре на кураже
Власть берут другие люди...
Ноги унести б уже...

Миф? Спасаясь, в женском платье
Он из Зимнего бежит...
Во дворцах теперь полати...
Мир над пропастью... Во лжи...

Татьяна ЗРЕЛОВА

Член Московского союза литераторов. Родилась в Москве. Закончила МГИК, Свято-Тихоновский Богословский институт, работала по линии МИДа за рубежом. Выпустила 5 литературных сборников, написала почти тысячу стихотворений и поэм, ряд из них переведен на иностранные языки, по поэме «Сердце Байрона» снят фильм на английском и русском языках. Песни на ее стихи писали многие известные композиторы и они постоянно исполняются с большой сцены. Член РАО, Союза журналистов, Союза писателей России, вице-президент международной академии русской словесности. Лауреат и победитель многих конкурсов, награждена специальными знаками и медалями за литературные достижения.

Напиши про деревню

Напиши про деревню, а я почитаю,
Расскажи обо всём в задушевных строках!
В этих сельских вещах — только мы понимаем —
Кто там вырос, окреп у села на глазах.

Дни летели мои, как осенние ливни,
Пронеслись, как седые зимы холода.
Не забыть мне пурженья черёмухи дивной,
Не забыть молодые ребячьи года!

Помню я, как мечталось вечерней порою,
Я искала звезду для себя в небесах.
Веселил Млечный Путь звездопадом весною,
Огоньками мелькая в чужих городах.

Я покинула дом, там где радостно было
От цветущих садов и безбрежных полей
И оставила то, что так сердцем любила
То, что было дорожке всех в мире огней.

Я жила в городах, где пустые надежды
Разбивались о каменный жизни причал.
Повидала я мир, где смыкаются вежды
И в душе остаётся один капитал.

А с годами тоска по тебе всё сильнее,
Моя тихая Родна, милая мать.
Не сравнишься ты с Лондоном или Сиднеем,
И любовь от тебя никогда не отнять!

Слышу я перезвон тишины над деревней,
Вижу речку в лугах и просторы полей.
Всех дорожке мне образ Руси этот древний,
Взор ее голубых и бездонных очей.

Напиши про деревню, про алые зори,
Как луга пахнут сеном, а поле зерном.
Напиши, про своё деревенское горе,
Как корова издохла, и тьму за окном.

Край суровый родной, нелегка твоя доля.
Хлебопашных земель заросла целина.
Но душою крестьянской дорожке мне поле,
Мне любить этот Рай, Сила Божья дана!

Жизнь моя, ты взмыла птицей!

Жизнь моя, ты взмыла птицей —
Не догнать тебя, мой свет!
Дай тобой мне насладиться,
Как на ранний первоцвет!

Дай тобою надышаться —
Зрелым ветром сентября!
Всё быстрее ты стала мчаться,
Листопадами горя.

Сохнут рощи золотые
Да приносят благодать,
И поля влекут пустые,
И зимы седая прядь.

Как люблю я эту землю!
Жизнь моя, не торопись!
Этот мир, душой объемя,
Я кричу: остановись!

Где ты, юности счастливой,
Ненаглядная краса?
Пронеслась она ретиво
Как весенняя гроза.

Мне бы вёсны, ледоходы,
Вспять, к истоку повернуть.

И остаться там, где воды
Начинают жизни путь...

Ты последние денёчки
Растяни мне на года,
Чтобы в каждой свежей строчке
Я была бы молода.

Чтобы в каждой новой песне
Расцветала, как сирень.
И с весенней птичьей вестью
Начинала ранний день!

Чтоб душа была желаний,
Словно в юности, полна!
Чтобы день от зорьки ранней
Всё звенел мне, как волна,

Чтоб во мне Сергей Есенин
Силу мысли воскресил
И своей "сердечной кровью"
век творил и вечно жил...

Писать сердечной кровью* — искренне, от всей души

Красавки

Небесная синь необъятна
Над бездной бескрайних полей.
Глазами следить мне приятно
За клином степных журавлей.

Летят они в южные страны,
Где жаркое солнце палит.
Там нежат их утром туманы
У тёмных прибрежных раки.

На дальней чужбине зимую,
Где дремлет камыш над рекой,
По русскому полю тоскуют,
России, им ставшей родной.
Гнездятся весною на травке,
На пашнях поближе к жилью.
Людей не боятся красавки
И Родину любят свою.

В суровый поход отбывая,
Трубят журавлиный отряд,
С тоской беспредельной
вещая,
Что вновь возвратится назад.

Тоска та плывёт по просторам,
Рождается в грустных стихах,
Когда, раскурлыкавшись хором,
Колышется клин в облаках...

И я, поразившись тоскою
По их неземным голосам,
Красавок приветствую стоя,
И славу пою Небесам!

* Степной журавль — один из самых красивых птиц, недаром в народе его называют красавкой. Позади выразительных красных глаз очень заметны длинные пучки белых перьев.

Тамара КОВАЛЬЧУК

Член Союза писателей Беларуси, Союза писателей Союзного государства, Московского Союза литераторов. Автор 30 книг поэзии и прозы для детей и взрослых. Председатель общества дружбы «Беларусь-Болгария», заместитель председателя общества дружбы «Беларусь-Россия». Лауреат 9 литературных премий.

ВРЕМЯ НА ОСЕННЕМ РУБЕЖЕ

Загрустила ива на рассвете.
Что не так? Речушки берег светел,
Лишь зерно машины увезли
Да плывут куда-то корабли

Серых облаков, чуть-чуть лохматых,
На дождинок семена богатых.
А под ними журавлиный клин
Будит криком мир для всех один.

Ходит аист по стерне высокой
А за ним — проказница-сорока
И трещит трещётка во всю мощь,
Будто просит в чём-то ей помочь..

Шелестят стогов высоких платья
От жеманства, ветерка объятья.
Понимает ива, что уже
Время на осеннем рубеже.

В серебре рождённые листья
На настил согбенного мосточка
Падают, в безумии кружась,
Пылью придорожной становясь.

Жалко неразумных ей, как маме,
Только не помочь житейской драме.
Такова рожденных всех судьба —
Жизнь лишь там, где теплится борьба.

РОЖДЕНИЕ ЗАРИ

Лишь заря глаза открыла, небо
Окропили яркие лучи,
Засветилась безмятежно верба
В пламени неведомой свечи,

Загорелся стог сухой отавы,
Запыхтел, как баба на сносях.
Подставляя солнцу бок свой правый,
Пчёл собрал на колышках, ветвях.

Задрожали ивы, как девицы,
Приподняв серебряный подол.
И сороки, будто бы жар-птицы,
Оседлали старый частокол.

Засверкали росы в сочных травах,
Отражая зорьки чудный свет.
Каждая — лишь в огненной оправе,
И её прекрасней в мире нет.

Заблестела рожь руном злачёным
И запела, будто бы хорал
Неземной, сиянием сплочённый,
Час рожденья утра воспевал.

Ах, июль

Месяц летний, уж брови не хмурь,
Не под стать тебе, юному, злиться,
Видишь, льётся по склону лазурь
Васильковая, будто водица.

А над нею застыли стрижи,
Наслаждаясь красой неземною.
Где такое бывает, скажи,
Чтоб цветы с рожью встали стеною?

Ах, июль, повезло же тебе
Быть умытым дождями косыми.
Может тучи, дав небу обет,
Входят в храм твой ногами босыми?

По утрам, будто сладкий дурман,
Запах трав луговых опьяняет.
И манит к себе яблони стан,
Да дух Родины милой витает.

Не понять мне тебя, месяц мой,
Не познать твою душу, дружище.

Ты прекрасен в сжигающий зной
И красив в час, когда ветер свищет.

ФОНАРИК

Месяц вышел тихо на прогулку,
Усадив семейство звёзд в подол,
И завис над тёмным переулком,
Освещая старый частокол.

С интересом заглянул в колодец,
Усмехнулся самому себе
И, как конь гривастый - иноходец,
Поскакал к дымящейся трубе.

Подмигнул берёзке-молодице,
Гребнем звёздным косы причесал
И помог распутнице-лисице
Убежать с добычей в краснотал

Тьма кругом, а он, фонарищик неба,
Освещает с нежностью пути.
Будто никогда и принцем не был
Ночи средь Вселенной всей светил.

Опустился к волнам Синей речки,
Искупался, будто в молоке.
Ноги окропив пылью гречки,
К облакам поднялся налегке.

И уснул под мягким одеялом,
Сшитым ветром южным на заказ,
А Венера над Землёй сияла,
Отражаясь в сотнях юных глаз.

БЕЛОРУССКОЙ ПРИРОДЫ КАРТИНА

Собираются аисты в стаи
 На высокой и колкой стерне,
 В пляс пускаются, чуть подлетая,
 Машут крыльями в солнца огне.

Шелестят копны жёлтой соломы,
 Будто в платьях из редкой парчи,
 На показ модный, небу знакомый,
 Вышли дамы в сиянье свечи.

У окраины поля рябина
 Машет гроздьями, будто бы мать
 Провожает в путь дочку и сына,
 Не успев их, родимых, обнять.

А напротив — плакучая ива
 В серебристом наряде стоит.
 В это время она так красива,
 Распустив косы-ветви свои.

Белорусской природы картину
 Рисовал краской, видимо, Бог.
 А пригорок, согнув низко спину,
 Мне увидеть шедевр сей помог.

ВАРЕНИКИ МАМЫ МОЕЙ

Чернику промыла, что утром из леса
 В корзинке сама принесла.
 В окошко стучал ветерочек-повеса,
 Да тихо шептала ветла.

О чём-то они рассказать мне хотели,
 Но не было сил слушать их —
 Неслись соловьиные пения-трели
 И слышался небушка стих.

Оттуда слетали слова-говорушки,
 Которые были родней
 Подаренной мамой малютки-игрушки
 В прекраснейшей жизни моей.

Я слышала мамы наказ-поученье:
 — Поставь, дочь, опару скорей.
 И с ноткою светлой любви и терпенья,
 Душою её ты согрей.

Сначала муки всыпь, дитя, в простоквашу,
 Яйцо не забудь, сахар, соль.
 И соды чуток положи в чудо наше,
 Подняться на четверть позволь.

Пусть тесто подходит, пыхтит понемногу,
 А ты, моя дочка, вздремни.
 Доверься, родная, везенью и Богу,
 Ослабь нервов крохких ремни.

— О, мама, мамулечка, помню всё это,
 И рук твоих нежность, тепло,
 И дар, волшебство конотопского лета,
 И то, что с тобою ушло...

Прошло полчаса, и под скалкой красиво
 Постель из пшеничной муки
 Лежала, а я, подбодрясь, колесила
 стаканом в свои две руки.

Кружочки тянула, как мама когда-то,
Ложила черники рядок,
Взглянув на икону Христа, виновато
Брала сахарочку чуток.

И ягоды спелые им посыпала,
Чтоб только душе был покой.
Слепила вареников мамы немало,
Узор лепки вился рекой.

Я так благодарна и небу, и лету
За то, что я с мамой опять.
Пусть запах вареников тешит планету,
Пусть время шагнёт с нами вспять.

Лариса АДЛИНА

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

Сонет

Есть день в честь торжества науки,
Студентов праздник основной.
Мороз звенит волной цветной —
От юного задора гулкий.

Вид Воробьёвых гор и звуки —
Грусть рядышком идёт со мной,
Татьянин день тому виной
И сожаленье о разлуке.

Сегодня университет
Моих шагов уже не слышит.
Но знаю, как живёт, чем дышит —
В столице выше места нет.

Таинственный там, в окнах свет.
Тепло души — ему в ответ...

Сонет о слове

Слово — не что иное, как отдалённое
и ослабленное эхо мысли.

Гюстав Флобер

Слово — земное богатство.
Слово, что сердцу любезней,
Часто бывает полезней
Лучшего в мире лекарства.

Слово — источник лукавства,
Слухов, несчастий, болезней...
Правильно — если исчезнет
В речи словами коварство.

Речь — это слов государство.
Слово — лишь мысли синица...
Вольной поэзии птица
Рифмой восходит на царство.

Слово плюс ритм — в совершенстве
Мыслей усилят главенство...

Сонет. Куранты

Весной в объятьях Красной площади иду.
Звучат Куранты звонко, мелодично.
Считает эхо с давних пор привычно
Шаги у башен и у мира на виду.

Торжественность такую, где ещё найду? —
Веками создавалась архаично
И выглядит теперь вполне столично,
С воздушной глубиной и лёгкостью в ладу.

Здесь ход истории врывается в тишину
Кремль лучшие сыны обороняли,
Врагов несметных смело прогоняли,
Прощальным маршем уходили на войну.

Пусть бой Курантов не смолкает вечно
И время будет мирным — бесконечно!

ТРАГЕДИИ ШЕКСПИРА

Сонет

Появлялись в таинстве ночей.
Образы трагедии Шекспира —
Благородство и коварство мира,
В трепетном, живом огне свечей

Возникали искренность речей,
Блеск доспехов, ликованье пира...
Откровенно воспевала лира
Слог любви и остроту мечей.

Хроники ушедших королей,
Принцев мировые монологи —
Сложность исторических ролей.

Часто и теперь трудны дороги —
Надо быть мудрее и смелей,
Побеждая с честью все тревоги!

Сонет о тайне Данте

Тосканец мудрый, горестью объятый
Ты, приподнявший вечной тьмы покров

*Генри Лонгфелло**

Флоренции дворцы и фрески
Блестят в безветренности дня,
Для глаз восторженных храня
Былых талантов отблеск дерзкий.

Под солнцем купол Брунеллески
В лучах июльского огня.
Напевом тайным чуть звеня,
Речной волны тревожат всплески.

Как только отгорят закаты,
Здесь из мерцания миров
Сам Данте рифмами объятый,

Грустит в затишье вечеров.
И слышатся терцин раскаты
Сквозь тонкий вечности покров.

Триолет. Есть что-то в рифмах и словах...

Есть что-то большее под рифмами,
звучит таинственно стихами,
чарует звонкими словами...
Есть что-то большее под рифмами

* Генри Уодсуорт Лонгфелло (1807-1882), классик американской литературы XIX века. Начало стихотворения «Данте» (англ.). Перевод Э. Линецкой.

и между строк сквозными ритмами
беседует о главном с нами!
Есть что-то большее под рифмами,
звучит таинственно стихами...

Триолет о триолете*

Таинственный мир триолета —
две рифмы, пять искомых строк.
Тройной повтор, как эхо строг —
таинственный мир триолета.
Знарок найдёт заветный слог,
найдутся грани самоцвета...
Таинственный мир триолета —
две рифмы, пять искомых строк.

Триолет. Не может быть...

Не может быть, чтоб всё прошло:
рассвет, река, лесные дали,
все наши песни и печали...
Не может быть, чтоб всё прошло
и в бесконечности пропали:
надежды свет, души тепло...
Не может быть, чтоб всё прошло:
рассвет, река, лесные дали.

* Триолет (франц. triolet) — одна из твердых (канонических) форм лирической поэзии, восходящая к старо-французскому рондо. Состоит из восьми строк и строится только на двух рифмах. Своеобразие формы триолета заключается в повторах целых строк, в которые запрещено вносить даже незначительные изменения, чтобы не ослаблять ощущение повтора.

Триолет. В мире Велимира

Мне мало надо!
Краюшку хлеба, Да каплю молока,
Да это Небо, Да эти облака...

Велимир Хлебников

Что надо в мире Велимиру?
Так мало — эти облака,
Краюшку с каплей молока...
Что надо в мире Велимиру?
Свою особенную лиру,
стихи земные — на века...
Что надо в мире Велимиру?
Так мало — эти облака,

Триолет. Стихи Аполлинера

Всё отдал я солнцу!
Всё, кроме тени моей.
*Гийом Аполлинер**

Он всё солнцу отдал, тень осталась одна
и в Париже бродил среди меркнущих звёзд.
Грусть от прошлых стихов шла за ним допоздна —
он всё солнцу отдал, тень осталась одна!
Гасли в речке огни, освещавшие мост,
тень от строчек стихов удлиняла свой рост...
Он всё солнцу отдал, тень осталась одна
и в Париже бродил среди меркнущих звёзд.

Людмила ОРАГВЕЛИДЗЕ

ЗВЕЗДА И КОСТЁР

Гора темнела над домами,
А на горе горел огонь;
К нему звезда, сложив лучами,
Простерла бледную ладонь...
И он — недолгий и недалёкий —
Затмил далёкую звезду,
Присвоил горнее сиянье,
Таинственность и высоту!
Когда ж пастух, сжигая посох,
Дробил осколки на лету, —
Он посягнул на вечный шорох
И тень отбросил на звезду.

* Строчки из стихотворения французского поэта Гийома Аполлинера «На улице за поворотом...» в переводе с французского М. П. Кудинова.

В седьмом "б"

Сыграв по их же правилам игры,—
В запале от насмешек и укусов,—
Он им назначил встречу у горы.
(И впрочем, знал, что эти двое — трусы)

Потом жалел об этом, но молчал,
Угрюмо озирая лица в классе.
Но он себе еще не изменял,
Да, он себе не изменял ни разу!

Они пришли, смеясь и матерясь...
(Закатный снег отсвечивал отлого)
Один — толкнул... Он бросился, как барс,
На одного, и сразу — на другого.

И тут пошли ножи... Закат ослаб.
Гора вздохнула, съежившись горбато,
И языком тумана с белых лап
Слизала пятна крови и заката.

Спящая невеста

Тиха, бледна, печальна,
Окутана зарёй,
Лежу в гробу хрустальном
Меж небом и землёй.
А принц в лесах дремучих
Все стрелы расстрелял,
И по камням сыпучим
Сапожки истоптал.
Он любит и тоскует...
Но более всего
Страшусь я поцелуя

Горячего его.
Я — спящая невеста
И мне в моей беде
Такая скорбь известна,
Которой нет нигде.
Мне смех громов — отрада,
Ясна игра теней...
Не пробуждай, не надо!
Не подходи ко мне.

Сквозь времена

Собью с двери счастливую подкову,
Гефесту-богу в кузницу отдам,
Похлопаю коня по сбруе новой
И зазвенит наборная узда.

Красив мой конь; расшит чепрак ковровый,
И тёплый свет дрожит на стременах.
Теперь нам мчаться в мареве багровом
Сквозь прошлые и эти времена.

Теперь нам — мимо городов и весей,
Привязанностей, страхов и молитв;
И мимо тех, кто нарочито весел,
И мимо тех, кто искренне учтив.

И юноша с высоким лбом Сократа
Воскликнет, к телескопу подходя:
— Они уже в созвездии Плеяды!
Невероятно! И ещё летят...

Я их храню...

Старинной вязки тонкая тесьма
 Связала порыжевшие портреты...
 Я их храню, как страстный нумизмат
 Бесценные и редкие монеты.

Часы сыпают крошево дробей,
 В двенадцать глаз отлавливая вечность...
 Но тщетно — все ушли к самим себе,
 Предощутив при жизни бесконечность.

Клянусь тенями милых пепелищ
 Избегнуть злобы, алчности и хватки!
 Я — часть моих друзей, и я — кирпич
 В давно и прочно выложенной кладке.

Изгнанники

Несчастливые изгнанники небес
 Мы во вращенье всё того же круга...
 И любим, если узнаём друг друга,
 И счастлив тот, в ком эта память есть.

Наитие — прозрение из глубин
 И память всех случившихся беспамятств,
 Щедро цветком его тугая завязь...
 Ты узнаёшь! Ты в мире не один.

И узнают тебя. И ключ в замке.
 Благословляю скрипнувшие дверцы!
 И дверь мою,
 где с замираньем сердца
 Я друга находила во враге.

Зачем?

А зачем тебе, дальнему, знать как жила?
 Очень просто жила — не прося, не ища...
 Только Вега-звезда над рябиной плыла,
 Только кот полудикий меня навещал.

А зачем нам с тобой говорить обо мне?
 Я почти проспала и метель, и тоску.
 Только голая ветвь колыхалась в окне,
 Только кот приходил и сидел на снегу.

И полночный автобус распарывал ночь,
 Выселяя людей в непроглядной глуши,
 Да дорога прямая блестела, как скотч,
 А вокруг на версту — ни огня, ни души.

Ни души, ни огня до скрипучих ворот,
 До надежд и ручьёв, до лучей и грачей.
 И наверно поэтому ждал меня кот,
 Ничего не просящий, и тоже ничей.

Плоскодонка

Затянута илом, лежит плоскодонка,
 Уже не молясь о весле.
 И ветви и корни, и ветры и волны
 Она возвращает земле.

И я возвращаю, как давнее чудо —
 Любовь, и восторг, и мечты...
 Помилуй, Создатель, ведь я — не отсюда!
 И дальше мне не с чем идти.

Отдам, рассыпая — горстями и порознь,
И дождик слепой, и грозу,
Графитный накрап и осеннюю морось,
Под елью грибную росу.

Лежит плоскодонка, водою покрыта,
Не в силах чего-то желать.
И нечего нам, сберегая молитвой,
Любить и перстом осенять...

Не жди

Отсекает мир от мира метель.
Точит точечно отмокнуть капель.
Бьются в желоб водостока дожди.
Ты не жди меня так долго, не жди.

Я лечу себя, прилежно учась
Ничему мне не давать докучать,
И кормлю в себе чужую вину,
И ношу в глазах свою тишину.

В этой медленной густой тишине
Нет разлада ни вокруг, ни во мне,
Нет намеченного прежде пути...
Ты не жди меня так долго, не жди.

Когда исчезну...

Когда исчезну — буду жить в листве,
Поскольку с нею состою в родстве;
А может, буду просто жить одна,
Поскольку никому я не родна.

Перед уходом буду ждать луны —
Яснее слёзы при луне видны;
А может, буду ждать сентябрьских гроз,
Поскольку под дождём не видно слёз...

Когда исчезну — словно растворюсь,
Мне будет жаль, что с Богом расстаюсь.
А может, буду рада, что ушла,
Поскольку Бога так и не нашла.

Евгений СЕЛЕЗНЕВ

Селезнев Евгений Федорович — родился и вырос на Урале, в посёлке Косолманка Верхотурского района Свердловской области, по образованию инженер-физик (МИФИ), доктор технических наук, участник ликвидации аварии на ЧАЭС. Поэт, автор шести поэтических сборников: «Верхотурье» (2000), «Плач души» (2003), «Признание» (2006), «Ты» (2012), «Выбор» (2015), «Время» (2022) и книг прозы «Детство» (2013) и «Впечатления» (2022). С 2012 г — участник ЛИТО ЦДУ РАН.

Творец

Но кто-то разложил слова
На части и слога и звуки,
Чтобы сложить их сызнова,
Как глину на гончарном круге.

Когда в новаторстве своём,
Сопоставляя букву звуку,
Горел неистовым огнём,
Творя всевышнего науку,

Среди волнений и тревог
Тысячелетний быт наруша,
Он был не менее чем Бог,
Вдыхавший в тело жизнь и душу.

Спеша заветное прочесть,
Его дрожали, верно, руки,
Когда сложил из букв: «Аз есмь!», —
Итожа творческие муки.

Чернобыль, декабрь 1987

Странное меня терзает ночью,
Словно в беспробудной тишине
Я бреду по переулкам, точно
То ли в жизни или же во сне.

Нет ни человека, ни собаки,
Выпал снег, всё чисто и бело.
Яблони в притихшем палисаде
Без листвы, с плодами наголо.

В окнах изб нет никакого света,
В каждом темнота черным-черна,
Ни в одном не нахожу ответа,
До чего ж нас жизнь ты довела.

Тишина и в ней пушинки снега,
Белые на чёрном фоне изб,
Словно между тем и этим светом
Стёрлась демаркация границ.

Мнит себя властителем на троне
Человек, как царь для всех зверей,
Но в родном, земном и хрупком доме
Пакостит всех больше и больней.

Учёный

Учёный, это, может быть, учитель,
Своё ученье дарящий другим,
Идее ревностный служитель.
И мир благоговеет перед ним.

Или, быть может, ученик всего лишь,
Что у природы учиться всему,
Тому, чему она позволит,
Но ни кому-то, именно ему,

Кто чрез смятение и сомнений муки,
Пусть малое, но новое найдёт
И с ним, вступая в храм науки,
Свой честный грош ей на алтарь кладёт.

* * *

Гуманитариям пристало,
Не пробуя на вкус и цвет
Поэзии предельно малых,
Искать по жизни счастья след.

Не зная дифференциалов,
И дельта-функций крутизны,
Разнообразья интегралов,
Постичь превратности судьбы.

Не знать рядов, бегущих мимо
Всего живого на земле,
Сходящихся неумолимо,
Как рельсы в дальнем далеке.

Лишить чудес открытий мира,
То есть фактический всего,

О чём тогда скажите лира,
Как отражение его,

Способна петь по белу свету,
Ещё без комплекса вины.
Коль малому оценки нету,
Большому не воздать цены.

Наука

Наука любит тишину,
Когда не слышится ни звука,
И у науки той в плену
Одна одолевает мука.

Когда оставив бренный мир,
Я от него скрываться стану,
Из мыслей я устрою пир
И солнце видеть перестану.

Отгородившись от всего
Себе устрою заточенье,
Чтоб не мешало ничего
Мне в поиске проблем решения.

Но лишь открытье совершив,
Его всегда выносим к людям.
Как новый в музыке мотив
Играют всем средь сонма буден.

В науку вечно погружён,
Я многого не замечаю,
Хоть знаю мир со всех сторон,
Но всё же истины не знаю.

* * *

Служа науке, что ещё желать,
Как женщине ничто в ней не отнять:
Обворожительна, свежа и своенравна,
Скромна, мудра, невинна и желанна.

Считать её богинею своею,
Из недр любви к ней страсти не жалея
И, жизнь свою ей на алтарь кладя,
Чего ж хотим мы: возвести себя

На пьедестал безумия страстей;
Иль ищем счастья в услуженье ей?
Когда и день, и ночь кромешний ад,
Чему только безумный может рад.

Не тлеть, а заживо гореть
И никогда себя жалеть не сметь.
Как бы себя с пристрастием пытаться,
Но я своё ни в чём не потерять.

И в муках понимания сгорая,
С трудом за бегом мысли успевая,
За таинства, как прихоти, любя,
Рожаем новь и, вместе с ней, себя.

* * *

Все математики в плену у формул,
Все физики у физики в плену,
Лишь музыка от скрипки и до горна
Звучит для всех во сне и наяву.

Она, как продолжение природы,
Скорее, как развитие её,

Встречает нас испуганных при родах,
Сопровождая наше бытие.

Гармония науки и искусства
Слилась под звуки ветреного дня,
Но каждому своё диктует чувство
И каждый формирует сам себя.

На всех наречьях формулы едины
И переводу знак не подлежит,
И музыка звучит неумолимо
Используя единственный язык.
Но музыка, душою сохраняема,
Собою выражает сгусток чувств,
Их в глубине собирая воедино,
Добавит от природы ширь и грусть.

* * *

И физика, и лирика и проза
Смешались на просторах бытия.
И радости, и горести и слёзы
Доступны всем, хоть таинства хранят.

Наука — это та же грань искусства,
Хоть каждый шаг в ней выверен и строг,
Но оставляет в досталь волю чувствам,
Чтоб был понятен данный ей урок.

И придавая лёгкость выражениям
И изумляя стройностью манер,
Изысканным слогом стихосложения
Любою фразой лирика в пример.

И в прозе выражая содержание
Своих законов, теорем и лемм,

Стремимся убедить своё сознание
В возможности решения всех проблем.

Смешалось всё, стихи, стихия, грозы,
В себе своё достоинство храня.
И физика и лирика, и проза,
Все отражают сущность бытия.

* * *

Наука — это страсть или искусство,
Или холодный донельзя расчёт,
В котором быть не может воли чувствам,
Всё выверено, всё наперечёт?

Но в ней мы ищем удовлетворенья
Амбиций своей творческой души.
Через неё мы жаждем достижения
Успеха, все проблемы разрешив.

И всё же страсть наука допускает,
Когда средь искушений бытия
Завесы тайн тебе приоткрывает,
В глубины разума бесхитростно маня.

Она непостижимым поражает,
С тобою вместе будущность творит.
Когда познаешь то, что мир не знает,
Какая страсть в тебе заговорит.

Анастасия САМОКИНА

Живи не прошлым

Я бы хотел продлить миг счастья,
Как жаль, что мне это не властно,
Как жаль, что ностальгией частой
Вдруг задыхаться должен я.

Лишь повторить бы то мгновенье,
Но почему опять в забвение
Уходят жизни откровения
И впредь не смеют досаждать.

Живи не прошлым, а мгновением?
Сказать легко. Но с нетерпением
Я жду истекшего давно,
Того, что было, но прошло.

Я не хочу свершения завтра,
Какая жалкая досада,
Что время всё-таки идёт
И не замедлит вечный ход.

И даже колкие слова не ранят так, как безразличие,
Как невзаимные глаза, как опустелые приличия,
Как голос терпящий, как близость от привычки.
Ничто не ранит душу так, как безразличие.
Отрадой ненависть является, когда
Её сменяет холодность обычая,
Когда безмолвно, в гуще треплющих событий,
вдруг исчезают все слова,
Когда вдруг тлеет искренность и больше не гнетёт тоска.
Ничто не ранит душу так, как безразличие,
Как потускневшая любовь, как слёзы непролитые,
Как кровь застывшая, как смерть вокруг всего,
что радовало жизнь и сердце жгло.
Как всё же больно ранит душу безразличие.

Я не хочу бесцельно прозябать,
Я не хочу дрожать, закрыв глаза.
Я принимаю каждую секунду, в которой пробыл я.
Я принимаю каждого себя.

На эшафоте да не дрогнет сердце,
И бьётся пусть оно, мечтой дыша,
И не подступятся к очам моим вдруг слёзы,
И не замешкает душа.

Зачем надеяться, когда
Слезам полнится душа?

Зачем трепать себя напрасно,
Вставать и снова спотыкаться?
Зачем нам ждать, терпеть, терзаться,
Рыдать и снова обольщаться?
Зачем? Ведь вместо мук напрасных,
Слёз обжигающих и страстных
Мы можем разочароваться!
Разочароваться навсегда.
И непрерывные лишения,
И абсолютные томления
Печальней грустного конца.
Не сотвори себе кумира!
Не очаровывай себя!

Вопрос:
Почему всё прошлое мне кажется прекрасней?
Почему невинности оно благоволит?
Почему мне легче пережить вчерашнее,
Чем попытаться в новый день переступить?
И почему тогда мне всё казалось слаще?
И почему сейчас вдруг стало тяжело?
И почему в грядущем будет всё ужасным
И без возможности прервать это кольцо?
Ещё вчера на небе тлело солнце,
Позавчера и вовсе ясный день,
Полгода в прошлом я смеялся дольше
И обнимал прохожих мне людей.
А год назад... Нет. Всё было то же.
И год назад мне было тяжело.
Но почему та тяжесть кажется мне проще
И даже от неё на сердце хорошо?
Вопрос:
Но почему же прошлое мне кажется прекрасней?
Надеюсь, завтра станет прошлым поскорей.

Юрий ПКИН

(22 августа 1946 г. — 18 марта 2019 г.)

Перевод с Абхазского Заира Бестаева

О, время, время,
Куда ты летишь?

И. Когониа

Но спешить я должен

В жизни очень много
Сделать не успел.
Что не сделал вовремя
Потерял навек.

Сколько, сколько вёсен
Мимо пронеслось.
Да и зим немало
Всё несло, несло.

Много песен умерло
В сердце у меня.
Девушка любимая
От меня ушла.

С каждым годом больше
Понимаю я
Со временем бороться
Бесполезно, зря.

Но спешить я должен,
Время всё бежит.
Поседели горы,
Мне не вечно жить.

Моя деревня

Куда меня жизнь не бросала,
Передо мной везде, всегда
Родной деревни переулки,
Где босоногий бегал я.

Во сне я очень часто вижу
Мои долины и поля.
Как от отца тайком садился
На белогривого коня.

Брожу в тени родного сада,
По сопкам поднимаюсь я.
И вижу в поле мальчугана
С мотыгой с раннего утра.

Ещё погаснуть не успела
На небе яркая звезда,
А я уже давно разбужен
Весёлым пеньем петуха.

Я не могу забыть деревню.
Мне очень дороги места,
Что открывались взору с детства.
Им песни посвящаю я.

Зимние дни

Словно высохли деревья,
Вдруг опала их листва.
Горы будто постарели,
Их покрыла седина.

Солнце яркое не греет,
Летние деньки прошли.
Стали снова дни короче,
Веет холодом зимы.

По ночам трещат морозы,
Снег пушистый валит днём.
Всё вокруг переменялось
И сверкает серебром.

Медленно зима шагает,
Ковыляет не спеша.
И к весне нас приближает,
Снова к трелям соловья.

* * *

Почему мой сын не спит,
Всё грустит он и грустит?
Скоро будет рассветать
Ну а он не лёг в кровать.

Спи спокойно мать моя,
Не горюй, прошу тебя.
Как ты ночи не спала,
Так пишу ночами я.

Песня — солнце для людей,
Неиссякаемый ручей.
Песня розой расцвела,
Без неё не жить и дня.

Песня — радость и судьба,
Это жизнь, любовь, весна.
В сердце, мама, у меня
Лишь поэзия моя.

...Месяц смотрит с высоты,
Песни я пишу свои.

* * *

В свою бурку завернувшись,
Свету, объявив войну,
Тьма, оскалив свои зубы
Победить желает ту.

У тьмы силы на исходе,
Словно змей без головы.
Солнце сядет, месяц встанет,
И вокруг цветут цветы.

Виталий ЕРЁМИН

ТОНКИЙ И ТОЛСТАЯ

Самсон вернулся с рыбалки без улова, а это называется облом. Веточку выкрасили в парикмахерской рыжей кошкой, а это лажа — не хочется жить. Но что странно, Самсон как-то не особенно переживал неудачу. Хотя был хмур и готовился врезать жене правду-матку. За последние годы Веточка увеличилась в два раза, а он так устроен — толстые его не волнуют.

Веточка со своей стороны относилась к худобе мужа с ничуть не менее тяжелым для себя терпением. В ее вкусе были здоровенные мужики. Но она хранила этот генетический секрет, как государственную тайну. Боялась: если Самсон узнает, их семье конец.

А поводом для сегодняшнего тарарама стали отечественные макароны. Веточка после варки не промыла их в холодной воде. От вида слипшихся макарон Самсона мутило, а Веточка набивала ими обе щеки.

— Что ты делаешь с собой? Что ты делаешь со мной? — мученически давясь, сказал Самсон.

— Ты просто еще не проголодался, — неразборчиво отвечала полным ртом Веточка.

Она говорила такое и раньше. Но сегодня Самсона замкнуло, и он высказал жене ту самую правду-матку.

Посмотрев на мужа, как на душевнобольного, Веточка спросила с терпением психотерапевта:

— Интересно, с каких это пор я тебя не волную?

— Давно, просто я тактично скрывал это от тебя.

— Что-то я этого не замечала, — прожевав, членораздельно сказала Веточка. — Ты всегда приходишь из душа в частичной боевой готовности. По-моему, с годами и я не становлюсь менее сексапильной. Но если это не так, значит, ты с кем-то сравниваешь меня. Давай уж, колись, гигант секса, завел кого на стороне? Таковую же худенькую? Кто она? Служебный роман? Диетолог, что ли? И что же, она лучше готовит?

Самсон работал, как он сам говорил, «в сфере общепита». Если по-русски, завоём производства в обычной столовке.

— Так вот, передай своей царевне-лебедь, — сказала Веточка, — что со мной ты проживешь сто лет. Потому, что моя невкусная еда не вызывает у тебя желания жрать от пуза. Знаешь правило: человек должен вставать из-за стола с легким ощущением голода?

— Мужчина долго живет не потому, что мало ест, а потому, что сохраняет мужскую силу. А сила эта сохраняется от регулярного применения, — заученно сказал Самсон.

Так столкнулись два взгляда на жизненно важный вопрос. Веточка смотрела на мужа заметно растерянно.

— Ты хочешь сказать, что мог бы делать это чаще, чем раз в неделю?

Самсон сказал лицом, что так и есть. В разговорной речи он был не очень силен.

— Ты хочешь сказать, что именно по этой причине мужчины и живут меньше? — допытывалась Веточка.

Самсон ответил ей тем же выражением лица. Именно так!

— С чего ты это взял? Где ты об этом прочел? Кто тебе это сказал? — деланно взволновалась Веточка.

Как медик, она знала: если важный мужской орган не используется по назначению или применяется редко, то его функция слабеет, а затем почти атрофируется. Это приводит к тому, что весь организм

утрачивает стимул к существованию, сначала частично, а потом и полностью. Не менее важна и психологическая сторона. Мужчина теряет вкус к жизни, а это неизбежно сказывается на иммунитете.

— Хорошо, — решительно сказала она, — не будем заходить далеко.

Она опрокинула кастрюлю с макаронами в мусорное ведро и клятвенно заверила:

— Больше этого не будет на столе, -

Самсон не был готов к такой быстрой капитуляции, но быстро пришел в себя.

— А батоны? — спросил он.

Излюбленным лакомством Веточки были обыкновенные свежие батоны. Она ела их, не нарезая, начиная с горбушки и заедая медом или сгущенкой. Детская привычка, ставшая удовольствием всей ее жизни.

Можно предположить, что одного отказа от батонов было достаточно, чтобы Веточка начала сбрасывать вес и превращаться в упругую девушку с талией, какой была до замужества. Но Самсон вспомнил еще про жареную картошку и про котлеты с подливкой.

Тут Веточка задумалась. Картошку любила доченька. Насчет котлет тоже не могла согласиться — их особенно любил сынок. И вообще как-то не по-нашенски отделять картошку от котлет, а котлеты от картошки.

— Окей! — для вида согласилась Веточка, решив на самом деле поторговаться, — Я попробую уговорить детей, но ты признаешься мне, как на допросе в гестапо: у тебя действительно кто-то завёлся?

— Видишь ли, дорогая, — в тоне Самсона звучали тонкие садистские нотки, — если я скажу да, ты можешь передумать. Но! Если я скажу нет, ты тоже можешь передумать. Поэтому я пока промолчу.

— Я чувствую себя обманутой, — поникло сказала Веточка. — Мы разговариваем, как чужие люди.

— Не переживай, — ободрил ее Самсон. — Ты ведешь себя очень правильно. Я даже не ожидал.

Это был комплимент-оскорбление, но Веточка и тут удержала себя, не совершила ответный выпад. Она была занята внутренним разговором.

«А ты? Почему ты не хочешь чем-то поступиться? — взывала она к визави, — Вот мне не нравится, что ты такой худенький. Кадык торчит, сильное место (она не знала слова «чреслы») глаза бы не глядели. Чего только мне не говорят, когда мы появляемся где-то вместе. С этим-то что делать? Если совсем не будет макарон, картошки и котлет, ты совсем исхудашь. А это уже мои отрицательные эмоции. Это может отразиться на продолжительности моей жизни».

Веточка понимала, что у Самсона все сгорает. Такой организм, такая конституция. Сколько ни съест, все равно будет, как застиранный. То есть: она поддавалась какой-то переделке, а Самсон был напрочь безнадежен. В чем же смысл ее отказа от привычных радостей? Это у нее в голове не укладывалось.

Далее ход ее мыслей был примерно такой. «Черт с ним, пусть живет. В конце концов, он — отец моих детей. Он им нужен. Нужен и мне, в постели еще движок. Пусть прёт в долгожители, благодаря мне, и чувствует себя обязанным».

Здоровенные мужики временно выпали из ее воображения. Не то, чтобы семейные ценности взяли верх. Тут требуется пояснение. Чтобы иметь свою точку зрения на какие-то важные вещи, Веточка пользовалась обычно чужими мыслями. То ли вычитанными, то ли услышанными. Но однажды, после подобного такого разговора с мужем ей вдруг пришло в голову, что в аристократических или просто богатых, или культурных семьях редко любят друг друга, везде что-то не слава богу. А раньше были и сейчас еще встречаются семьи совсем простых и совсем не богатых людей, между которыми каким-то чудом сохраняется любовь. Вот настоящие аристократы, подумала Веточка.

Эта почти теория, отменяющая привычное представление, кто такие аристократы, помогла Веточке вывести сейчас себя и мужа из ахового положения. Так ей хотелось чувствовать себя аристократкой, несмотря на заветную мечту о здоровенном мужчине.

Самсон не знал, кем хочет себя считать Веточка, но сам хотел относиться к ней свысока. Ну, как полагается мужу. Где-то он слышал, что жену надо воспитывать, чтобы она не хотела быть во всем правой. Есть у баб такой недостаток. Но воспитывать Веточку у него не очень получалось. Нет, временами она признавала за собой какие-то недо-

статки. А через какое-то время отвечала ему взаимными обвинениями. И ему приходилось соглашаться.

Сегодняшний конфликт Самсон тоже проигрывал, но как-то не особенно переживал. Ну и ладно. Мужчине и не надо стремиться быть выше женщины, все равно в чем. А если вдруг очень захочется, то в результате все равно проиграешь. Веточка начитаннее, умнее, хитрее. Это Самсон признавал, не особенно переживая, а даже с некоторым тщеславием.

Тогда, какого болта выступал? А в элементе: ему было уже за сорок. Веточка за истекшие 18 лет совместной жизни, что там говорить, приелась. Хотя при этом как-то странно посматривала, будто это он ей не пара. Обидно, слушай. А тут новенькая «коллега по работе» нарисовалась. Веточка ее не видела, а назвала в десятку — царевна-лебедь, блин. А он, какой ни маленький начальник, а для нее — власть, которая что-то там приятно раздражает.

В общем, не на рыбалке Самсон был, а в загородном глемпинге. Понятно, с тощенькой «коллегой по работе», угадавшей главную его слабость и смотревшей ему в рот. До поры до времени. Потом он продолжал обсуждать с ней проблемы общепита, а она стала все чаще канючить: мол, доколе можно таиться.

Тухлое, в смысле, банальное, влипалово, но надо что-то решать, думал Самсон. Самому себе надо бы сказать: ты способен начать как бы вторую жизнь? Тебе мало двоих уже подросших детей? Тебе нужны еще гули-гули, агу-агу и подгузники? А не полезешь ли ты на стенку, поняв себя неправильно, не рассчитав силы? И не шланг ли ты беспутный, если доводишь свою жизнь до такого распутия? И не притормозить ли тебе, пока не вышла большаая ухтышечка?

Уже в постели Самсон перебирал в памяти разговор с женой, пытаясь понять, чем же она его обезоружила и подкупила. И догадался. Она назвала свою неизвестную соперницу царевной-лебедь. Без насмешки и без злобы.

«Молодец, — думал о жене Самсон. — Знай наших!» И потрогал Веточку. Она немного помедлила и потрогала его.

Марина СОЛОВЬЕВА

ДЕВОЧКИ И ВОЙНА

Моей маме

Тамаре Васильевне Голиковой

В Тушинский эвакогоспиталь приехала подполковник медицинской службы Ольга Ивановна Грачева. Она осталась довольна работой госпиталя, обещала прислать подкрепление, а потом вышла на кольцо с глав. врачом, продолжая разговор, и красиво закурила папиросу. В накинутом на плечи полушубке, юбке до колен, высокая и коротко подстриженная, она показалась Тамаре ослепительно красивой и достойной подражания. И не только Тамаре. Все медсестры и молоденькие санитарки стали носить в накидку полушубки и пальто, а кое-кто даже закурил. Тамара и ее подруга Рада тоже начали курить на крыльце. Они мысленно представляли себя на месте Грачевой и были очень собой довольны. В один из дней, когда бои уже поутихли и раненых становилось все меньше, девочки стояли на крыльце и с шиком прикуривали друг у друга. Им было по 16 лет, но они всем говорили, что им уже 19. Никто их не проверял, потому что работали они хорошо, а это было главное. Когда они уже совсем вообразили

себя бравыми офицерами медицинской службы и нагло оглядывались по сторонам, к ним подошел парень в довольно-таки щеголеватой, пушкay и в сержантской форме и тихо спросил: «Девчонки, отдохнуть хорошо не хотите?»

— В каком смысле? — строго спросила Рада.

— А в прямом. Два достойных офицера приехали с передовой. Один даже генерал, другой полковник. Очень приличные люди. Стол накрыли, но хочется отдохнуть в теплой обстановке. Даже как бы в домашней. А семьи их в эвакуации. Вы же советские девчонки, комсомолки. Почему не составить компанию хорошим людям?

— А что мы там делать будем? — поинтересовалась Тамара и вдруг хихикнула, сама не зная почему.

Парень тоже заржал, но сделал серьезное лицо и весело ответил: «Да что там делать, покушаете вкусно, винца выпьете, споете... а там посмотрите. Кстати, я вас туда и обратно на машине отвезу. Девчонки, не пожалеете, очень приличные люди, герои войны»

— Ну раз герои...

Рада вопросительно посмотрела на Тамару. Действительно, люди жизнью рисковали, приехали прямо с фронта. Имеют же они право на нормальную жизнь, добрый разговор, теплые слова поддержки...

— Хорошо, мы согласны, но недолго только...

Парень радостно хлопнул в ладоши и спросил, когда за ними заехать. Смена оканчивалась в 9 вечера и даже отпрашиваться не нужно. Рада с Тамарой обычно ночевали в госпитале, но иногда и домой заезжали, если не сильно бомбили.

В 21.00 они уже сидели в машине, настоящей военной, той, на которой возят начальников. Значит парень не врал, что это офицеры, может даже генерал и полковник. Девочки были неплохо по тем временам одеты. У Тамары мама замечательно шила, а родители Рады до ареста работали в торгпредстве и часто ездили за границу. Теперь Рада жила с бабушкой, профессором Консерватории и дедушкой, профессором химии. Собственно, ночевали девочки в госпитале чтобы не слышать причитания Радиных родных и ругани Тамариной мамы. Но родственники просто боялись за них и требовали, чтобы девчонки вернулись домой. А как можно сидеть дома комсомолкам, если идет война! Несознательная была у девочек родня, и это еще больше Раду

и Тому сдружилось, хотя они и так были как сестры с первого класса. А что родителей Рады арестовали, то это, наверное, ошибка. Их скоро выпустят. Директор школы так и сказал Раде, и ее даже не стали исключать из комсомола.

Машина тем временем неслась по темным улицам Москвы под грохот далеких снарядов и яркие вспышки прожекторов. Из-за темноты трудно было понять, где они едут. Они остановились возле большого и темного дома. Шофер (его звали Гоша) вдруг спросил: «А вы чего губы не накрасили?»

— Зачем? — возмущенно ответила Рада, — и так красиво! А у Тамары губы сами яркие без всякой помады!

Гоша внимательно посмотрел на Тамару и ничего на это не сказал. Понял, наверное, что глупость сморозил. Они поднялись на третий этаж, лифт в доме не работал. Гоша позвонил в дверь, и она распахнулась, окатив девочек ярким непривычным светом. На пороге стоял подтянутый военный, улыбался и кажется был слегка подшофе. (так обычно говорила мама Тамары про людей в первой стадии подпития). Он воскликнул: «Отлично! Милости просим!» и пропустил девочек в длинный коридор. А Гошу вдруг строго спросил: «Кого привел? Паспорт у них есть?» Гоша браво ответил: «Так точно, товарищ полковник. Это медички из госпиталя, они же проверенные на все». Почему-то «проверенные на все» он произнес полужёпотом.

Но Тамара и Рада особо не прислушивались. Они вошли в большую комнату и сразу же увидели стол, накрытый просто по-царски! Так обычно говорила Тамариная мама, рассказывая про какое-то роскошество. «Принимали нас по-царски» или «Буфет в театре был просто царский». Тамару совершенно не коробило это старорежимное выражение, но всегда всплывало в памяти при соответствующем случае. Закуска Тамара не разглядела, но ее поразили оранжевые апельсины, алые яблоки и гора шоколадных конфет. Она любила фрукты и сладкое и очень скучала без этих лакомств, которые вдруг так быстро исчезли, как только немцы подошли к Москве. Рада же впечатлялась тонко нарезанной колбасой, сыром и икрой. Все это пропало у нее дома сразу после ареста родителей. К сладкому она была равнодушна. Да и вообще в последнее время было не до еды. Даже от пайка девочки умудрялись откладывать немного для родных. Тамара передавала

для братиков и сестры, а Рада для дедушки с бабушкой. Поэтому девочки ходили полуголодные, но иногда главврач раздавал им по кусочку хлеба с маслом и говорил: «Молодцы, это вам медаль». А когда Тамару забыли сменить, и она продежурила без сна целых трое суток, и сонная упала под ноги врача во время обхода, то проснувшись у него в кабинете, она нашла на тумбочке целых два бутерброда!

За столом сидел действительно генерал, а рядом с ним молодой офицер, наверное, адъютант. Генерал был лысый и худой. Тамаре он сразу понравился, потому что ее папа тоже налысо брил голову. Генерал что-то рассказывал и девочки слышали слова, заставившие Радую напрячь слух, потому что она явственно услышала «Я тогда в лагере сидел, холод стоял зверский...». Рада толкнула Тому в бок и шепнула: «Его тоже... и выпустили, видишь!» Но тут генерал обратил внимание на девочек и воскликнул: «Барышни! Что пить будем?»

— Я лимонад, — твердо ответила Тамара. Алкоголь у них дома был под запретом. Отцу нельзя было пить, потому что пьяный он начинал неприлично ругать Сталина и петь «Боже, царя храни!» хотя и работал начальником отделения милиции. Тамарина мама, Мария Ивановна говорила, что это передается по наследству и если кто из детей начнет пить вино, то может также себя вести и будут большие неприятности у всех. Могут даже из квартиры выселить и сослать в Сибирь. На что папа начинал петь «Но я Сибири, Сибири не боюсь, Сибирь ведь тоже русская земля!» и целовал маму, а та начинала смеяться.

— А я могу вина выпить, — вдруг заявила Рада, — только чуточку совсем. Мы же работаем. У нас строго.

Над столом нависла тишина. Тамара, смело откусила бутерброд с колбасой и запив лимонадом, который принес Гоша, но не в бутылке, а в хрустальном графине. И вкус у лимонада был какой-то ненастоящий, Тамаре даже показалось, что там немного алкоголя. И еще было странно, что Гоша за стол не сел, а растворился где-то в лабиринте коридора. ««Какой вкусный лимонад», — сказала звонко Тамара, — а вы давно с фронта?», обратилась она к офицерам, которые смотрели на нее и Радую с каким-то непонятным прищуром.

«Вчера только, — ответили полковник, — а как у вас в Москве, очень испугались, когда немцы подошли?»

— Вообще-то мы не испугались, — с обидой ответила Тамара, — мы сразу побежали в райком комсомола, но там вот... все разбежались, по воздуху только документы летали... паника, конечно, была, но это все несознательные граждане... Папа так и сказал маме, перед уходом — будет паника, но ты не бойся и никуда не уезжай. Если что, уйдешь с войсками.

— Твой папа, видно, человек бывалый. А где он сейчас?

Тамара глубоко вздохнула: «Он погиб на фронте в сентябре 41-го...»

— Это при отступлении под Смоленском, — мрачно сказал генерал, обращаясь ко всем присутствующим, — наших много погибло. Вот меня тогда-то и вызвали, если так можно выразиться...

Рада тоже решила что-то сказать, перед тем, как задать главный вопрос: «Но насчет райкома вы не думайте, их же срочно эвакуировали...»

— Срочно драпали, -насмешливо дополнил полковник, — начальство быстро ориентируется на месте....

Все, кроме девочек, засмеялись.

— Зато в военкомате был полный порядок, — продолжила Рада, — нас сразу в эвакогоспиталь определили, правда мы себе два года прибавили...

Но тут Тамара толкнула Радую ногой под столом.

— Подождите-ка, и сколько вам годочков по-настоящему? — быстро спросил полковник.

— Ну это неважно, — затараторила Тамара. Она знала главное правило отвода гнева и ненужных вопросов — заговорить зубы противника, — нами все довольны, глав военврач даже обещал мне дать рекомендацию в медицинский, но я не хочу в медицинский, я хочу в авиационный, я математику очень люблю. Вот хотите любое число перемножу в уме?

— Отвечай прямо и честно, как старшему по званию. С какого года?

— С 1925, — тихо ответила Тамара, — но это неважно... снова добавила она шёпотом.

Рада решила выручить подругу и взять удар на себя.

— Я так поняла, что вы были в лагере? И вас выпустили, потому что произошла ошибка... У меня родители тоже, наверное, в лагере.

Они дипломаты. Как вы думаете, их могут выпустить? Они очень преданные коммунисты, я знаю... скорее всего это тоже ошибка...

Над столом снова нависла тишина. Рада опять решила прояснить ситуацию: «Вы не думайте, я не прошу ни о чем. Просто так. Поделюсь своими соображениями... Знаете, что, давайте я на пианино вам сыграю!» Она, сразу войдя в комнату, заметила у стены немецкое пианино. Точно такое же как у нее дома.

— Пожалуйста, играй, — задумчиво сказал генерал, — а ты умеешь?

— Рада музыкой давно занимается, — ответила за подругу Тамара, — а еще она хорошо стреляет и первой в классе бежит стометровку. Она наш комсорг... была.

— А теперь ее из комсомола исключили? — саркастично спросил генерал.

— Нет, конечно! — возмущенно ответила Тамара, — но мы уже полгода не учимся. Мы же работаем для победы. А потом, возможно, пойдем на фронт. Когда госпиталь переведут туда.

— А я хочу быть снайпером! — с воодушевлением заявила Рада и начала играть что-то очень героическое, кажется Бетховена.

— Не думал я, что в консерваторию попаду, — уже весело заметил генерал, — но тоже неплохо. А ты что умеешь? Петь? — спросил он у Тамары

— Нет, я не пою, у меня со слухом неважно. В смысле я все пою на полтона ниже. Зато я танцую хорошо. Хотите спляшу?

Не дожидаясь ответа, она вышла на середину комнаты: «Радка, давай матросский танец», — обратилась она к подруге. Рада лихо вскинула руки и с размаху уронив их на клавиши, заиграла «Яблочко». Тамара хорошо умела плясать, но правда пирамиду она делала лучше, потому что в школе больше налегала на гимнастику. Но тут случилась ужасная неприятность. Когда все сидели за столом, Тамара положила в карман апельсин и пару конфет для малышей — сестры и брата. Положила и забыла про свое мелкое воровство. И во время танца, когда она стала делать змейку, апельсин выпал из кармана и покатился по полу. Это было ужасно! И стыдно... Тамара покраснела и остановилась. Все засмеялись. Рада, увидев такое, тоже покраснела и сделала Томе «страшные» глаза.

— Извините, — прошептала Тамара, — это я братику Валерке, ему 2 годика, потом у меня сестра Люся. Ей 10 лет, но она тоже работает для победы, она вяжет чепчики и пинетки для роддома. Она очень хорошо вяжет, хотя и маленькая. А брат Лева работает на заводе, он мотоциклы испытывает, хотя ему всего 15 лет. Мы не какие-нибудь... жулики. Но если нельзя, то нельзя...

И она вдруг заплакала, от волнения.

— Так, — грозно сказал генерал, — концерт по заявкам окончен. Сейчас Гоша отвезет вас домой. А все эти сладости вы возьмете с собой. Своим братикам и сестре. А ты с кем живешь? — обратился он к Раде.

— Я? С бабушкой и дедушкой... но...

— Хорошо, привезешь гостинец своим бабушке и дедушке. Они небось волнуются, куда ты запропастилась. Насчет родителей не беспокойся, там, где надо разберутся.

Адъютант быстро встал, переставил со стола на пол бутылки и собрался складывать фрукты и конфеты, но генерал остановил его и вдруг свернул все, что было на столе в скатерть, завязав ее двумя узлами.

— Гоша, — звучно, по-командирски рыкнул он в коридор.

— Есть! — ответил Гоша, возникший, как из-под земли.

Генерал что-то тихо стал говорить ему, отчего Гоша начал наливать алым цветом. Кажется, генерал говорил что-то очень неприличное, да точно это были очень сильные матерные выражения. Но оттого, что их говорили шепотом, они звучали еще страшнее. Гоша уже начал синеть от страха. «Товарищ генерал, ну стоят, курят... Я подумал какие-то шалавы, к тому же медички, не заразные значит...»

— Поговори у меня... заорал генерал, — подумал, чем ты подумал... дальше он очень складно объяснил, чем Гоша думал. Но, оглянувшись на застывших девочек, сказал не так грозно, но твердо, вручая ему завернутую скатерть. — «Девушек отвести домой вместе с продуктами. Понял? Исполнять!»

— Есть, товарищ генерал! — подобострастно ответил Гоша.

Все дорогу Гоша помалкивал, да и девочкам было не до разговоров. Они напряженно думали, что скажут дома и как объяснят продуктового изобилие в скатерти, которая тоже, наверное, дорого стоит. И куда ее потом возвращать?

До Пушкинской доехали быстро. Рада жила с Тамарой в одном доме, только в разных подъездах. Решили сначала зайти к Томе, разговор с ее мамой, Марией Ивановной, предстоял нелегкий. А бабушка с бабушкой и так будут счастливы, что Радочка вернулась живая и здоровая. На прощанье Гоша сказал: «Ладно, не поминайте лихом, на войне еще и не такое бывает». Рада заикнулась про скатерть, но Гоша только рукой махнул, дескать, какие скатерти в военное время, раз генерал распорядился, то и оставляйте. К тому же они завтра едут опять на фронт, а там скатерти не нужны.

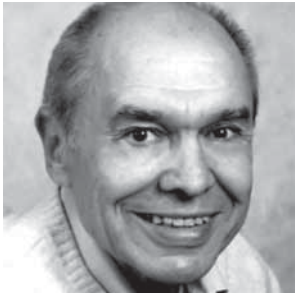
Мама обрадовалась появлению девочек, но виду не подала. Когда на стол опустили тяжелый узел и развязали его, то Мария Ивановна грозно спросила: «И за какие такие заслуги вы сподобились?» И глаза ее сверкнули недобрым блеском. А надо сказать, одна прабабушка Тамары была турчанкой. Ее прадед привез с русско-турецкой войны. Когда она крестилась и распустила свои длинные до пола черные волосы, батюшка, обомлев от такой роскоши, воскликнул: «Раз ты такая черная, нарекаю тебя Маврой!» Говорили, что у Мавры был очень суровый нрав и все родственники ее побаивались. Мария Ивановна видно пошла в нее, даже черные волосы и агатовые глаза унаследовала. Она никогда не кричала на детей, но могла так посмотреть, что охота озорничать сразу пропадала. Как и обманывать. И девочки стали рассказывать, как все было на самом деле. Мария Ивановна слушала очень внимательно. Но вывод сделала неожиданный. «А знаете, почему вас за б...й приняли? Потому что вы курили!» Девочки остолбенели. Они вдруг поняли, зачем их пригласили к офицерам-фронтовикам и испугались. Потом им стало стыдно, и они совсем растерялись. Но Тамара решила так сразу не сдаваться: «А подполковник медицинской службы Грачева курит и ничего...Все ее уважают».

— Вот когда станешь подполковником медицинской службы, так хоть обкуришь вся. Что можно Юпитеру, то не позволено быку! Ладно, давайте продукты делить. А ты, Радочка, бабушке все-то не рассказывай, пожалей ее. Скажи, раненые подарили из благодарности. Ну а скатерть я на что-нибудь обменяю.

Про быка и Юпитера часто говорил отец. Но в чем там дело и при чем эти товарищи из мифологии, Тамара понять не могла. Одно было ясно, мама больше не сердилась, а военврач Грачева осталась

для Томи на той недостижимой высоте, на которой можно курить, пить водку и даже вступать в неприличные отношения с генералами.

Но с тех пор ни Тамара, ни Рада больше не курили. Никогда. Бабушка и бабушка Рады умерли на следующий год, и Рада ушла на фронт. Она стала снайпером, получила много наград. Но ее родители так и не вернулись из лагеря. Тамару на фронт не пустила мама. Тамара все лето работала на лесозаготовках, потом медсестрой в госпитале для выздоравливающих после ранения. А потом поступила в авиационный институт. Но не закончила его...перешла в текстильный. Почему? Ну это совсем другая история. А с Радой они дружили всю жизнь. И когда тетя Рада приходила к нам в гости, мама расстилала на столе ту самую скатерть, которую Мария Ивановна так и не смогла поменять на продукты. Они пили чай, смеялись и вспоминали свое военное отрочество. От них я и узнала эту историю.

Ренат БАКИРОВ

НАСЛЕДНИЦА

Весь май молодой киноактер Захар Саженов прожил в тревожном ожидании — съемки фильма, в котором он был занят в одной из главных ролей, вдруг остановились из-за прекращения финансирования, и ему ничего не оставалось, кроме как надеяться на их продолжение. Никто на киностудии не знал, удастся ли дирекции добыть деньги, но в душе парня теплилась надежда, что съемки будут продолжены, и мысль о чуде ни на миг не покидала его.

«Вот раздастся телефонный звонок, и ассистент режиссера вновь пригласит меня на студию...», — думал он по утрам, однако проходили дни, но желанный звонок в квартире не раздавался.

В начале июня с киностудии все же позвонили, но вместо ассистента режиссера он услышал в трубке голос секретаря генерального директора.

— Здравствуйте, Саженов. Наша киностудия закрывается, будьте добры, явитесь в отдел кадров за трудовой книжкой, — огорошила она его и с холодком добавила:

— Извините за спешку, у меня сегодня дел невпроворот...

Узнав таким образом о своем статусе безработного, парень вздохнул и, чуть подумав, начал собираться на киностудию, где, как один день, пролетели четыре самых счастливых года его жизни.

О том, что царящая в стране неразбериха сменила казавшийся невыблемыми приоритеты его соотечественников, Захар, конечно, знал. Знал он и то, что в постсоветском хаосе стало обычным явлением, когда врачи осваивали торговлю недвижимостью, актеры массово закрывающихся театров подавались в ресторанный бизнес, а вчерашние военные, сменив профессию, становились строителями-отделочниками.

Не было для него секретом и то, что с приходом перестройки отечественная киноиндустрия переживала острейший кризис: в одночасье рухнула система советского кинопроката. В помещениях киносалончиков начали торговать мебелью, и многие известные актеры, годами не снимаясь, пребывали в бедственном положении.

Возможно, поэтому студию, где он работал, начало лихорадить: то ее мучили перебои с финансированием, то пленка не та, то свет не тот... Порой в суе будней до Захара доходили слухи о ее предстоящем закрытии, но о том, что это произойдет так неожиданно, он, конечно, не предполагал.

Время приближалось к двенадцати, когда парень взял в отделе кадров свою трудовую книжку и из здания дирекции вышел в полуденное июньское пекло.

Попрощавшись с охранником киностудии, он остановился на пустынной автостоянке у центрального входа. И вдруг на него обрушилась пустота, когда никуда не надо спешить.

— Ну почему такая nepruxa?! — тягостно вздохнул он, не зная, куда себя деть от отчаяния. Искренне негодуя, Захар немного постоял на солнцепеке и, словно впад в ступор, побрел куда глаза глядят.

Вскоре, опустив голову и, казалось, не замечая ни времени, ни полуденного зноя, он брел по городу и пытался проанализировать сложившуюся ситуацию. От этих мыслей его и без того подавленное настроение с каждой минутой становилось хуже, и по истечении часа он стал противен самому себе.

«Еще весной жизнь улыбалась мне, а сегодня она швырнула на обочину», — сокрушался парень, не замечая идущих навстречу прохожих и стараясь не смотреть на хорошеньких девушек, что, словно грациозные парусники, проплывали мимо. Одолеваемый каким-то мелочным чувством собственной беспомощности, он взглянул на свою тень, что, скользя под ногами, напомнила ему его самого, и то незавидное положение, в котором он оказался.

— Значит, «первые роли» не для меня, — проклиная все на свете, вздохнул Захар, сделав очередную попытку разобраться в самом себе.

«Последние годы мне приходилось по крупицам выцарапывать у судьбы успех. Но когда он, наконец, пришел, я почему-то вновь оказался ни с чем, — не мог успокоиться он. — Да, я ошибался... Но никогда не предавал друзей, был нежен с женщинами и никому не причинил зла. Почему же Фортуна, словно потешаясь надо мной, поманила пряни-ком успеха, чтобы затем безжалостно вырвать его из моих рук?...».

После внезапного увольнения с киностудии парень был обижен, казалось, на весь мир — ему не давали покоя рухнувшие планы на будущее.

«Ну что за хрень?! — продолжал возмущаться он. — Всего два месяца назад, в апреле я был восходящей звездой российского кинематографа Захаром Саженовым... Неужели теперь все в прошлом? — спрашивал он себя.

И неизвестно, сколько времени в тот день он изводил бы себя подобного рода вопросами, если бы не его величество случай, который неожиданно помог ему другими глазами взглянуть на себя и на волнующие его проблемы.

— Здравствуйте, молодой человек! — с улыбкой обратился к Захару тот самый случай у метро «Октябрьская», явившийся к нему в облике чопорной, аккуратно причесанной старушки, — одной из тех, кого обычно показывают в рекламных роликах о пользе фруктовых

соков. Услышав эти слова, что прервали его размышления, когда он проходил мимо художественного салона, парень остановился в толпе прохожих, и первое, что он увидел, окинув незнакомку взглядом, было ее изборожденное морщинами лицо, аккуратно уложенные седые волосы, соломенная шляпка с розовой атласной лентой и такого же цвета сумочка через плечо. На вид ей было около восьмидесяти, но прожитые годы, казалось, обошли ее стороной, столько энергии и внутренней силы чувствовалось в тембре ее низкого голоса, в цвете лица, движениях и в далеко не старческом, но каком-то цепком, ястребином взгляде.

— Извините, вы москвич? — вдруг спросила она и, получив утвердительный ответ, обратилась к нему с просьбой: — Вы не могли бы мне помочь? Захар лишь успел подумать: «Только тебя, старая вешалка, мне сегодня не хватает...», как она, не дожидаясь ответа, взяла его за руку и увлекла в кондиционированные недра художественного салона, где подвела к длинному, уставленному предметами роскоши прилавку. Здесь незнакомка жестом указала ему на красующуюся за спиной продавца фарфоровую, чуть более метра высотой, украшенную традиционными китайскими драконами вазу и сбивчиво сказала. — Вот, посмотрите, молодой человек, эту безделицу я только что приобрела, и теперь мне бы хотелось доставить ее домой. — Она перевела дыхание и учтиво добавила: — Извините, я не представилась. Меня зовут Мария Никитична.

«На сумасшедшую эта дамочка не похожа, пожалуй, придется помочь», — подумал он. Затем посмотрел на невозмутимое лицо стоявшего за прилавком продавца, после чего перевел взгляд на обладательницу ястребиного взгляда и коротко представился.

— Захар.

— Вот и славно! — с почтительной улыбкой воскликнула Мария Никитична.

Не давая ему времени на размышление, она взволнованно сказала: — Умоляю вас, Захар, окажите мне любезность! — после чего сделала паузу и робко добавила: — Если вы, конечно, не заняты...

Когда парень из уст своей новой знакомой услышал эту фразу, прозвучавшую для него как образец черного юмора, он невольно улыбнулся и, с любопытством глядя на нее, спросил.

— Мария Никитична, как далеко вы живете? На Чистых прудах, — ответила она. — Если я правильно понял, вам нужно помочь отвезти вазу домой? — уточнил он.

Она засомневалась и как-то мечтательно обронила: — не мешало бы...

Обрадованный представившейся возможностью отвлечься от мрачных мыслей, Захар согласился помочь старушке, а она, поблагодарив его, многозначительно взглянула на слушавшего диалог продавца, которому того взгляда было достаточно, чтобы, не говоря ни слова, начать оборачивать вазу упаковочной бумагой. Любуясь своей покупкой, новоиспеченная хозяйка замерла у прилавка, и ее лицо расплылось в улыбке, но прошла еще минута и, приободрившись, она с юношеским задором направилась к выходу из магазина «ловить такси».

Вскоре она вновь появилась в салоне, где к этому времени ее приобретение, подготовленное к транспортировке, уже величественно возвышалось на прилавке. — Захар, дорогой, вы действительно справитесь? — вдруг, побледнев от волнения, спросила она.

— Обижаете, Мария Никитична, — улыбнулся парень. Однако она, словно не расслышав его слов, еще раз взглянула на обернутую в бумагу вазу, затем слабо ойкнула и, молитвенно сложив руки, сказала:

— Прошу вас, будьте благоразумны!

Чтобы успокоить ее, он указал глазами на вазу и философски заметил:

— Такая красота должна жить вечно!

— Как хорошо, что вы меня понимаете, — с облегчением вздохнула она и, немного подумав, сказала: — Что ж, тогда начнем, пожалуй, — причем эти слова были произнесены таким тоном, словно речь шла, как минимум, о спуске на воду многопалубного океанского лайнера.

Что касается Захара, то он обхватил вазу руками, поднатужился и с ухарским возгласом: «И-и-и рас...цветали яблони и груши...» поднял ее и, прижимая к себе, направился к выходу. Затем вынес на улицу и под бесконечные мольбы «осторожней, Захарушка», зашагал к стоящему невдалеке автомобилю такси.

Встречающиеся на пути прохожие расступались перед парнем, когда ему на ум пришла незатейливая мысль: — Пожалуй, нелепее

меня сейчас может быть только кактус в шляпе, — мельком подумал он и с улыбкой уточнил: — ... Или, того лучше, легковушка в метро.

Его сравнение было весьма своевременным и не лишенным смысла. Уж слишком забавное зрелище в городской толчее представляла собой эта колоритная парочка — высокий парень, несущий к стоящему у бровки такси большую, завернутую в бумагу вазу, и поддерживающая его за талию, словно женщину на сносках, пугающе бодря старушка в соломенной шляпке.

Прошло не более получаса, как автомобиль такси, миновав череду оживленных перекрестков, оказался на Чистопрудном бульваре. Затем свернул в один из переулков, въехал во двор старого многоэтажного дома и остановился у первого подъезда.

— Неужели доехали?! — расплачиваясь с таксистом, повеселевшим голосом сказала Мария Никитична.

Когда ее приобретение было доставлено Захаром на третий этаж, она открыла перед ним дверь своей квартиры и впустила в прохладный сумрак прихожей. Но вот закрылась дверь, и он вновь услышал ее голос: — Яуза-17, снимите сигнализацию — Зорина, — связалась она по телефону с постом охраны и, положив трубку, сказала: — Захар, не стойте как памятник, проходите в гостиную. Я сейчас...

Повинуясь своей новой знакомой, он с вазой в руках вошел в гостиную и от яркого, заливающего ее солнечного света зажмурился.

— Ой, Лидусек, ты не поверишь! Я такое купила!!! — вновь послышался в прихожей взволнованный голос старушки. — Та-ко-о-е!!! — воскликнула она, разговаривая с кем-то по телефону. — Сейчас же приезжай — сама все увидишь...

Тем временем Захар, оказавшись в гостиной с вазой в руках, огляделся по сторонам и в растерянности замер. То, что он увидел перед собой, поразило его до глубины души и заставило забыть о тяжести своей ноши. Здесь, в этой большой комнате с совершенно особенной атмосферой, перед ним словно открылся некий проход во времени. Если за окнами шумел неугомонный двадцатый век, то в гостиной Марии Никитичны жил еще девятнадцатый, о котором напоминали

картины, сплошь облепившие стены, а также фарфоровые вазы, бронзовые канделябры, часы, кубки и другие антикварные изделия, что в беспорядке теснились как на полу комнаты, так и на крышке большого, отделанного перламутром белого рояля. Это сверкающее в лучах солнца великолепие бронзы, перламутра и позолоты, от которого у него разбежались глаза, венчала большая хрустальная люстра, свисающая над обеденным столом, который, как и вся стоящая в гостиной мебель, также был произведением искусства. Однако предметы старины, что как в лавке старьевщика окружали парня, не произвели на него особого впечатления. Его внимание было занято другим: он был поражен запущенностью самой квартиры и тем странным соседством, в котором здесь мирно уживались роскошь и господствующий в квартире тлен разрухи. Захар с удивлением смотрел на потемневший от времени паркет, на растрескавшиеся стены, на паутину в углах потолка и на инкрустированный перламутром, но при этом покрытый пылью белый рояль. Такой странный мезальянс богатства и какой-то немыслимой захламленности, в котором оно здесь пребывало, должен был шокировать и раздражать, но вопреки здравому смыслу он привлекал внимание и завораживал. Вдруг на полу, в компании напольных ваз, он увидел фарфоровую красавицу, что совершенством форм походила на вазу в его руках, как могут быть похожими только сестры-близнецы. Видимо, лицо парня от удивления удлинилось, потому что появившаяся в гостиной хозяйка этого антикварного рая, заметив его реакцию на увиденное, улыбнулась и, кивнув в сторону рояля, иронично воскликнула.

— Мне нравится стиль «потертый шик».

Она вновь улыбнулась и, как бы невзначай, добавила: — а что касается картин, это все подлинники.

— С покупкой вас, Мария Никитична! — бодро сказал Захар, поставив вазу на пол рядом с ее фарфоровой сестрой-близняшкой.

— Спасибо, мой золотой. Вы даже не представляете, как я вам признательна. сегодня мне очень повезло, я купила вазу, о которой я даже не могла мечтать, — немного отдышавшись, ответила она.

Соблазн Марии Никитичны увидеть свое приобретение был настолько велик, что в ее руках появились ножницы. Присев возле вазы, она разрезала упаковочный шпагат и, как нетерпеливый, разворачива-

ющий новую игрушку ребенок, принялась снимать с нее оберточную бумагу.

Растирая затекшие от тяжести кисти рук, парень вновь посмотрел вокруг и в недоумении спросил старушку: — Извините, Мария Никитична, как давно вы живете в этой квартире? — Я здесь родилась, — не в силах оторвать взгляд от стоявшей на полу пары, сказала она. — И, указав на иероглифы, украшавшие основания обеих ваз, с пугливым восторгом воскликнула: — Невероятно!!! Иероглифы на печати мастера повторяют друг друга — значит, их сделал один и тот же человек! С этими словами она принялась поглаживать вазы и, обращаясь к ним, как к живым существам, приговаривать:

— Целехонькие вы мои...

Она на несколько шагов отошла от ваз и, любуясь издали, всплеснула руками.

— Ах, чудно, чудно! Глаза старушки радостно заблестели, на щеках вспыхнул румянец. Поправив волосы, она с улыбкой добавила: — Эти красавицы в таком преклонном возрасте, что рядом с ними я чувствую себя совсем девчонкой.

Она сняла шляпку, усталая, но счастливая, опустилась в кресло и по-домашнему скрестила ноги. — Фух... ну и жарница, просто дышать нечем. — сказала она, вытирая лоб платком.

— Лето должно быть жарким — иначе огурцов не будет, — в шутку заметил Захар. — Что вы сказали? — не расслышав, спросила она и заскрипела старым креслом. — Люстра у вас, Мария Никитична, красивая, — невозможно ответил он.

Скорее всего, грубоватое обаяние парня импонировало старушке, потому что она, взглянув на него с интересом, воскликнула: — Вы правы, люстра действительно знатная. Еще в начале века ее купил мой дед, служивший мировым судьей...

В тот миг крупный бриллиант, украшавший ее кольцо, сверкнул на солнце и испустил тонкий огненный луч. «Однако вкус у бабульки неплохой... правильно говорят, породу не спрячешь», — глянув на кольцо, про себя заметил Захар.

Его взгляд не остался без внимания Марии Никитичны. Она тоже посмотрела на кольцо, после чего глазами указала на картины в сверкающих бронзой рамах и, ностальгически вздохнув, произнесла: —

Долгие годы он собирал эту коллекцию русской живописи, что после его смерти перешла к моей матери, которая в свою очередь привила мне любовь к живописи и антиквариату. С этими словами она еще раз взглянула на свое приобретение и, все еще не веря в свалившуюся на нее удачу, радостно воскликнула:

— Невероятно!

Тем временем Захар, немного освоившись в квартире, вновь посмотрел на царивший здесь беспорядок, на трещины, что покрывали состарившиеся вместе со своей хозяйкой и не признающие никаких ремонтов стены. Затем перевел взгляд на ее изборожденное морщинами, со следами былой красоты лицо и едва сдержал улыбку.

— Захар, вы, конечно, думаете, что я, как сейчас говорят, «чокнутая», — перехватив его взгляд, рассмеялась она И, словно оправдываясь, заметила: — По-моему, глупо разменивать себя на житейскую суету... Больше вам скажу: собирательство для меня — это не болезнь, наоборот — исцеление. Оно дает мне ощущение молодости. Конечно, я могла бы жить на даче и поливать цветы, однако деревенский воздух не для меня — больше всего на свете я люблю старые московские улицы, на которых прошла моя жизнь.

— Охотно верю, — кивнул он.

— В свое время мы с моим покойным мужем сняли не один фильм, которыми гордилась страна, — пустилась в воспоминания хозяйка квартиры.

— Мария Никитична, вы работали на киностудии?! — взглянув на нее, как на родственную душу, воскликнул парень и в ответ услышал короткое: «Грешна».

Взгляд хозяйки квартиры наполнился сладкой ностальгической грустью: — Помню, хорошие были времена... Тогда все в нашей жизни было по-другому. В институте мы с подругами боялись даже глаза на преподавателей поднять, — задумчиво сказала старушка, и ее лицо преобразилось. — А разве можно было в те годы позволить себе ходить по Москве, извините, с голым пупком?! — пожала она плечами. — Но это, как говорят, только полбеды. Скажите, Захар, а что стало с нашим языком?! Откуда в нем появились все эти «ва-а-ау», «лакшери», «кайф»?!

Выразив таким образом свое недовольство нравами современного общества, хозяйка квартиры умолкла.

— Конечно, я понимаю, — проворчала она следом. — Новая эстетика — это тенденция времени, но, честно говоря, я от нее не в восторге.

Она взглянула на парня и по его отсутствующему виду догадалась, что их разговор рискует ему наскучить.

— Ой, что это я разговорилась?! — спохватилась она. — Гостию сначала надо чашечкой кофе угостить, а уж потом разговоры разговаривать.

— Не беспокойтесь, Мария Никитична. Пожалуй, мне пора, — вдруг сказал он. — Захар, что за спешка?! — удивилась старушка и твердым голосом сказала: — Ведь вы лжете.

— Лгу, а как вы догадались? — улыбнулся парень.

— Много будете знать, быстро состаритесь, — ответила она и, взяв его за руку, повела на кухню.

Первым делом Мария Никитична смолотила кофе в кофемолке. Затем засыпала его в турку, залила водой и, поставила на слабый огонь газовой плиты.

— Захар, вы всегда такой хмурый или вас что-то беспокоит? — вдруг, как бы невзначай, спросила она, расставляя на столе посуду.

— Почему вы так решили? — сидя за столом, спросил он. Вид у вас какой-то свежеевыжатый, — в шутку сказала она.

— Не понял: свежий или выжатый? — сидя за столом, удивился Захар.

— Я бы сказала, немного усталый... — ответила Мария Никитична.

— Да так, знаете ли... пустяки..., — уклончиво обронил он. Видимо, в эти минуты парню захотелось излить душу, поэтому он, взглянув на нее, и с неохотой сказал: — Последние четыре года я работал на киностудии, но сегодня в связи с ее закрытием неожиданно стал безработным.

Откровение гостя заставило хозяйку квартиры оставить свое занятие, чтобы тоже сесть за стол и дать ему возможность высказаться. Быстро пролетели минуты, в течение которых Захар рассказывал ей

о своей работе на киностудии, и когда его повествование подходило концу, она услышала взволнованное.

— Ведь я старался. Я действительно старался. Почему же все закончилось так нелепо?

— Теперь я понимаю, чем вы расстроены, — вздохнула она, внимательно разглядывая парня и про себя отмечая его тонкие черты лица, длинные ресницы, широкие плечи.

— Кстати, Захар, какое у вас образование?

— Поступал в театральный, но, к сожалению, не прошел по конкурсу, — отозвался он и увидел, как глаза старушки вспыхнули блеском молодости.

— Занятно! — воскликнула она. — А что было потом?

— Потом был Афганистан, — отрешенно сказал Захар. — Учился, служил в армии.

— Неплохой фундамент, — утешая парня, сказала Мария Никитична и улыбнулась глазами. — Что вы теперь намерены делать?

— Пока не знаю... — задумчиво сказал он... Теперь, Мария Никитична, вы, конечно, скажете, что молодому возрасту свойственна суэта, всего хочется сразу... или еще что-нибудь в этом роде...

Однако хозяйка квартиры, выслушав его, лишь учтиво заметила:

— Если позволите, я продолжу...

Осадив собеседника, она услышала в ответ снисходительное «Sorry» и, строго глянув на него, сказала: — Видите ли, Захар, мир вокруг нас меняется стремительно..

Парень выразительно вздохнул.

— Что означает этот вздох?! — спросила Мария Никитична. — я понимаю, вы хотите внимания от мира. Что ж, за это внимание надо бороться. Рискую показаться навязчивой, должна заметить: жизнь актера непредсказуема. Но в этой профессии надо идти до конца.... А что касается житейских передраг... — продолжала она, — их бояться не надо. Без хорошей встряски вы вряд ли чему-нибудь научитесь — уж так устроен мир. — Да слышал я все это... — с холодком заметил парень, чувствуя, как в нем зреет желание встать из-за стола и, послав старушку вместе с ее проповедями куда подальше, удалиться.

Возможно, вскоре он поступил бы именно так, если бы она не нарушила ход его мыслей.

— Захар, может быть, вы посчитаете мой тон не совсем уместным, но скажите, вы никогда не хотели уехать из России? — улыбнувшись, спросила она и, услышав удивленное «То есть как?..», пояснила: — Если волею судеб вашим постоянным местом жительства оказалась страна с непредсказуемой историей, экономика которой не перестает удивлять сюрпризами, и шесть месяцев в году плохая погода, не удивительно, что порой вас охватывают чувства одиночества и раздражительности.

Она заглянула ему в глаза и тихо добавила: — Конечно, вы можете скрасить свою жизнь коллекционированием долгов или другим, не менее увлекательным хобби. Но если и это не поможет... мой вам совет: купите авиабилет куда-нибудь в Калифорнию. Там растущая экономика и жаркое солнце круглый год, но депрессии случаются уже по другой причине... — Неожиданно ее тон изменился: — А если говорить серьезно, в Россию пришло новое время, окончательно и бесповоротно. Захар вздохнул, думая о чем-то своем. — я понимаю, вам нравятся только те игры, в которых вы выигрываете, — пытаюсь завладеть вниманием парня, продолжала она. — Когда-то я тоже отличалась нетерпеливым характером, но с возрастом это проходит, человек становится мудрее и познает то, что французы называют «joie de vivre» — умением радоваться жизни.

Лицо парня не выражало ничего, кроме скуки, когда Мария Никитична вдруг спросила его:

— Вы чем-то разочарованы?

— Пока нет, — ответил он.

Она положила на его запястье свою сухонькую, почти невесомую ладонь.

— Дорогой Захар, все у вас непременно получится.

Только не замыкайтесь в себе — это удел слабых. Сегодня все должно быть на определенном человеческом уровне. Раз уж вы решили связать жизнь с кинематографом, постарайтесь найти себя в нем, — сказала она и, безотчетным движением поправив скатерть, взглянула на него в упор: — А обижаться на страну, в которой вы родились и выросли, — это, извините, каждый может.

Эта фраза подействовала на Захара как холодный душ. Не придавая значения словам своей собеседницы в начале встречи, он лишь сей-

час почувствовал, как она завладела его вниманием. Парень ощутил в ней столько жизненной силы, что, как замороженный, не шелохнувшись, выслушал ее и поневоле забыл о своих проблемах. Теперь он уже другими глазами смотрел на тронутое морщинами лицо Марии Никитичны, на ее высушенные старостью кисти рук, по которым скользили пронизывающие кухню лучи солнца. И впервые за время их разговора поймал себя на мысли о том, что хозяйка квартиры — так же, как ее антиквариат — не что иное, как отголосок другой эпохи, человек, проживший огромную, почти вековую и насыщенную событиями жизнь. Человек, который еще помнит лихих московских извозчиков, но при этом сумевший сохранить не только ясность ума и память, но также тонкий юмор, сердечность и доброжелательность. Теперь она была для него уже не той древней старушонкой, которую он час назад встретил в толпе у дверей художественного салона. Он видел перед собой консервативную, но при этом вполне современную пожилую женщину. Женщину до кончиков ногтей, которая, даже находясь в преклонном возрасте, была не лишена особого шарма — шарма благородной женской мудрости. «До чего же сильная личность эта дамочка!» — с восхищением подумал он о своей новой знакомой и, обращаясь к ней, спросил:

— Мария Никитична, по-моему, вы оптимист.

— Несомненно! — твердо сказала она и собралась было продолжить, но вдруг услышала, как у нее за спиной раздался звук сбежавшего кофе. — Ну что за безобразие! Опять я за разговорами про кофе забыла, — повеселевшим голосом сказала она и, встав из-за стола, опрометью бросилась к плите. — Возмутительно... как с этим бороться?! — рассмеялась она, снимая турку с плиты.

Через несколько минут Мария Никитична разливала по чашкам кофе, когда, пытаясь восстановить в памяти прерванный разговор, спросила у Захара:

— Да... так на чем мы остановились? Выслушав невозмутимое: «Вы сказали, шашлык действительно удался!», она со словами: «Ах, молодость» покачала головой и, пряча улыбку, спросила:

— Захар, вы всегда так забавно шутите?

— Временами... — послышался ответ парня, который сменился их дружным смехом.

Так бывает, что порой с посторонним человеком нам легче говорить о сокровенном, чем со старым другом. Скорее всего, это происходит оттого, что каждому человеку иногда хочется бежать от одиночества, с которым он родился и обречен не расставаться никогда. Временами это чувство может, прикинувшись самолюбием или тщеславием, не напоминать человеку о своей истинной сути. В такие минуты у него может возникнуть иллюзия, что оно навсегда покинуло его, однако это не так — его драгоценное одиночество, затаившись, лишь набирается сил, чтобы вновь повсюду сопровождать свою жертву, твердо зная, что она, эта жертва, будет продолжать оберегать его от посягательств людей, событий и обстоятельств. Исходя из таких нехитрых соображений, можно предположить, что встреча Захара и Марии Никитичны была одним из тех редких случаев, когда люди, знающие друг друга короткий промежуток времени, не особенно торопились расстаться. Представители разных поколений, случай — но встретившиеся в толчее города и обрадованные возможностью излить друг другу душу, они сидели на просторной кухне за накрытым столом, пили кофе, беседовали и обсуждали столичные новости. Хозяйка квартиры, оказавшаяся любительницей долгих разговоров, делилась с гостем воспоминаниями, не забывая потчевать свежей выпечкой, а Захар с удовольствием слушал ее и старался не задавать глупых вопросов.

— Хороший собеседник и чашка кофе, что еще нужно человеку для спокойной старости?! — довольным голосом сказала она, вставая из-за стола. Вслед за ней встал и Захар, догадавшийся, что «аудитория» подошла к концу. В тот миг ему было невдомек, что знакомством с Марией Никитичной его сегодняшние новости не закончились... О том, что судьба приберегла для него еще один сюрприз, он узнает немного позже.

«День у меня сегодня какой-то чудной. Для полного счастья теперь не хватает разве что отужинать с самим папой римским...» — мысленно улыбнулся парень, выходя из кухни, когда хозяйка квартиры, провожая

его, сказала: — Спасибо вам, Захар! Как мило с вашей стороны, что вы помогли мне. Я хотела бы подарить вам эту книжицу, — добавила она, протягивая томик Блока. — Возможно, когда-нибудь вы вспомните говорливую затворницу и ее занудство. Уж не сердитесь, если что не так — возраст, знаете ли. Здоровья у меня осталось на доньшке, слух не тот, что раньше, да и зрение оставляет желать лучшего...

Он многозначительно посмотрел на нее и в шутку обронил: — Мария Никитична, как же вы с вашим плохим зрением смогли разглядеть меня в толпе возле художественного салона?

Польщенная, она громко рассмеялась, от чего задрожали ее плечи: — Знаете ли, Захар, у вас лицо человека, которого трудно чем-нибудь удивить, — сказала она.

И, когда он поблагодарил ее за проницательность, с достоинством ответила.

— Не стоит...

— Хороший у вас кофе, Мария Никитична, — любезно сказал парень.

— Я очень старалась. Думаю, такое удивительное приключение повторится не скоро... — сказала она и с улыбкой добавила: — Разве что, когда мне стукнет этак годков сто. Пожалуй, тогда я еще смогу, как сегодня, прошвырнуться по антикварным магазинам.

Свои слова хозяйка квартиры вновь сопровождала смехом, когда в прихожей неожиданно раздался звонок входной двери. Услышав его трель, она оживилась и со словами: «Вот и Лидусек приехала» направилась встречать гостью. Однако, открыв дверь, вместо приятельницы увидела на пороге соседку по этажу — высокую русоволосую девушку в очках, держащую на поводке крупного светло-серого пса. — Здравствуйте, Мария Никитична, я на минутку, — обратилась к ней девушка, поправляя очки. Вместе с псом она вошла в прихожую и, протягивая ей небольшую банку варенья, добавила: — Вот возьмите, это вам бабушка передала. Она сегодня варила варенье из крыжовника и велела отнести вам гостинец. — Ой, спасибо, мой золотой! — лишь успела сказать Мария Никитична, растерянно принимая подарок, как пес, восторженно дыша, подошел к ней. В нетерпеливом ожидании ласки он толкнул ее носом в колено, и, дождавшись оной, лег у ее ног. В тот миг девушка бросила взгляд на стоящего в

прихожей парня и непроизвольно вздрогнула — перед ней стоял незнакомец, который запал ей в душу с того дня, как однажды зимой в автобусе встретился ей по дороге в университетскую библиотеку. Что касается Захара, то, стоя чуть поодаль от Марии Никитичны, он невольно стал свидетелем диалога двух соседок, и от его внимания не скрылось то замешательство, что появилось на лице незнакомки. Разве мог он, глядя на девушку, предположить, что, встретив его у своей соседки, она была одновременно удивлена и обрадована, поскольку хотела увидеть его давно — со времени их первой встречи.

— Захар, не стойте, как памятник, — вдруг раздался в прихожей голос хозяйки квартиры. — Мужчина в таких случаях должен представиться первым.

Выслушав ее, он подошел к незнакомке и, представившись, протянул ей руку. В ответ девушка подняла на него глаза и вместе с легким рукопожатием сказала:

— Очень приятно — Женя.

Когда парень посмотрел на нее, он от удивления замер. встретившись с ним взглядом, она не отвела глаз. Какую-то долю секунды они внимательно смотрели друг на друга, и того короткого промежутка времени ему было достаточно, чтобы в глазах девушки, что лучились за стеклами очков, прочесть адресованные ему любовь, нежность и даже подстрекательство. Внимание Захара невольно привлекли ее выглядывающие из-под юбки круглые коленки. Он бросил взгляд на них, и его настроение изменилось. ему стало не просто весело, а безумно весело — как это, вдруг жизнь так резко переменилась, и каждое ее мгновение стало уникальным и неповторимым...

Тома ТОРРЕС

ХОЗЯИН ПАРИЖА

«Не молчи. Ну не молчи же. Где ты, когда ты мне так нужна?»

Париж. 16 марта 2020. Вечер.

Он стоял, опираясь на перила веранды, и смотрел на город.

Всё было как всегда. Мерцала башня. Ползли машины. Люди шли куда-то — встречались, ждали на светофоре, заходили в магазины. Всё как всегда — и всё не так. Над городом висело что-то, чему он не мог подобрать слова. Не туман. Не смог. Что-то живое и тихое, как ожидание беды.

Он протянул руку — попробовал нащупать эту кисею пальцами. Она не сходила. Висела над синими крышами, над мокрым асфальтом, невероятно тяжёлая.

Сквозь синие очки город выглядел выцветшим. Дома, машины, люди, небо — всё покрыто серой пылью. Так, наверное, выглядели Помпеи за час до конца. Люди ходят по улицам, покупают хлеб, смеются — и не знают, что это последний вечер.

Он знал. Он всегда знал такие вещи раньше других — слишком тактильный, слишком сенсорный, слишком проницаемый для мира. Он прожил долгую жизнь с этим даром и давно перестал удивляться. Но сейчас изумлялся: как они не чувствуют? Как идут вот так — сквозь эту пыль, сквозь эту тишину?

Отец говорил, что Париж выглядел примерно так, когда де Голль принял решение сдать город. Вроде всё как всегда — и совсем не так.

Он сильнее сжал перила. Почувствовал холод металла. Костяшки побелели.

За спиной стоял сыют — пять тысяч евро за ночь, чёрно-серый мрамор, полированный дуб, хрусталь в золотой оправе, белые орхидеи в ванной. Он не оборачивался. Знал, что увидит: огромную гробницу. Холодный камень. Тишину, у которой есть вес.

По спине тёк пот.

Хрусталь Lalique на стенах ловил последний свет и дробил его на сотни маленьких солнц. Он видел это каждый день уже — сколько? Три года? Решётка перед ним стояла, как всегда. Теперь она станет клеткой. Он ещё не знал этого. Но кожа уже знала.

Avenue George V внизу пустела на глазах — не так, как пустеет ночью, когда город просто засыпает, и ты знаешь, что он проснётся. Иначе. Как будто кто-то очень медленно, очень аккуратно вынимал из города его содержимое.

Он подумал: беднякам, наверное, легче. У них есть злость. Желание выжить — ради семьи, ради детей, ради кого-то. А здесь — только этот свет, этот хрусталь, этот лающий звук собственного дыхания.

Потому что ему незачем было жить. Дочь выросла. У него не было мечты, не было цели. Все сбылось. Случилось и прошло. Человеческие желания он себе запретил давно — аккуратно, как закрывают счёт в банке.

Но маску носил. И спрей. И дистанцию держал.

Решетка легонько дрожала вместе с его руками. Костяшки пальцев побелели. Он никогда не думал о любимом месте вот так. Не думал, что этот роскошный сыют станет его тюрьмой.

Париж лежал внизу как всегда — покорный, серый, его.

Он знал цену каждого квадратного метра отсюда до горизонта, знал, как меняется эта цена с каждым этажом, с каждым видом, с каждым градусом поворота к Сене. Это было знание особого рода — не холодное, не коммерческое, а очень тактильное, как знаешь собственное тело: вот здесь болит, вот здесь давно онемело.

Он стоял и смотрел вниз.

Улицы пустели — не так, как пустеют ночью, когда город просто спит и ты знаешь, что он проснётся. Иначе. Как будто кто-то очень медленно, очень аккуратно вынимал из города его содержимое.

За спиной забормотал телевизор — он всегда ставил таймер на новости. В соседнем номере тоже включился экран. В домах напротив сквозь занавески пробился одинаковый синеватый свет. Внизу кто-то из персонала прижимал телефон к уху.

Что-то стряслось.

Голос президента был узнаваем даже сквозь двойное стекло — ровный, почти педагогический, с привычной слуху французов паузой перед главным словом.

«Nous sommes en guerre»

Он не обернулся. Только напряг спину и крепче сжал перила.

Война. Он знал, как выглядит война — не эта, другие. Знал, как пахнет настоящий страх. Это было не похоже. Это было тише. Тише — и поэтому страшнее.

Месяц назад он дал интервью Пари Матч. Сказал всё, что думал — без кокетства, без расчёта на сочувствие. Больше никаких женщин. Одиночество не пугает. Устал мечтать. Журналистка смотрела с тем выражением, которое он научился читать за сорок лет — жалость и любопытство в упаковке из сочувствия. Он говорил и слышал себя со стороны: ровно, точно, без дрожи. Как человек, который давно поставил диагноз и давно с ним смирился.

Он не солгал ни в одном слове.

И всё равно не сказал главного. Главное было вот что: у него есть дома. Много домов — в Штатах, во Франции, в Швейцарии. С историей, с мебелью, с коллекциями, с видами, за которые люди отдали бы годы. Он не может в них жить. Не потому что не хочет. Потому что там — тишина. Абсолютная, анатомическая тишина, которая ложится на грудь к двум часам ночи и не даёт дышать.

Ему нужны люди за стенкой. Не рядом — именно за стенкой. Чтобы слышать сквозь штукатурку чужую жизнь: смех, шаги, чужой телевизор. Чтобы знать — мир не кончился, пока ты спишь.

Он знал, как это называется. Вслух не произносил.

Состарившийся ребёнок, которому страшно в темноте.

Интервью Пари Матч было важно именно этим: он публично отрёкся от надежды. Произнёс вслух — значит, сделал необратимым.

И вот — локдаун.

Отель закрывается изнутри. Люди за стенкой разъедутся или затихнут. Консьерж будет дежурить в пустом вестибюле. Ресторан закрывает кухню.

Но он говорил себе: отель не умрёт целиком. Будут ходить горничные. Сантехники. Каминам нужно обслуживание.

Детские, наивные надежды.

Он никогда не был один — напротив, его никогда не оставляли в покое, и это бесило. Год он прятался в одиночество, как в палатку, которую обожал устраивать в детстве: залезть, застегнуть, быть собой — тем, кто не нравится другим. Даже собственным родителям.

Он придумал для этого слова: «я убежал с вечеринки скучать».

Если бы он знал, что мечты сбываются вот так.

Он заметил, что улыбается. Вспомнил май 2019-го — как едва не женился. Сам, вы только подумайте, сам сделал предложение — и сам же дал задний ход. Сказал ей: великолепный секс — это ещё не повод вместе состариться. Кажется, это были не его слова. Дочери? Её матери? Скорее всего, они и спасли его. Он представил, как они с той женщиной сейчас запираются на разных этажах. И засмеялся — тихо, свободно, почти по-детски.

Осторожный стук. Дверь отворилась.

Он не обернулся. Узнал шаги — управляющий чуть тяжелее ступал на левую ногу, старая история, он замечал такие вещи всю жизнь, автоматически.

— Месье Морель...

Он смотрел вниз. На свой город. На пустые улицы, цену которых знал до сантима.

— Месье Морель, мне очень неловко. Отель закрывается.

Он резко обернулся.

Ему никогда в жизни ни в чём не отказывали. Только отец — но отец давно умер.

— Что значит — закрывается? Я здесь живу.

Управляющий переступил с ноги на ногу. Поковырял ногтем кору деревца в кадке.

— У меня сто тридцать восемь человек в штате, — сказал он тихо. — Я не могу держать их здесь и оплачивать им страховку ради вас одного. При всём уважении.

Пауза.

— Мне жаль, Мишель.

Он кивнул. Медленно. Как кивают, соглашаясь с тем, что знали давно.

Управляющий ушёл — тихо, деликатно, как уходят от постели тяжелобольного.

Париж. 16 марта 2020. Ночь.

Внизу, на Avenue George V, кто-то шёл быстро, почти бежал, прижимая к себе пакет. Потом ещё один — в другую сторону. Потом — никого.

Он смотрел.

Бешенство пришло не сразу. Сначала — что-то похожее на недоумение. Ошибку в программе, которую он сейчас исправит. Но исправлять было нечего.

Его выгоняли. Впервые в жизни — выгоняли. Не враги, не конкуренты. Что-то невидимое, чему не было имени в его системе координат, где всё решалось звонком, деньгами, репутацией. Здесь не было номера, по которому позвонить. Здесь не было человека, которому нужно показать, кто он такой.

И хуже всего — он не мог даже злиться по-настоящему. Потому что это было правильно. Потому что он сам, если бы мог, подписал бы этот локдаун двумя руками.

Бессилие перед тем, что правильно — это и есть настоящий ад.

Он облокотился на перила. Перебирал — и останавливался. Этот занят. Тому восемьдесят, он сейчас в загородном доме. У женщин — семьи, дети, мужчины, сейчас не время. У каждого — своя жизнь, которую он не имеет права разрушить своим присутствием. Ведь это

не в гости. Это неизвестно на какой срок. Жить, а не выпивать в день рождения.

Айфон ломился от номеров. Люди были. Контакты были. А вот чтобы в час ночи — в чью-то дверь...

Он замер от этого открытия.

Ещё вчера нужный всему свету — сейчас не нужен никому. Без съёмок, без премьер, без шампанского, без новых своих отелей он — никто. Мир слетел с него, как грязный носок. И под ним — что?

Он не ответил себе на этот вопрос. Просто констатировал, как констатируют погоду.

В домах вокруг загорались огни. Люди приходили с работы, обнимали детей, готовили ужин, закрывали шторы. Он стоял и смотрел на чужую жизнь.

До слёз хотелось быть одним из них.

Тех, кто ему поклонялся.

— Где ты, — почти вслух сказал он, — когда ты так нужна?

Он обращался к тому, кто был всегда — с детства, с тех ночей под одеялом с головой, когда можно было доверить всё: страхи, мечты, стыд. Выдуманный кто-то. Всегда живой.

Теперь и этот голос молчал. Внутри было пусто. Снаружи — тоже.

Деятельный мозг бизнесмена работал лихорадочно и в полную силу, как топка паровоза. Он должен найти выход, он всегда его находил. Не может быть, чтобы выхода не было! Чтобы не было никого, кто...

Стоп. Есть один человек. Та, которая всегда была дороже всех — денег, наград, женщин.

Он достал телефон.

Париж — час ночи. Лос-Анджелес — минус девять. Значит, у неё день. Если не работает — возьмёт трубку.

Гудок. Второй.

— Папа! У тебя всё хорошо? Я только что слышала — это правда? А как же теперь...

Он улыбнулся. Сам не заметил как.

— Элло, Китти, — сказал он. — Как ты там?

Голос получился лёгким. Почти настоящим. Впервые в жизни он сумел сделаться по-настоящему хорошим актером.

Она рассказывала про свой день, про то, как оцарапала ногу, ныряя в рифах. Он слушал и смотрел на пустую улицу, и бешенство медленно отодвигалось куда-то на край мира — не уходя, просто отступая.

— Я, кажется, завтра прилечу, — сказал он весело. — Тут закрывают всё. Буду сидеть у тебя, мешать, гладить кота. Постелишь мне коврик рядом с ним. И мне понадобится корм холистик для пожилых животных и много воды.

Она засмеялась. Сказала — приезжай, что-нибудь придумаю.

Он не сказал ей, что стоит один над пустым городом и не знает, куда идти. Не сказал, что темнота внутри — не та, с которой он умеет справляться. Сказал — увидимся, Элло Китти, — и нажал отбой.

Париж внизу молчал.

Завтра он поедет в аэропорт. Там будет выход.

Шарль-де-Голль. 17 марта 2020. Утро.

Он вышел из такси в 6:47.

Сумка — одна, лёгкая. Лекарства, смена белья, планшет. Всё остальное — все эти брендовые свитера, куртки, штаны — осталось в номере — пусть хранят, он заберёт потом. Или не заберёт. Сейчас это не имело значения.

Имело значение одно: добраться до дочери.

У него был план. Впервые за сутки — план. И это уже было почти хорошо.

Терминал 2Е встретил его светом — но не тем светом, который он помнил. Не тем живым гулом, в котором растворяешься и становишься частью потока, заряжаешься азартом и энергиями пути. Свет горел вполсилы. Половина ламп — выключена или мигала. Звук собственных шагов отражался от мрамора и возвращался назад.

Это было как в страшном фильме девяностых, где он когда-то играл. Он остановился и огляделся.

Людей было — человек тридцать на весь зал. Может, сорок. Они стояли у стоек, сидели на полу у колонн, смотрели в телефоны. Не паника. Хуже — оцепенение. Как будто всем им одновременно сказали что-то, во что они ещё не поверили, но уже не могли не верить.

Табло над стойками Air France мигало.

Он смотрел на него секунду. Две. Три.

ANNULÉ. ANNULÉ. ANNULÉ.

Отменён. Отменён. Отменён.

Он пошёл к стойке — автоматически, как идут к стойке люди, которые всю жизнь решали вопросы у стоек. Девушка в форме Air France стояла прямо, смотрела в экран и, кажется, не видела экрана.

— Лос-Анджелес, — сказал он. — Ближайший рейс.

Она подняла глаза. В них было то выражение, которое он уже видел вчера у управляющего — жалость и беспомощность в одном флаконе. И не было привычного узнавания звезды — и это пугало еще больше.

Как будто его тоже больше нет.

— Месье, небо закрыто. С полуночи. Все трансатлантические рейсы отменены... — она снова беспомощно заглянула в экран.

— До когда?

Пауза.

— Мы не знаем. Вы же понимаете, сэр...

Он кивнул. Медленно. Как кивают, когда слышат то, что уже знали, но надеялись не услышать.

— Есть частные рейсы?

— Месье, воздушное пространство закрыто. Это касается всех. Простите.

Он отошёл от стойки. Впервые в жизни он чувствовал себя не хозяином дорог, а пассажиром. Одним из этих вот растерянных людей. Это было неприятно до дрожи.

Очередь у соседней стойки была молчаливой — человек пятнадцать с ваучерами, которые уже ничего не стоили. Никто не кричал. Никто не требовал. Они просто стояли — с чемоданами, с детьми, с выражением людей, у которых только что вынули из рук что-то важное, и они ещё держат форму этого важного в ладонях, но уже пустую.

Он некоторое время смотрел на них. Потом развернулся и пошёл в сторону Salon La Première.

Там было теплее. Там был кофе — автомат работал, и этот звук, обычный механический звук кофемашины, был сейчас почти невыносимо нормальным. Там сидели люди его мира — он узнал двоих, кивнул. Они кивнули в ответ. Никто не заговорил.

Каждый был одинок одинаково.

Он взял кофе. Сел у окна, подальше от всех. За стеклом лежало лётное поле, как брошенная посреди игры шахматная доска. Самолёты стояли у гейтов — неподвижные, как будто нарисованные. Ни одного движения. Ни одного огня на рулётной дорожке. Небо над полем было чистым, бледно-серым, совершенно пустым.

Он не помнил, когда последний раз видел пустое небо над Шарлем-де-Голлем. Наверное, никогда.

Отпил кофе. Поставил стакан. Достал телефон — и остановился. Кому звонить. Господу Богу?

Он перебирал номера — и каждый раз натёкался на «ANNULÉ». Этот в Нью-Йорке, там сейчас свои приключения. Тот — семья, дети. Женщины — да не дай Бог. Дочь — он не позвонит дочери с этим. Он уже сказал ей увидимся — значит, увидится. Он не будет звонить ей снова и говорить, что не смог.

Он же всегда мог.

Пересекал океан, натёкался на скандалы и штрафы за простой съёмки — по одной её фразе «папа, ты мне нужен». Как она там одна с котом? Она хотя бы с котом...

Он тупо сидел с телефоном в руке. Со средоточием его жизни, вмиг превратившимся в кусок бесполезного пластика.

За окном — пустое небо. В зале — тишина, в которой кто-то кашлянул, кто-то тихо заплакал и сразу перестал, кофемашина снова загудела.

Он не знал, сколько времени прошло.

Телефон завибрировал. Незнакомый номер — нет, знакомый. Просто он не сохранил его под именем, потому что этот номер знал наизусть сорок лет.

— Алло.

— Ты где? — голос был спокойный, чуть хриплый, утренний.

— В аэропорту. — Он помолчал. — Небо закрыто.

— Я знаю. Я уже вылетаю за тобой.

Он не сразу понял.

— За мной? Но зачем...

— Дурак. Жди меня у выхода номер четыре. Через два часа.

— Подожди. Ты сказал — вылетаешь? Но как?

— Сейчас разогреваю машину и бужу Дениса. Жди.

Короткие гудки.

Он опустил телефон на колено и снова растерянно посмотрел в окно.

За окном — всё то же пустое небо. Те же неподвижные самолёты. Та же бледная тишина над полем.

Но что-то в этой картине изменилось — не снаружи. Внутри. Как будто кто-то в тёмной комнате нашёл выключатель и пока ещё не нажал — но уже держит руку на нём.

Он допил кофе. Встал. Пошёл к выходу номер четыре.

У выхода номер четыре был ветер. Настоящий мартовский, без скидок. Он стоял на продуваемом пятаке и держал сумку в правой руке — держал осторожно, как всегда, когда не хотел, чтобы кто-то видел его руки, которые сейчас мелко дрожали. Подвели суставы на холоде.

Ждать было два часа.

Он стоял и думал: может, и к лучшему. Если бы он добрался до Штатов, к дочери его всё равно не пустили бы. А три месяца один в квартире — он вышел бы в окно через неделю. Он знал это про себя спокойно, как знают про хронический диагноз.

Никто из тех, кому он мог позвонить, не спросил, где он собирается жить. Все и так знали, что он не пропадёт.

Люди сбились в кучки в семейных гнёздах. И никто не несёт ответственности за то, что он так и не создал своё. Дом был совсем рядом, но дом — это не то же самое, что не быть одному.

Он думал о том, стоит ли позвонить Фреду — сказать: не надо, не прилетай, подумай о себе. Он живо представил, как внедряется в семейный мир друга. Да, это тоже была его семья — с тех самых пор, когда Фредерик своими огромными крепкими кулаками защищал Мишеля в колледже, где все дразнили его за рыжие вихры и толстые очки, за неуклюжесть и незащитность. Но сейчас там, в каменном доме у подножия Альп, были его дети, его внуки, его собаки и лошади, — целый живой мир, в который он не хотел приносить вирус, страх, себя.

Прошел всего час, и декорации сменились. Под ногами Мишеля уже привычно вибрировал и вжимался в ступни хрупкий пол джета.

В кабине пилотов было тепло и тесно. Мишель отказался идти в салон — наотрез, без объяснений — и сел в кресло стюарда, прямо за

спинами двух пилотов. Одним из них был Фред. Вторым — его сын Денис, которого Мишель так и не привык видеть большим и вообще отцом двоих детей.

Кароль успела собрать сэндвич. Он лежал рядом, у локтя, аккуратно завернутый в крафтовую бумагу. Мишель наткнулся на него, когда наощупь искал бутылку с водой. Сэндвич божественно пах копчёной индейкой и рукколой.

Мишель разворачивал его медленно, с величайшей осторожностью — пергамент хрустел, и он старался не уронить свёрток, и как назло пальцы не слушались, и он разворачивал сэндвич целую вечность, стремясь поскорее добраться до еды — но боясь уронить её на пол. Он был голоден — по-настоящему, до темноты в глазах. Голоден так, как был голоден однажды, когда прыгал с электрички на электричку с пятью франками в кармане, опаздывая на первый в жизни кастинг. Тогда у него было два друга. Один сидел сейчас перед ним. Второй — он знал это точно — уже жарил индейку на кухне Фреда. Для него.

Руки дрожали. Не как у старика — как у ребёнка, которого наконец накормили, и он ест жадно, но чрезмерно аккуратно, стараясь быть воспитанным и благодарным.

Денис обернулся, подмигнул и сказал, что Мишель сидит на термосе с горячим какао.

Мишель убрал руки с термоса. Помолчал.

И впервые за двое суток — улыбнулся по-настоящему.

Татьяна ПОЛЯКОВА

ЗАНОЗА

«Два последних билета в Консерваторию сейчас отдам, и наконец-то смогу отдохнуть, работа общественная все-таки уже в тягость», — так думала Ольга, ожидая посетителя. Она пошла открывать дверь, даже не спросив, кто там. Перед дверью стоял весьма пожилой, худощавый, убеленный мужчина и смотрел на свои ботинки.

— Вы к кому, — задала вопрос Оля.

— Я за билетами в консерваторию — произнёс он тихо и тут же поднял голову.

Внезапно лицо его замерло, рот остался полуоткрытым, а глаза стали расширяться, затем он зажмурился и замотал головой. Снова открыл глаза и уставился, не мигая, на Ольгу.

— Вам плохо, что с вами, дать воды?

Она быстро его усадила на стоящий в прихожей стул и принесла воды. После первого глотка, он тихо спросил, как её зовут и услышав ответ произнёс обречённо:

— Значит это ты, извините, вы, Лёля, такая же, как и была, а я Славик, помнишь, из детского сада.

И тут у неё что-то зашевелилось в памяти — Славик, Славка, который вечно мешался, крутился вокруг неё в том самом детском саду, куда они ходили в детстве.

— Правильно, — вспомнила она, — он картавил и называл её Лёля.

— Славик, как же ты здесь оказался?

— Дочь попросила взять билеты, она рядом тут живёт, а я в гостях у неё. Неисповедимы дела твои, Господи, — вздохнул Славик. Голова его опять сникла, и он немного погрузился.

— Так я возьму билеты, — произнёс он почти шёпотом.

Ольга, отдавая билеты, засуетилась, не зная, что ещё сказать, потом как-то не уверенно произнесла, что увидимся на концерте.

Закрыв дверь, она долго не могла прийти в себя. Воспоминания вдруг всплыли, выскочил из туманного прошлого и затмили ум вереницей картин, кадров, как в немом кино. Вот они всей группой бегут в большую комнату с новыми стульчиками, разрисованными красными ягодками, птичками, цветочками и каждый стульчик со своим орнаментом. Хохломская роспись: по-чёрному — красным, зелёным и жёлтым как золото и все под лаком. Всегда в детской группе была борьба за каждый красивый стульчик, а главное выбирали кто с кем рядом сядет. Уже тогда были предпочтения, может даже первые чувства. Ей всегда хотелось сесть рядом с Витусиком, но почему — то рядом оказывался он — Славик. И в других играх и занятиях вечно он вертелся рядом, хотя она пыталась от него убежать. Когда наступил день прощания с детским садом, и она узнала, что семья Витусика куда-то уезжает, она почувствовала не понятное ей чувство щемящей печали. Дома несколько дней была в состоянии грусти и даже плакала при мысли, что больше никогда его не увидит, а родители не могли понять причину печали и слёз ребёнка.

Много раз Ольга рассказывала своим приятелям о необыкновенном детском саде в её детстве, который до сих пор помнит до подробностей.

Давным-давно, ещё в 30-ых годах прошлого столетия, её отец как инженер-изобретатель облегчённой древесины, был приглашён на работу в исследовательский комбинат «Дирижабльстрой» под руко-

водством и при деловом участии итальянского инженера изобретателя Умберто Нобиле. Для этого комбината в ближайшем Подмоскowie начинал строиться новый посёлок «Осовиахим», потом переименованный в Долгопрудный.

В те годы дирижаблестроению придавали большое значение в надежде на дополнительное транспортное средство. Для приехавших на работу итальянских специалистов был построен деревянный дом. Он так и назывался «итальянский», двухэтажный, покрашенный в яркий зелёный цвет. В этом доме и поселилась семья Ольги в маленькой служебной комнате. Посёлок — разрастался очень быстро, сначала были построены амбулатория, школа, новое капитальное здания для детского сада, с площадками для игр, со своим зелёным садом и даже огородом, затем появились новые четырёхэтажные жилые дома. В осуществление грандиозного проекта средства вкладывал сам Умберто Нобиле.

Теперь она с трепетом вспоминает многие подробности жизни в детском саду. Насколько внимательно к ним относились воспитатели, там была настоящая жизнь: весёлая с играми, в которые вкладывалась и смекалка детей, и их обучение. С комбината им часто привозили новые игрушки с образовательными навыками. То огромные облегчённые кубики различной конфигурации, как бы элементы строительной архитектуры: арки, колонны, разные балясины, оконные фризy и др. Куклы, двигающиеся лошади, что для конца тридцатых годов было в новинку. Их учили строить, следить за домом, огородом, сажать и сеять, ухаживать за растениями. И всё это в игровом стиле. До сих пор не понимает, как дети построили снежную горку со ступеньками и раскрашенную во все цвета радуги. Но всегда было интересно и весело.

Со временем параллельно стал формироваться ещё и авиационный завод, вовлекая специалистов с комбината, куда перешёл и отец Ольги. Во время войны завод переехал в Москву. Забота о детях продолжалась и во время войны. Завод организовал на стадионе Юных пионеров для школьников летние дневные лагеря. И самое удивительное, что и там они встретились со Славкой. Да они постоянно сталкивались: в транспорте, то на занятиях спортом, то в столовой и всегда он старался сесть ряд. Но самая неожиданная встреча с ним произошла спустя много лет в Адлере на ж/д вокзале. Она возвращалась

из отпуска с маленькой дочкой. На платформе стояло много народа с детьми, с вещами. Поезд был проходящий, стоянка короткая, номера вагонов, как иногда случается, были не по порядку. Она металась по платформе, ища свой вагон, до отправления были уже минуты, когда кто-то вдруг схватил дочку в охапку и чемодан и вскочил в вагон, стоявший перед ними. Проводница не пускала, кричала, требовала билеты в её вагон, но молодой мужчина не слушал и всё проделал молниеносно. Оставил дочку в тамбуре, втянул Ольгу за руку на ступеньки уже медленно тронувшегося поезда. Потом они прошли по вагонам до своего места и она, наконец-то, узнала своего спасителя — помощника. Это был Славка. Он увидел их ещё на перроне. Затем он перенёс все их вещи и полдороги ехал с ними, оставив свою семью в другом вагоне. Он говорил с жаром, что помнит всё, что хотел бы видеться, настаивал, просил хотя бы телефон. Прощаясь назвал её занозой в сердце и произнёс уверенно, что всё равно они встретятся. Ей было странно и смешно его слушать и номер телефона она и не собиралась ему давать. Больше они не виделись.

Да и сейчас Ольга даже не вспомнила его лица. Все-таки невероятная встреча, спустя множество лет. А многие не верят в чувства с раннего детства. Что это — провидение? Ольга задумалась и вдруг почувствовала, что сердце защемило и приятное тепло растеклось по телу, и будто весенний дурманящий, сиреневый запах ворвался в душу и ум. И тут она вслух спросила себя с лёгким ехидством: — Интересно, придёт он в Консерваторию?

Он, конечно, пришёл.

Рапиля МАЗНАЯ

СТРАСТИ ПО ГОРШКУ

Недавно в электричке услышала историю, которую по телефону на громкой связи, нервно рассказывала молодая женщина своей подруге. Суть рассказа в том, что её четырёхлетний сын вроде бы здоров: не отстаёт в развитии, вес, рост в норме, всё понимает, но не разговаривает. Сынок сидел рядом, симпатичный малыш, живчик и непоседа. Женщина долго рассказывала об осмотре и обследовании, о советах врача, а потом добавила: — А он (доктор) ещё сказал: «снимите памперсы, и Ваш мальчик заговорит!» Неужели правда? И какая связь? — недоумевала она.

История в тему.

Мы поехали в деревню к тётушке, маминой старшей сестре, поехали всей семьёй: отец, мама, старший брат, я и младший братишка. Младшему тогда было примерно три-четыре года. До деревни недалеко по нынешним меркам, около 120 км, но прямого регулярного транспорта не было, как и личной машины. Часть дороги нужно было

проехать на рейсовом автобусе, а часть дороги на попутке. Попутка, как правило, грузовая машина с деревянным кузовом. На этот раз в кабине ехала мама с младшим братишкой Рашитом. А мы со старшим Нажибом и отцом ехали в кузове. Утром уехали, ближе к вечеру приехали. Встретили нас тепло, радостно. Шум, гам, беготня с двоюродными братьями и сёстрами. К вечеру обнаружилось, что в доме нет горшка, обыкновенного эмалированного горшка, там все дети были старше нас. Мама попробовала подержать братишку на руках над дыркой деревянного уличного туалета. Рашит сказал:

— Не буду я! Где мой горшок? — И всхлипнул.

Папа тут же решил ему отдельно в огороде выкопать ямку, копал и приговаривал: — Рашит, я потом всё закопаю, и никто ничего не увидит. Мама попробовала подержать его над ямкой, но не тут-то было!

Он опять сказал: — Не буду! Это «васе (вообще) не горшок. Так и заснул в плохом настроении, с тяжестью на сердце и в животе.

Наутро старшие мальчишки побежали в сельмаг покупать горшок. Вернулись быстро, со словами:

— Горшков нет, только чайники и кумганы.

Наш маленький весёлый братишка Рашит, шалун и фантазёр, наш всеобщий любимец, симпатичный карапуз, всегда смешивший нас своими рассказами, загрустил и замолчал. Фантазии у него были разные, всегда экспромтом, например, он мог увидеть самолёт или вертолёт в небе и тут же сказать:

— Вон видишь самолёт летит! Это я его только что завёл, он полетел, а я домой пришёл.

— А как же он без тебя летит? — смеясь, допытывалась я.

— Я его сильно завёл! Он ещё долго будет лететь. — без тени сомнения отвечал он.

Таких историй было множество: то он на своём корабле переплыл речку, то потушил пожар, то медведя победил на горе Малиновке. А мы, старшие, подначивали его и разгоняли фантазию на радость и смех всем нам. И вот Рашит загрустил, мама запаниковала.

Дети побежали по соседям искать горшок, принесли! Рашит придирчиво осмотрел и сказал:

— Это не мой горшок, он без ручки!

Ничего не попишешь, всё правда! Это был старый горшок и ручка у него отвалилась.

Тут тётушка открыла свой стратегический запас, она спустилась в погреб, там у неё был горшочек с маслом. Она переложила масло в другую посуду и вынесла этот горшок и сказала:

— Возьми и пользуйся на здоровье, улым! Рашит посмотрел на этот горшок и говорит:

Это маленький горшок, не мой. — И заревел. Он не хотел ни играть, ни разговаривать, ни есть, ни пить. Решили с утра пораньше ехать домой. Оставаться было уже опасно. История длилась третий день. Ехали почти целый день и к вечеру, как только мы зашли домой, Рашит бросился к вожделенному горшку, благополучно разрешился и долго ещё не мог с ним расстаться.

Отец посмеивался:

— Ну вот, сынок, кремень, ни грамма своего богатства внутренне-го на чужбине не оставил! Всё без остатка домой привёз!

Мама радовалась, что всё завершилось без последствий для здоровья.

Характер и выдержка закалялись в детстве.

А вы говорите, памперсы! Тут такие страсти и переживания, слёзы горя и радости, драма и комедия! Эту историю всегда вспоминаю, когда вижу пятилетнего ребёнка в памперсах. Тут ведь ни за что переживать не нужно: облегчился, ни разу не включив голову!

Возможно, и прав тот невропатолог: умение замечать свои ощущения, называть их — это один из этапов общего психического развития, который, в том числе, создаёт базу для речи.

31 июля 2026 г.

Александр БОЛЬШАКОВ

АПШЕРОН. СЛУЧАЙ В ПАНСИОНАТЕ

Был обычный жаркий июльский день 1991 года, когда солнце стоит в зените, сухой воздух терпко пахнет полынью и другими нагретыми травами. Шурша сухой травой и листьями, легко скользят безобидные ужи и ядовитые змеи.

Я с внуком отдыхаю в пансионате на Апшероне, неподалёку от Баку, где и родился наш внук Юра. Всё окружающее для меня — москвича, удивительно: и сухая высокая и достаточно жёсткая трава, и растущие среди песка оливы, гранатовые, другие фруктовые деревья, и сухое обжигающее лето, и внимательная предупредительность местных жителей.

Каспийское море было тихо, его лёгкие волны умиротворённо лизали песок. Народ, разомлев после обеда, уже мирно отдыхал, а я и мой внук только приступили к еде: Юра, утром набегавшись и накупавшись, часов в 12 заснул, так что я еле добудился его к концу обеденного времени.

Ещё не до конца проснувшегося внука пришлось долго уговаривать, чтобы он поел, что было само по себе удивительно, ибо обычно

всё сметалось с тарелок в ускоренном темпе и с аппетитом, за что его постоянно ставили в пример другим детям.

Настал момент, когда, все припозднившиеся отдыхающие отобедали и покинули зал. Мы остались вдвоём в столовой. Тут и произошло неожиданное, приятно удивившее меня событие. В этот день отдыхающих обслуживала невысокого роста, худощавая, необщительная, вечно чем-то недовольная официантка, к которой и отдыхающие относились без обычной приветливости. Как правило, из столовой я и внук, достаточно быстро справившись с едой, уходили по своим делам. Поэтому я не знал, что официанткам в уборке столовой помогали дочки — школьницы. Итак, я впервые и неожиданно для себя увидел девочку лет двенадцати — тринадцати, собиравшую со столов посуду, хлебницы и прочие атрибуты закончившегося обеда.

В какой-то момент эта девочка, убирая с соседнего стола оставшиеся в хлебнице куски хлеба, уронила один на пол. Моментально нагнувшись, она подняла упавший кусок, поднесла его к губам, поцеловала и только после этого вложила в кастрюлю с другими хлебными кусками.

Я, буквально замер, став свидетелем этой сцены. Быстро промелькнула мысль в голове: до чего же правильно и даже замечательно воспитана девочка — в святом уважении к главному продукту для человека, к хлебу!

Немного позже я увидел эту девочку рядом с нелюбимой нами официанткой и понял, что это — мать и дочь. Честно скажу: зацепало в глазах и что-то внутри меня перевернулось. «Почему мы так часто судим о человеке по первому впечатлению?» — подумал я. Эта женщина — азербайджанка, добросовестно выполняла свою работу и по-видимому считала неуместным отвлекаться на досужие разговоры. Необщительность, неулыбчивость её могли иметь свои причины: сложные жизненные обстоятельства, болезни и потери близких людей, да мало ли что ещё...

Об этом потрясшем меня случае я поведал отдыхающим пансионата. Сразу изменилось общее отношение к этой, ставшей в одночасье уважаемой официантке, простой женщине — матери, воспитавшей дочку — помощницу с такой тонкой душой и великим уважением к хлебу.

ГРОЗА НАД КАСПИЕМ

«Или отблеск дальних молний это»

Ян Судрабкалн

Лето. Дом отдыха на Апшероне под Баку. Я с женой и внуком живём в домике на высоком и крутом берегу Каспия, над бухтой с уютным песчаным пляжем. Каждое утро после завтрака и перед ужином мы спускаемся на пляж по длинной металлической лестнице, вокруг которой растут высокие оливковые деревья. По этой же лестнице поднимаемся с пляжа к жилым домикам. Можно, конечно, пройти пологим спуском по асфальтированной дороге, машины по ней проезжают очень редко, но нам дорога кажется очень длинной и утомительной, особенно в жаркое время дня.

Кстати, об оливах. Осенью зять собирает ягоды с деревьев и мастерски засаливает их, выставляя зимой на стол, как неоспоримое доказательство былого лета и своих разнообразных кулинарных способностей.

Домик наш небольшой, разделён на две части: одну занимаем мы, другую — московская бабушка Екатерина с внуком. У нас общая терраса, на которой можно уютно устроиться в вечернее время, после того как спадёт дневной зной.

Таким вот тихим вечером мы вынесли столик, стулья, маленький телевизор и решили устроить посиделки, как только утомонили внуков, уложив их спать. Ожидался интересный концерт из Баку, у нас было, что выставить на стол для душевной беседы и отдыха.

Итак, наши внуки спят, мы — две бабушки и дед уютно расположились на террасе, смотрим телевизионный концерт, отдыхаем. Голоса людей слышны только из центра дома отдыха. Вокруг нас тишина, умиротворённость, спокойствие. Тёмное небо с яркими звёздами. Даже ветер стих и не тревожит нас. Но через какое-то время звёзды постепенно исчезли из видимости, стало угрюмее. Совершенно неожиданно слева, в большом отдалении от нас, чуть ли не со стороны Гурьева, замечаем всполохи. Сначала очень далёкие и неясные, неяркие.

А вот звуки грома, его раскаты не долетают до нас. Делаем вывод, что гроза на противоположном, казахском, берегу Каспия. И вот ведь какое чудо: всполохи медленно, не торопясь, перемещаются на юг, уходят вправо. Когда световое представление оказалось прямо напротив нас — оно произвело завораживающее впечатление. На абсолютно чёрном бархате неба, на котором давно уже не видно звёзд, с разной частотой, вспыхивают разнонаправленные молнии, совершенно различной яркости, формы и размера. Такое впечатление, что молнии буквально вспарывают, разламывают небо. Весь этот спектакль идёт в абсолютной тишине, даже человеческих голосов не слышно, что само по себе непривычно. По-прежнему полное безветрие. Дождя так и нет. Постепенно гроза смещается дальше на юг, удаляясь от нас, но продолжая очаровывать. Какой тут бакинский концерт! Телевизор выключен и всё наше внимание приковано к чудесному небесному явлению. Где-то глубоко за полночь сухая гроза уходит далеко на юг и мы, потрясённые необычным зрелищем, молча отправляемся спать.

Естественно, на следующий день было много разговоров и обсуждений увиденного небесного чуда, которое и сегодня мне вспоминается в подробностях, как сказочное творение природы.

ПРОГУЛКА

Тёплым апрельским утром Алик, гордо толкая жёлтого цвета коляску со спящей дочкой, погулял по скверу и перешёл на Профсоюзную улицу. Пройдя до конца «генеральского дома», мимо детской кухни, где он получал дополнительное питание для своей Олечки и где частенько встречался с молодым отцом — диктором Центрального телевидения Виктором Ивановичем Балашовым, оказался около жилого дома, стоящего чуть в глубине, подальше от улицы. Навстречу ему по этому открытому пространству, тоже с коляской, шла молодая миловидная женщина. Яркое светило и ласково грело солнце, воздух был напоён раскрывающимися на деревьях почками, зеленела свежая трава... Но если вы уже предположили ход дальнейших событий, то сильно ошиблись.

Внезапно раздался звук открываемого окна и тут же детский вскрик, что заставило молодых родителей остановиться и взглянуть вверх. А там на подоконнике открытого окна, на восьмом этаже, стояла маленькая девочка. У Алика сжалось сердце от нехорошего предчувствия, однако он тут же понял, что ни в коем случае нельзя что-то кричать ребёнку.

И всё-таки девочка делает роковой шаг. Вмиг Алик и шедшая на встречу женщина, не раздумывая, оставляют свои коляски и бегут к стене дома. Схватив, не сговариваясь, друг друга за руки крест-накрест, они определяют место падения и успевают поймать малышку. Медленно опускают её. Несмотря на чувствительный ушиб рук они аккуратно и осторожно осматривают девочку. На вид ей явно не более трёх лет. Помощница осторожно держит девочку и старается, разговаривая с ней, успокоить, снять невольный испуг. Не найдя явных повреждений, Алик отправил одного из прохожих звонить в скорую помощь, а остальных быстро образовавшейся небольшой группы попросил не сильно галдеть, чтобы не пугать девочку, которая явно не понимала, что произошло с ней и почему она в окружении незнакомых людей. Она проснулась и ей просто захотелось погулять, а стульчик стоял рядом с подоконником.

Немного погодя сверху из открытого малышкой окна свесилась женщина и поинтересовалась: «Что здесь за шум и что тут у вас происходит?»

Конечно, большинство ответов на тему «а что тут у нас происходит» не носили печатного характера. Видимо, поняв, что именно её дочь выпала из окна, женщина помчалась на улицу. Появление рядом с дочкой совпало с приездом машины скорой помощи. Врач внимательно осмотрела ребёнка, расспросила испуганную и встревоженную родительницу и приняла решение отвезти малышку в больницу для подробного осмотра. Она забрала девочку и её маму, машина умчалась.

Между тем собравшиеся, число которых за это время значительно выросло, бурно обсуждали происшествие и каждый давал оценку мамаше, вышедшей в кухню и оставившей дочку в одиночестве, предварительно не проверив замок на окне. Как всегда, мнения и комментарии рождались молниеносно и в большом количестве.

Алик поблагодарил свою нечаянную напарницу за помощь и хорошую реакцию, вернулся к своей коляске с дочкой и размеренным прогулочным шагом отправился домой. Там в спокойной обстановке он подробно рассказал жене и теще о происшествии и дал свою оценку этому событию, поведению потерпевшей мамы, реакции молодой женщины, пришедшей ему на помощь, и окружавшей их толпы любопытных.

После ужина, искупав и накормив дочь, уложив её в кровать, спел написанную для неё колыбельную песенку, пока жена сосредоточенно писала очередной раздел своей кандидатской диссертации. Но при этом весь вечер мысленно возвращался к потрясшему его событию, размышляя о необходимости создания препятствий для детей в створках окон и между ограждением балконов, большего внимания к ребёнку в доме и о том счастливом обстоятельстве, которое сподвигнуло его и молодую женщину забыть о своих детях и кинуться спасать падающего ребёнка. Даже теперь, по прошествии более 50 лет с того памятного дня, не может объяснить логику данного поступка. Действия его и напарницы явно были следствием воспитания и уклада жизни в советском обществе: дружба, товарищество, коллективизм, взаимопомощь...

Александр ВАСИЛЬЕВ

ПАЦИФИСТ

Сашка и Андрей из крайнего подъезда бьют друг друга «пена-лики». Воротами служит один из сараев, которых во дворе довольно много. Андрей забивает и радостно кричит:

— Ура! 5 : 4. Я победил.

— Ты что? 4 : 4. Сейчас мне бить.

— Нет, всё. 5 : 4.

Они стояли нос к носу.

— Ты врешь.

— Я вру? Ах, ты...

И Андрей двинул Сашку по уху. Тот сначала ошалел, потом схватил противника за ворот рубашки, и началась процедура разрешения споров, принятая в мальчишеской среде. Их немедленно обступили другие ребята, не вмешиваясь, однако, в схватку.

Они топтались, обхватив один другого, пока более ловкому Андрею не удалось сделать подсечку и повалить Сашку на землю. По-

пытки Сашки освободиться от навалившегося на него противника успехом не увенчались. Андрей же наносить новые удары не стал, помня железное правило — лежащего не бьют.

Это статус-кво прервал один из старших ребят, Митя.

— Всё, Андрей победил, а ты, Сашка проиграл. Спор закончен.

Драчуны молча поднялись и разошлись.

Митя подошёл к Сашке.

— Слушай, хороший ты малый, а драться не умеешь. Дал бы ты ему сразу по морде.

— Митя, понимаешь, я не могу бить, у меня это никогда не получается. А почему, не знаю.

— Ого! Значит, ты — пацифист.

— А что такое «пацифист»?

— Это человек, который не хочет драться или воевать.

— Откуда ты знаешь?

— Поживи с моё, тоже многое узнаешь.

— А «пацифист», это хорошо или плохо?

— Да, нет, не плохо. Но сдачи давать надо всегда.

Сашка впал в размышления о своём вдруг открывшимся социальном статусе. Он вспомнил, что в своих снах (мальчишеские послевоенные сны почти всегда про их военные подвиги), он встречался лицом к лицу с врагами, стрелял в них, но всегда промахивался или давал осечку. «Да, я пацифист», — сделал он печальный вывод.

.....

Если бы Сашка знал, что окажется в компании таких великих пацифистов, как Далай-лама, великий тибетский мудрец, как Махатма Ганди, первый руководитель независимой Индии, как Джон Леннон, легендарный музыкант, создавший ансамбль Битлз, как Мартин Лютер Кинг, негибимый борец против апартеида в США, он бы, скорее всего, не стал переживать за своё неумение драться на кулачках. Но он узнает об их существовании значительно позже, в зрелом возрасте.

В течение всей своей долгой жизни Сашка никогда никого не убьёт, не ударит, не обидит. Он будет отчаянно, до хрипоты отстаивать в спорах свою точку зрения, научиться признавать свою неправоту и не торжествовать по поводу неправоты оппонента. Он будет

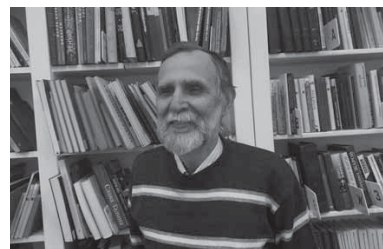
воспитывать в себе чувство собственного достоинства, понимая его как внутреннюю свободу, как уважение к себе и другим.

Своё кредо он изложит в четверостишии (а он будет писать неплохие стихи):

Я не люблю жестокость. Даже жёсткость
Необходимая — не мой любимый жанр.
Я также не люблю любую плоскость,
В которую земной прессуют шар.

В этих строках он как бы определил доминанту в своей жизни, жизни, которую он будет любить и ценить как чудный дар Божий и как ответственность перед Ним. И Сашка сможет смело сказать:

Жизнь прекрасна!

Виталий СТАНЦО

КОСМОС

Чемпионка мехмата по лыжам не очень ладила с парнями из МГУ. Боялись они, что ли? А тот голубоглазый атлет из Инженерно-Промышленного — сразу посмотрел на Светку как на младшую. Да она и была младше на год.

— Ты пока не выбрала, что важней: лыжи или математика, — говорил ей Васька с нескрываемым превосходством. — А у меня главная цель — многоразовый челнок. Америкосы уже запустили «шатл», скоро запустим и мы.

Как большинство сверстниц, Светка не считала брак обязательным условием любви. Но с Васькой всё было ясно: при его нацеленности, доходящей до фанатизма, единственная перспектива после вуза — секретный город Ленинск, иными словами, космодром Байконур. А туда просто подруг не берут, даже в школьные учительницы. И стала Светка Тёмкиной. То есть, Васькиной.

Василий Тёмкин видел первый взлёт системы «Буран-Энергия» — как положено по нормам безопасности, через аппаратуру удалённого наблюдения. Во время старта земля тряслась, как брачное ложе в

момент завершения процесса. А первую посадку челнока Васька со Светкой наблюдали лично, собственными глазами! Потом летали до утра и приземляться не хотели ни в какую.

Через девять месяцев родилась Наташка. Не хотелось Светке бросать школу, да и у Васьки было работы не впрокорот, — но чему быть, того не миновать. И вот она, бурная дочка, шустрая в мать, с папиными голубыми глазами.

А по городу уже ползли нехорошие слухи: программу «Буран-Энергия» закрывают. Так и случилось. Полномочная комиссия, во главе с известнейшим космонавтом, получившим две Золотых Звезды за полёты на «Союзах», вынесла приговор: первый «Буран» законсервировать, новые не строить.

Потом рухнул Союз — не пилотируемый, а «нерушимый», что ещё хуже. Байконур стал не пойми чей: ни русский, ни казахский, а верней всего — генеральско-бандитский. Василий по-прежнему работал в МИКе — монтажно-испытательном корпусе, — окружённый, как экз, колючей проволокой по периметру, с прожекторами на вышках. А за периметром, в пределах видимости — смуглые плотные ребята выращивали в степи наркоту.

Потом пригнали на вертолётах спецназ из Астаны — и наркоплантации пропали вместе с их хозяевами. Смуглые ребята и ребяташки, хоть и заселили множество квартир, покинутых русскими и украинцами, но вели себя как надо. Света старалась ровно относиться и к русским, и к казахским ученикам — но куда денешься от формальностей, связанных с гражданством двух разных теперь стран? Однажды, подзавяв деньжат, Светка слетала в столицу — показать внучку бабушке да осмотреться. И не узнала рыночную Москву, не смогла привыкнуть к московскому смыслу слова «челнок».

Потом сгорел при посадке американский «шатл», погибли семь астронавтов. Байконур вновь оказался в центре космического мира, потекли доллары, налачился быт. Но перспективы «Бурана» стали совсем безрадостными. «Бурановцев» становилось всё меньше, «союзники» глядели на них как на лузеров. Василий Тёмкин держался.

Он не мог жить без корабля. И погиб вместе с ним, когда весной под тяжестью снега рухнула крыша корпуса.

Через год на нашей кафедре в Инженерно-Промышленном Университете появилась новая ассистентка с забавным сочетанием имени и фамилии: Светлана Тёмкина. Не вполне уже «девушка», но и женщиной средних лет её было трудно назвать. Дружелюбная, сдержанная, безотказная в работе, энергичная настолько, что порой искрило. И к тому же, много знавшая о космических делах — высокое начальство таких ценило.

Но уважали её не все. Халтурщики встречаются не только среди студентов, но и среди преподавателей. И ещё не исследовано — где процент выше. Да и меня, вовсе не халтурщика, напрягало её постоянное стремление взять очередную высоту, выложиться за троих. На мой вопрос: «Как ты можешь жить в таком темпе?» — Света ответила:

— Я же Тёмкина. То есть Васькина.

Нас со Светкой сближали два обстоятельства. Незадолго до нашего знакомства мой отец, как и Василий Тёмкин, умер на службе, моментально и неожиданно. Тромб.

Ещё в детстве папа приучил меня к отдыху на лыжах. Однако, я не спортсмен. Пробежаться зимой по заснеженному Филёвскому парку, слететь с горки к Москве-реке, полюбоваться игрой чёрного и белого в окружающем пейзаже... А секундомер в руках строгой тётки — это, на мой взгляд, лишнее. Но Светка соединила свою космическую энергию с женским обаянием — и в феврале мы вместе отправились на университетскую загородную базу, чтобы защищать лыжную честь кафедры на ежегодной спартакиаде.

Главным образом, честь защитила Светка, взявшая золото в женской гонке. А у меня — второе место во втором десятке. Хорошо, что не двадцатое, — а то бы Светлана Петровна превратила меня в лыжную мазь и лишила шашлыка. Мой скромный результат всё-таки сохранил за мной право на вечерний фуршет у костра, где мы со Светкой стояли бок о бок и дружно тянули со всей компанией песню из «Бумбараша»:

Ах, куда мне деться?!
Дайте оглядеться —
Спереди засада,

Сзади западня.
Белые да красные,
И все такие разные —
А голова у всех одна,
Как и у меня!

Наташка вертелась рядом и молчала, косясь на нас буранными голубыми льдинками.

После спартакиады я ещё дважды ездил на тренировки в Лианозовский парк, Светкину вотчину. Первый раз с нами была Тёмкина-младшая. Дочка скандалила, что ей малы ботинки, колотила палкой по стволам деревьев, обсыпая нас снегом. Добезобразничалась до того, что сломала лыжу. Разозлённая Светка пообещала, что до конца года новой экипировки ей не купит. «Ну и не надо!» — парировала Наташка. В тот же вечер она слегла с температурой. Ничего особенного, ОРВИ.

Второй раз мне пришлось попотеть. И всё-таки, я порой упускал из виду ярко-синий костюм, обтягивающий ладную, высокую фигуру нашей лыжной звезды. А под конец, когда мне почти удалось её нагнать, — Светка вдруг развернулась и встала, расставив лыжи и ожидая столкновения. Я доехал до неё, тормозя, и мы устояли на ногах, но, конечно, схватились друг за друга. И Светка проговорила, глядя мне в глаза и заливаясь румянцем:

— Хорошо я сегодня разогрелась! Эх, приходится самой...

— Ты же Тёмкина, — сказал я. — А Наташка — Тёмкина в квадрате.

Светка ответила почти без паузы, вполголоса:

— Да, Тёмкина в квадрате. Если не в кубе. Но ты всё-таки проводи меня домой.

У подъезда мы ещё раз обнялись, насколько позволяли лыжи. «Однако, пока, чукча!» — съязвила напоследок Светка и скрылась.

После этого я надолго забыл дорогу в Лианозово. А в наших трудовых буднях почти ничего не изменилось. Разве что Наташка весной не болела, и замены Светке не требовались.

И невозможно было предугадать, какой экзамен ожидает нас в следующем семестре.

Тридцатое августа, наш первый рабочий день. После заседания кафедры подходит ко мне Светка и говорит — как всегда, когда просит об одолжении:

— Тоша, золотко, тебя хочет видеть Коуч.

Это значит: Компетентный, Очень Уважаемый Человек.*

Коуч уже ждёт меня в отдалении от преподавательской массы. Здоровается, вежливо интересуется, как я отдохнул, и переходит к делу.

— К нам в этом году поступила совершенно необычная студентка: музыкантка, замужем, есть ребёнок. И ей зачем-то нужно высшее техническое образование. Естественно, всю школьную математику она давно забыла. Но мы пошли навстречу, поскольку её муж — большой человек в «Роскосмосе», наш выпускник.

— Она будет учиться у меня?

— Если вы не против. Группу этой Гжатской поручено вести Светлане Петровне. Но, вы понимаете, здесь ещё нужен индивидуальный репетитор. Когда будете оговаривать с ней оплату занятий — не стесняйтесь. Они всё понимают и за ценой, как говорится, не постоят.

— Давайте телефон. А имя её — не знаете?

— Ирина. Я знал, что мы с вами договоримся. Если не сложно, созвонитесь сегодня.

Я звоню Гжатской уже с улицы. Лето кончается, солнечно, но прохладно. Слышу спокойное, звучное «алло!»

— Здравствуйте, Ирина. Извините, отчества не знаю.

— Кто это?

Представляюсь. Голос собеседницы сразу становится любезным.

— Очень рада. Вы, наверно, не привыкли называть учениц по имени-отчеству? Можно я буду просто Ира?

— Простите, Ира, но мне сказали, что ваша школьная математика...

— Да, в том объёме, в каком она нужна моей семикласснице. Дочкины задачи я решаю. — Гжатская уверенно берёт инициативу. — Конечно, седьмой класс — не десятый. Но я способная, вы не бойтесь. Вам где удобнее заниматься?

* Coach (англ.) — инструктор, репетитор.

— У меня большая математическая библиотека, она может пригодиться. Вы не против моей квартиры?

— Это не слишком далеко от центра?

— Багратионовский проезд, знаете?

— Да, я училась в музыкальной школе на Большой Филёвской. Мне было бы удобно завтра в десять, вечером звоню Светлане.

— Поздравляю, у нас образовался треугольник!

— Да ладно тебе. Ты у нас мальчик скромный, к девочкам не пристаёшь... Хотела бы я знать, она хоть чуточку соображает?

— Кажется, да. Но весьма оригинально.

— Не хандри, прорвёмся. Я потому и сосватала тебя в репетиторы, что лучшего кандидата не вижу.

— А тебя почему сосватали к ней в педагоги?

— Смешной вопрос. Я же Тёмкина.

— И ещё ума не приложу — как она к нам поступила, не зная математику дальше седьмого класса?!

— Да, это загадка. Хотя стоп... Кажется, поняла! Она ведь идёт на второе высшее, так? На платную форму. Значит, там не экзамены, а собеседование.

— Ну, Светлана, тебя Нобелевский комитет ждёт!

— Скорее, Следственный.

Наутро пани Гжатская стоит у меня на пороге, смотрит чуть снизу умными серо-зелёными глазами. Стильный деловой костюм, светлые туфли на каблуке. Чтобы смотреть под нужным углом.

— Проходите, пожалуйста. Вы, наверно, на машине?

— Я уже давно не езжу на метро. — Ирина чуть сдвигает тёмные брови, словно вспоминая, когда это было в последний раз.

— Припарковались нормально?

— У вас во дворе сейчас есть места. Вот у нас, на Чистых Прудах, с этим сложно.

— Давайте начнём работу. Прежде всего, я хотел бы понять вашу мотивацию.

— Охотно объясню, — мягко улыбается Ира. — Я уже не в том возрасте, когда можно надеяться на успех в музыкальной сфере. А роль домохозяйки меня не привлекает.

— Вы знаете, математика — наука очень тяжёлая.

— Мой муж говорит то же самое.

— Если вы не поймёте мои объяснения с первого, или даже со второго раза — это нормально. Я буду готов повторять многократно.

— Замечательно. Я надеюсь, что третьего раза не потребуется.

— И ещё. У меня вам снова придётся играть гаммы.

Ира коротко смеётся.

— Вы мне нравитесь, Антон. Надеюсь, мы станем друзьями. Кстати, сколько будут стоить уроки?

Коуч советовал не стесняться.

— Простите, Ира, но друзья говорят друг другу «ты» и помогают просто по дружбе. По крайней мере, в нашей среде.

Ира отвечает не сразу, хмурится.

— С первым пунктом я согласна. Но второй — это перебор. Ты тратишь на меня время и силы!

— Я честен с друзьями. Если ты платишь деньги — я обязан обеспечить результат. А я не уверен, что он будет таким, какого нам обоим хочется.

— Ну, что ж... Но если ты захочешь вернуться к этой теме — в любой момент.

Так начались наши занятия.

В группе за Ирой закрепилось прозвище Мама. Никто не удивлялся, что Светлана Петровна не вызывает её к доске и не требует убрать с парты мобильник. Только прверяет домашние задания, как у всех, и комментирует ошибки. Не такие уж редкие.

Ира училась старательно. И математика ей, в общем, нравилась — как мне лыжи. Но я не хотел, чтоб тетради Гжатской цвели липой. И если амбициозная Ира обещала дома решить задачу, для неё непосильную, — я давал ей возможность споткнуться. Но уж если Ира просила что-то объяснить — я объяснял, и рано или поздно она меня понимала. А Светку — нет.

В начале октября я попытался обсудить со Светой успехи и проблемы Иры. Она отреагировала как-то резко, в Наташкином стиле:

— Всё нормально, Коуч доволен. Но ты не забывай, у меня Гжатская не одна.

Доволен так доволен. Будет ли он доволен результатами контрольной? Но до неё ещё месяц.

— Окей, Свет... Но если ты захочешь вернуться к этой теме — в любой момент.

Денег с Ирины я по-прежнему не брал.

— Антоша, мне задолженности ни к чему! И Потёмкиной тоже!

— Не коверкай фамилию.

— Её все студенты так зовут. С.П.Тёмкина! В конце концов, у меня же есть семейные обязанности. Сегодня вот в школу вызывают. Наташка вчера — подралась с братьями Х*****скими!

О, Господи! И у этой — Наташка!

— Короче, Антон, звони Светлане и договаривайся. Чтобы у меня был зачёт не позднее конца недели.

— Ирочка, дай мне чуть-чуть подумать. А пока реши задачку. Решешь верно — тут же, при тебе звоню.

Я честен с друзьями. Шансы Иры — пятьдесят на пятьдесят. Она задумывается, пишет, черкает, снова пишет. Вспринительно глядит мне в лицо — одобряю ли я ход её мыслей. Мне скрывать нечего, одобряю.

— Вот видишь, Антоша, я решила! — серо-зелёные глаза искрятся доверием и радостью. И тут же извлекается — нет, не квадратный корень — бутылка французского вина.

— Света, золотко...

Чувствую, что взял фальшивую ноту. У меня это «золотко» выходит совсем не так, как у неё.

— Добрый день. У меня просьба по поводу Тёмкиной.

— Какой Тёмкиной? Наташки?

— Ну, то есть Гжатской. Оговорился.

— Тоша, можно попозже?

— Нелзя. Она сидит у меня и ждёт. Тебе совсем некогда?

— Я понимаю, Гжатской надо нарисовать зачёт. Но я не могу просто так взять да нарисовать. Она ж такая яркая личность, на неё глядит вся группа!

— Так я затем и звоню. Всё просто. Она приходит на контрольную, как все. А ты, раздавая билеты, даёшь ей пятый вариант. Не вто-

рой, не седьмой, а строго пятый. И она его решит. А потом мы с тобой напьемся.

Света ещё что-то говорит про обязательное знание обратных тригонометрических функций, но это просто затяжка времени. Дело сделано. В пятом варианте — как раз арксинусы. И Света, скорей всего, это помнит.

Я гляжу на Иру. Она уже не светится счастьем!

— И часто ты наливаешься с Тёмкиной?

— Могла бы заметить — я вообще не имею привычки напиваться. Но если хочешь, мы разопьём эту бутылку с тобой. Прямо сейчас.

— Ты что! Мне же в школу ехать. Нет уж, сохрани для Петровны.

Мы распили её в Лианозове — добросовестно, но не весело. Тёмкина младшая то гремела посудой на кухне, то включала музыку на полную громкость.

— Казашка, — вздыхала Света. — Ей бы на коня да в степь...

Всеобщая забастовка случилась перед зимней сессией.

— Только три! — говорила мне Светлана. — Она и на три-то не знает! Максимум — на число е.

Ира тоже давила на принцип.

— Да, я знаю предмет хуже, чем одноклассники. Но с какой позиции стартовали они, и с какой я?! И к тому же, у меня на носу — Новогодняя Ёлка! На пять не наработала, факт. Но и на три не согласна.

Договорились на том, что Ира получает в деканате индивидуальное направление и идёт с ним ко мне официально, на досрочную сдачу. А дальше — как моя совесть позволит.

Экзамен продолжался недолго, в Ирочкиной машине. Ирочка получила всё, что хотела, а я — подарок к Новому Году.

До конца декабря студентка Гжатская закрыла сессию полностью. И, пока другие сдавали экзамены в срок, путешествовала с семьёй по Китаю. Привезла сувениры, попросила передать Светлане Петровне фарфорового дракончика. Вполне, на мой взгляд, симпатичного.

— Поставь на стол, — отрешённо сказала Света, когда мы встретились в преподавательской. На следующий день осколки статуэтки лежали в мусоре, среди ненужных экзаменационных листов.

На очередной февральской спартакиаде Тёмкина упала и осталась без медалей. Объявила, что больше защищать честь кафедры она не будет.

Со стены её лианозовской комнаты всё так же упрямо глядели вдаль сосредоточенные глаза молодого офицера.

Николай ДАНИЛИН

СБОЙ РИТМА

На пятый день Алексей понял, он доходит.

После операции силы были. Хотя и предупреждали врачи, не надо активничать, он вставал с койки, ходил в туалет, иногда подходил к окну. Правда, временами накатывало, отходила анестезия, но в целом, он был бодр и полон оптимизма. Хирург сказал, операция прошла хорошо, восстановление идет по плану, и вот, на тебе.

Сейчас сил не было, даже сходить в туалет стало трудно. Да, и как пойдешь с капельницей? Тащить ее подставку тяжело, того гляди, уронишь. Терапевт, которому после операции передал его хирург, сказал, что это все от сердца, сбой ритма. По этой причине, помимо антибиотиков, ему от аритмии поначалу ставили одну капельницу, потом две, утром и вечером, затем добавилась третья, дневная.

На обходе терапевт регулярно интересовался его самочувствием, через день снимал электрокардиограмму, и, хмурясь, добавлял дозы. Улучшений не было.

Вчера он стал жаловаться врачу, что силы уходят, от капельниц никакого толка, сердце работает все хуже и хуже, перебои все равно есть, временами сердце трепещет, как «овечий хвостик», попросил прекратить это истязание капельницами. Врач на его жалобы усмехнулся и объяснил, что в крови должна увеличиться концентрация лекарства, тогда оно поможет. Для этого добавил еще одну капельницу, ночную.

Сегодня утром он никакой. Во время осмотра врач поинтересовался его самочувствием. Теперь уже улыбнулся он и схамил:

— Помираю вашими стараниями.

— Ну, вы не преувеличивайте. Моя роль в этом небольшая, — отшутился терапевт.

— Сволочь, — подумал Алексей и решил, хватит. Так и сказал сестре, пришедшей днем с очередным флаконом, капельницу он ставить не даст. Та немного поскандалила и пошла доложить врачу.

Алексей опасался своего решения:

— Господь дает болезнь, Господь дает врача, — так некогда сказал ему духовник, цитируя слова святых отцов. Он не сомневался в правильности этих слов, но тут эта истина как-то не срабатывала. Господь врача не дал.

Терапевт явился очень недовольный, видимо, известие о бунте Алексея оторвало его от обеда.

— Мне сказали, что вы отказываетесь от капельницы. Так нельзя, нам надо увеличить концентрацию лекарства в крови.

— Ага, пока я от него не сдохну! — он хамил, хамил открыто и нагло, как человек, чувствующий свою правоту.

— Если отказываетесь, мы будем вас выписывать, как нарушителя режима. Больничный вам не оплатят.

— Ну-у! Испугали ежа... — Алексей разъярился. — Я пенсионер, мне ваш больничный по ... Выписывайте, лучше помирать дома, чем здесь.

Терапевт насупился и ушел.

Вечером к нему подошла сестра с флаконом для капельницы.

— Я же сказал, капельницу ставить больше не дам!

Ответ сестры удивил его, это были обычные человеческие слова без амбиций, обид и нажима.

— Можно, конечно, и так, тогда завтра ваш врач пойдет к заведующему отделением, и вас выпишут со скандалом. Я бы не советовала. Лучше поставим капельницу, а завтра я с утра специально задержусь и подойду к заведующему, попрошу лично осмотреть вас. Мне он не откажет

Слова медсестры, пожилой, усталой и спокойной женщины, подействовали. Он согласился.

Спал он спокойно, а утром его разбудил обход.

— Как вы себя чувствуете, на что жалуетесь? — заведующий отделением был бодр, улыбчив и оптимистичен.

— Стандартный вопрос, — подумал он, и тут же вывалил все свои обиды, рассказал, каким «огурцом» он был после операции, и каким жалким «доходягой» стал.

Заведующий отделением попросил дать ему историю болезни. Внимательно почитал, заглянул в конец, где, по-видимому, были результаты анализов и обследований, вернулся в начало, и, нахмурившись, коротко взглянул на терапевта. От этого взгляда его лечащий врач как-то сник, видимо заведующий обнаружил «косяк».

— Так, поднимаем в реанимацию, будем делать дефибрилляцию.

Алексею предложили подписать какую-то бумажку, потом подняли двумя этажами выше, дали наркоз...

Проснулся он у себя в палате, видимо, его спящего спустили из реанимации. От наркоза чуть гудела голова, но сердце! Сердце работало ровно, не сбиваясь.

— Помогло! — подумал он и с облегчением вновь заснул. Больше его никто не будил, капельниц не ставили.

На следующий день утром привезли электрокардиограф, сняли кардиограмму, ближе к обеду зашел заведующий отделением.

— Как мы себя сегодня чувствуем? — Он улыбался, видимо, кардиограмма его обрадовала.

— Взвод на правом берегу жив здоров назло врагу, — Алексей процитировал Твардовского. Под врагом он понимал терапевта, и добавил, — только грудь немного чешется.

— Это от «башмаков» дефибрилятора. Надо помазать кремом, пройдет, если расчесывать не будете. — Он, продолжая улыбаться.

Видимо, стихи Твардовского были ему знакомы. — Завтра мы вас хотим выписать, вы не против?

— С превеликим удовольствием, только не знаю, дойду ли до выхода.

— Дойдете, дойдете, завтра у вас сил побольше будет. Впрочем, можем повременить.

— Выписывайте, выписывайте, на волю хочу!

Заведующий, довольный, широко улыбнулся:

— Так и сделаем.

Выписавшись из больницы, Алексей положил себе за правило каждый день проходить несколько километров. Сначала это были прогулки медленным шагом, но день ото дня темп и дистанция увеличивались. Сердце вело себя идеально: ни сбоев, ни пропусков, ни противного трепетания. Тем не менее, он сторожился, помнил, как внезапно ритм сердца нарушился, начались перебои, и он очень не хотел повторения.

В остальном все было хорошо, одно беспокоило: почему не оправдались слова батюшки, почему Господь не дал ему врача? Не может быть, чтобы святые отцы ошибались!

В конце лета Алексея пригласил на дачу его друг, он хотел с помпой отметить свой день рождения, как он выражался, «промежуточный юбилей».

— Дата круглая, знаковая, сам понимаешь, я — пенсионер! Такое бывает раз в жизни! — толковал он радостно по телефону.

Алексей улыбнулся этому «раз в жизни» и обещал приехать.

За праздничным столом собралась большая компания. Были не только родственники, общие друзья, знакомые, поздравить друга пришли и соседи по даче.

Веселие удалось! За умными и радостными тостами время летело незаметно, компания счастливо хмелела. Отметив это обстоятельство, хозяин решил сделать паузу и пригласил всех на участок, как он выразился, проветриться и посмотреть на плоды его труда.

Алексей устроился на диване-качалке, рядом сел сосед друга по даче.

Они познакомились, разговорились. Поначалу разговор шел о даче, о посадках на участке. Потом он плавно перекинулся на «своео-

бразие текущего момента». Узнав, что собеседник занимает немалый пост в системе здравоохранения, Алексей не выдержал и запальчиво рассказал ему о своих злоключениях в клинике.

Собеседник слушал, не прерывал, временами, даже улыбался. Видимо, сюжет был ему знаком.

— А чего вы хотите? — спросил он, когда Алексей иссяк в своем раздражении. — Здравоохранение отражает нашу жизнь. Хотим мы того, или не хотим, со всеми ее плюсами и минусами.

На самом деле, в любом деле есть специалисты от Бога, и есть, как я их называю, «по случаю», таких большинство. Им люди неинтересны, они на работе номер отбывают за деньги.

Так во всякой профессии. Если специалист «по случаю» бумажки в офисе перебирает или за прилавком стоит, для окружающих издержек немного. Если же, как у нас, врачей, речь идет о жизни человеческой, тогда беда.

Расскажу вам одну историю. Недавно пришел ко мне мой знакомый проконсультироваться. У него пневмония внезапно случилась, в больницу на «скорой» отвезли. Он сердечник, после выписки пошел на прием к участковому кардиологу, а тот его спрашивает:

— От чего у вас пневмония?

Ну, очень актуальный вопрос для кардиолога!

У пациента сердечная недостаточность, по этой причине в нижних отделах легких образуются застойные явления, они и провоцируют пневмонию при малоподвижном образе жизни. Надо рекомендовать больному больше двигаться, делать дыхательную гимнастику, а кардиолог причину болезни у пациента стал выяснять. Что тут сказать? Врач «по случаю».

Он махнул рукой.

— Судя по всему, повезло вам с врачом.

— Мне? Повезло? Да этот коновал чуть было меня на тот свет не отправил!

— Я не о вашем лечащем говорю, он врач «по случаю». Я говорю о заведующем отделении. Он — врач от Бога. По вашему рассказу, ситуация была серьезная, с такой не каждый врач справиться может. Ваш заведующий поставил вас на ноги, благодаря ему вы сейчас живы.

Позже Алексей не раз возвращался к этому разговору, размышляя над словами собеседника.

Две темы занимали его, два вопроса задавал он себе. Первый отражал сегодняшнюю ситуацию. Он был рад, что слова святых отцов работают, Господь дал ему врача, правда, не с первого раза. Но что будет дальше?

— Технический прогресс не отменишь, -думал он. — Недалек тот день, когда лечение людей передадут в руки искусственного интеллекта. Операторы за компьютером, недолго думая, загрузят в программу жалобы пациента, данные его анализов и обследований, искусственный интеллект, немного подумав, установит диагноз и выдаст протокол лечения.

Когда компьютер, не дай Бог, ошибется, исхода не будет. С компьютером не поспоришь, особенно если оператором при терминале окажется специалист «по случаю».

Ситуация, конечно, тупиковая, но не безнадёжная. Надо только молиться и надеяться на то, что Всевышний найдет способ дать врача.

Второй вопрос был болезненным. Он спрашивал себя, а не является ли он, как и большинство, специалистом «по случаю»? И честного ответа у него не было.

Марианна НЕКРАСОВА

ТОНЯ ТЮЛЕНЕВА

Опять дзынькнул телефон, спросонья я увидела на экране: пришла очередная СМСка от Тони Тюленевой: толстый, веселый карапуз слащаво улыбался беззубым ртом во весь экран, желая мне доброго утра, и протягивал цветок ромашки, крепко сжимая его в пухлой ручке.

«Господи! Опять эти бесконечные дети! — подумала я, — неужели до неё никак и никогда не дойдет, как я от них устала, и что видеть их больше не могу и не хочу!?»

Тоня Тюленева — женщина пожилого возраста, много лет назад трагично потерявшая свою взрослую дочь. Она стойко переносила горе. Крепилась как могла, отвлекалась: пела в церковном хоре, пекла просфоры, посещала службы, и вообще была положительным, общительным, воцерковленным, хорошим человеком. По сути своей простой русской бабой, так и не дожившей до своего женского счастья...

А счастьем, в её понимании, было иметь внуков, воспитывать их, баловать и жить для и во имя продолжения своего рода. Женственность отсутствовала: внешне Тоня похожа на солдата — высокая, прямая, сильная, она напоминала монахиню в миру, разве что без черного облачения, без схимы. Недалекая, но работающая, коммуникабельная, простая как все тётки, встречающиеся в метро в часы пик — в магазинах, в поликлиниках, сидящие в очереди к врачу. Она была ярким представителем серой массы, того сплоченного советского народа, рабочего класса, о котором пели песни и снимали фильмы в СССР. Такая трудовая пчела в гудящем людском улье.

Родилась и выросла она в Душанбе, в посёлке, недалеко от города, — от русской матери, гулящей. Отца своего она так и не узнала...

В юности приехала в столицу в поисках лучшей жизни, училась, работала, выходила замуж, родила дочку. Казалось: всё бы ничего складывалось у неё поначалу, но как известно — девушку из деревни можно вывести, а вот деревню из девушки — нет! Так она и существовала — с азиатским менталитетом в русском теле. С речью у неё было туго: вроде бы всё понятно, что говорит, а вот фразы строит как-то не по-русски — шиворот-навыворот! От этого она казалась то ли глупой, то ли слабоумной, а порой и то и другое вместе. И вот ещё: её эта липкая любовь к детям, в частности к младенцам — не имела просто никаких границ! Порой я полдня занималась чисткой телефона от назойливых открыток с упитанными, улыбающимися карапузами, удаляя их в «корзину для мусора», словно мысленно абортируя... И самое интересное, что поток их при этом не прекращался, а напротив — набирал новую силу и обрушивался на меня каждое божье утро, желая счастья и радости в виде голых, китчевых купидонов со стрелами, глядящих с высоты нарисованных кучевых облаков, залитых приторно-желтым солнцем.

Особое обострение наблюдалось по праздничным дням. И снова: дети — дети — дети, — разных возрастов и видов: с котятами, щенятами, цветочками, игрушками. И я снова нажимаю на удалить — корзина — аборт. И что я только не делала! Как только не просила, не умоляла — не слать мне детей в открытках и смс! Но Тоня Тюленева была неумолима и глуха к моим воплям и беспощадно продолжала «бомбардировку» любовью — в её понимании!

Одна в трехкомнатной квартире, в заботах о семье племянника, с внучатыми племянницами которого радостно возилась, проявляя себя в качестве настоящей родной бабушкой, — такая сублимация, видимо, спасала её от тоски.

Почти у каждого есть своя неисполненная мечта в этой жизни, и может быть даже не одна, а несколько. Некоторые люди не хотят или просто не умеют слушать и слышать других людей, считая, что их мнение и их ценности — единственно правильные, и что других ценностей иметь никому не положено! И душат насильно своей любовью, своим вниманием, навязывая свое «добро с кулаками», как кондовые няньки в детском саду, пихавшие в рот несчастным детям подгоревшую манную кашу с комочками, от которой их тошнило! Но они с чувством выполненного долга совершали это насилие, искренне веря, что это на пользу, для здоровья, как акт священной любви!

«Дзынь!» — очередные два пухлых розовощёких разнополых Амура со всего маха снова проявились в смартфоне, как когда-то переводные картинки на бумаге. Но я всё же почему-то не блокирую её, и не отправляю в чёрный список..

Наталья ФИЛАТОВА

В СЕРЕБРЯНИКАХ

Мне уже исполнилось четыре года, и я теперь знаю, что есть день рождения и этот день — праздник, но слово «рождение» пока понимаю смутно. Мы с мамой и моей старшей сестрой Юлей живём в Серебряническом переулке, дом 7 квартира 1. В самом начале переулкa стоит красивый дом — называется Храм, там должен жить Бог, но Храм почему-то закрыт. В нём теперь что-то хранят, и на входе висит большущий замок. На противоположной стороне переулкa — детская поликлиника, мне там делали прививку от оспы. Неприятно об этом вспоминать, хотя было не очень больно, не так, когда падаешь на коленки и сдираешь кожу. Просто страшно, потому что все дети плакали.

Чтобы попасть к нам, надо пройти в арку дома и свернуть направо, потом подняться на несколько ступеней. Из маленьких сеней налево вход в «наше жильё», так часто говорит мама. Это две смежных комнаты. Если из сеней пойти направо, попадаешь на кухню, где

часть стены занимает большая белая печь «голландка». Ещё там есть два дряхлых кухонных стола и газовая плита, на которую падает свет из окна. С потолка свисает на плетёной проволочке электрическая лампочка. Она мутная, её давно не протирали, а мама говорит, что в ней мало свечей, поэтому вечером на кухне темновато. Только мне непонятно, где у неё свечки? Потому что свечка у нас в доме другая, и стоит она на мраморном подсвечнике. За кухней в комнате с одним окном живёт семья из трёх человек — наши соседи. Там кровати прикручены к стене, два яруса. Мама говорит, что такие кровати только в тюрьме, а что такое тюрьма, я ещё не знаю, но там точно плохо. Девочка Таня моего возраста спит на нижнем ярусе. Её мама спит наверху. Напротив, на крюке висит небольшая корзинка, в которой живёт маленький брат этой девочки. Мне бы не понравилось спать в такой корзинке под потолком, и ему, наверное, тоже не нравится, поэтому он часто плачет.

В нашей маленькой комнате, у входа налево, стоит буфет с интересными стёклами. Когда на них попадает луч солнышка, на противоположной стене появляются зелёные и розовые зайчики. В буфете хранятся все наши съестные припасы. Дальше окно во двор, под окном батарея. Мама говорит «чуть живая», и от неё нет тепла. Рядом с батареей этажерка. Я спрашивала маму: «Почему э-та-жер-ка?» У неё три этажа, но заняты только два верхних. На одном лежат три книги. Одна мамина — «Записки Пиквикского клуба». Сестра учит меня выговаривать: «пик-вик-ского, сту-ды-беккер, элек-трич-ка.» Вторая книга Юлина, она читает Ка-ми-ла Флам-мари-она «В небесах». В ней на страничках есть ангелы с крыльями. Вот бы их увидеть! Третья книга моя, но я ещё не умею читать, мне читает Юля. Книга называется «Плясунчик», про деревянного мальчика. На верхнем этаже стоит будильник, который всех будит, чтобы не проспали на работу, и ещё квадратное зеркало, подарок моей маме от бабушки Лены.

Возле этажерки стоит шкаф, наискосок от угла. К стене его приставлять нельзя, так как стенка плачет. Зимой, когда мама привозит меня из детского сада, стенка блестит от льдинок, а когда мы растопим печку, она начинает плакать. Около шкафа мамина кровать с железными шариками на спинке. Когда светло, можно разглядеть своё лицо, ну очень смешное.

На стене висит мамина голубая кружевная шаль, уже с дырками, которая никак не закрывает почти такую же голубую плесень на стене. У противоположной от окна стены, рядом с маминной кроватью стоит печка с плитой, на ней всегда греется чайник. Мы печку зовём «обжорой», потому что дров на неё не напасёшься, а тепла даёт мало. Посреди комнаты стоит большой квадратный стол. Когда собираются гости, я люблю сидеть под столом на перекладине для ног и слушать, о чём говорят взрослые. Я там никому не мешаю, а они, забыв, что я тут, говорят чаще о многих мне непонятных вещах.

Когда дров мало, мы выходим с мамой во двор и стучим в железные ворота. За ними какой-то завод и там сторож дядя Миша, мама даёт ему покурить две папироски, а он нам даёт полный толстый мешок стружек. Я уже большая и понимаю, что пять больше, чем три. У сторожа дяди Миши на одной руке пять пальцев, а на другой только три, потому что, когда он был столяром, отпилил нечаянно два пальца. Мне страшно смотреть на то, что осталось от пальцев.

За печкой проход в другую комнату, где сразу налево стоит моя железная кровать, на спинке висит большая блестящая стеклянная груша, подарок от Деда Мороза. Если долго смотреть на неё, глаза сами закрываются, и я засыпаю. За кроватью стоит швейная машинка «Зингер» — подарок моей бабушке от деда, когда они обручились. Это слово мне тоже не очень понятно, ну вроде как-бы договорились. Швейная машинка ножная, со столиком, на нём занимается моя сестра Юля. Юля большая, она заканчивает ремесленное училище и будет химиком. В училище ей выдали шинель, как у военных, с красивыми блестящими пуговицами и нарисованными на них молоточками. Дальше окно, справа от него сундук, окованный железными полосками, в нём лежит наше добро, но я его пока ещё не видела. На сундуке матрац, а к сундуку приставляют табуретку, получается Юлина кровать. А ещё у нас на стене висит, в железном ободке, чёрная бумажная тарелка. Мама говорит, что это самый важный предмет в доме. Она его называет «говорильник», а сестра учит меня выговаривать: ре-про-дук-тор. Мы почти никогда его не выключаем — он нас будит рано утром.

Меня оставили дома одну: я болею, и мне нельзя гулять. У меня коклюш: бывает тяжело дышать, и кашель до слёз. Иногда идёт кровь

носом, и сестра подставляет мне маленькую кастрюльку с ручкой, а я её за это дразню-«Юлька-кастрюлька». Меня даже клали в больницу, в какую-то маленькую палату, где день и ночь горит под потолком белый шар лампы. Несколько раз водили на улицу «Солянка», правда, смешное название, в дом с большой лестницей, где я сидела одна в маленькой круглой железной комнате, а чтобы не плакала, давали в руки покрутить се-кун-до-мер. Я это слово запомнила сразу и, когда приходила, спрашивала его, а врач улыбалась.

Чтобы прошёл коклюш, мы вместе с мамой летали куда-то на самолёте с военного аэродрома, но только я этого не запомнила, потому что долго ждали во Внукове, и я заснула. Когда очнулась у мамы на руках, какой-то военный очень кричал на мою маму и другого военного. С моей головы упала шапка и тот, кто кричал, погладил меня по голове и сказал: «Молитесь, чтобы пронесло, и никто не доложит о случившемся.» Даже после этого случая кашель всё не проходил, и я продолжала кашлять до посинения.

Мама ушла в булочную, на набережную, за хлебом. Я хожу в валенках, замотанная платком крест-накрест, дома холодно. Кто-то из знакомых вырезал для меня двух человечков из школьного мела, я разговариваю с ними и вожу их по краешку стола. Вдруг из-за шкафа появился красивый человек в красном тулупе с деревянным сундуком на ремешке через плечо. Я совсем не испугалась. Он улыбнулся, и мне стало хорошо, когда он положил свою тёплую руку мне на голову и спросил: «Болеешь?» Я ответила: «Угу». Тогда он достал из сундучка что-то сладкое и положил мне в рот, потом подул чем-то тёплым мне в ухо. Я зажмурилась, а когда открыла глаза, он пропал. Мне стало обидно, почему он так быстро ушёл и ничего больше не сказал. В это время открылась дверь, мама вернулась. Она встретила по дороге папину сестру, которую я почему-то зову «Ксенья-пупок». Наверное, потому, что, когда она приходит, она всегда нажимает большим пальцем на мой пупок и говорит, что он совсем пустой. Она работает в метрострое на складе, и ещё каждые два месяца сдаёт свою кровь в больницу, и обязательно раз мне приносит что-нибудь вкусное: то булочку с орешками, то печенье с зубчиками, а то маленькую шоколадку в красной обёртке с шестью полосочками. Я всегда делюсь с тётей, с мамой и Юлей.

«Мама, мама, а сейчас ко мне приходил мужик в красном тулупе и с сундучком на ремешке», — кричу я. Мама спрашивает: «Агитатор, что ли?» Я твёрдо говорю: «Нет». Она спрашивает: «Может Дед Мороз?» Я говорю: «Да нет же, Деда Мороза я уже видела в детском саду. Он был толстый, с белыми волосами и с бородой. Из красного мешка всем детям раздавал подарки на Новый год, и от него пахло так же, как от нашего повара из детского сада. «Нет, мама — говорю я, — Дед Мороз старый, а этот молодой и красивый!»

Ксенья-пупок говорит маме: «Ну кто же к ней мог зайти. Ты же, Ольга, закрыла её на ключ.» «И то правда, отвечает мама, видно у девчонки опять температура».

Ксенья-пупок иногда плачет, когда вспоминает погибшего на войне мужа, а мама говорит: «Это был настоящий мужик!» А сегодня тётя принесла мне яйцо. Я конечно знаю, что есть курица, которая приносит яйца. Вот только не понимаю, где она их берёт? Мне сестра читала книжку про курицу Рябу, но живём я курицу не видела. В саду нам давали омлет из американского белка, это было очень вкусно, но всего два раза.

Ксенья достала из треснутой чашки без ручки завёрнутое в носовой платок яйцо. Оно было очень красивое, белое и, кажется, светилось изнутри. Мама сказала: «Надо сварить всмятку». Ушла на кухню и быстро вернулась. Яйцо вставили в маленькую рюмку. Я потрогала — оно было горячее. Потом мама начала бить его маленькой ложкой, я испугалась, а вдруг оно разлетится на мелкие кусочки. Осторожно мама сверху снимала скорлупку, обнажая под ней белую мякоть. Пахло очень вкусно. Потом она чуть посолила верхушку и, поддев ложечкой, положила кусочек мне в рот. Я зажмурилась. Я всегда зажмуриваюсь, когда мне хорошо. Глотать не хотелось, хотелось подержать за щекой и на языке эту мягкую вкуснятину. Мама ещё посолила и стала осторожно перемешивать белое с жёлтым и класть мне в рот, при этом сама смешно вытягивала губы, как бы помогая мне есть. Я глотала и зажмуривалась. Потом мама стала класть в яйцо малюсенькие кусочки чёрного хлеба и перемешивать. Так ещё вкуснее, но почему-то оно быстро кончилось. Мама ещё немного поскребла внутри ложкой, зацепила белую плёнку, которую я тоже съела. Ксенья-пупок улыбалась и гладила меня по голове. «А

скорлупку мы оставим на блюдец» — сказала мама — «Мы из неё сделаем игрушку на ёлку.»

То ли моё знакомство с яйцом повлияло, то ли появление мужика в красном тулупе, но с того дня коклюш от меня отстал...

Прошло пять лет, и я попала в храм Покрова Пресвятой Богородицы на Лыщиковой горе. Крестили мою племянницу Надю. Я увидела икону, с которой на меня глядели те же добрые глаза. Мне стало радостно, что я его опять увидела, а потом горько заплакала, потому что он смотрел и не приближался. Стоявшая рядом старушка спросила: «Почему ты плачешь? Ведь это праздник-крестины, и теперь у твоей Наденьки будет защитник!» А я плакала потому, что вспомнила тёплую руку на своей голове. Мне объяснили, что это святой мученик и целитель Пантелеймон. На нём была зелёная с золотом одежда, а сверху красная накидка или плащ. Пять лет назад я даже не знала, как эту одежду назвать. Для меня тулуп — это что-то надёжное и тёплое, связанное напрямую с мамой. Потом меня часто спрашивали: «Почему в тулупе?». После войны с одеждой было плохо, а маме повезло — за сданные в ломбард серьги, получив немного денег, купила с рук романовскую шубу-тулуп и в ней ходила до апреля месяца. Зимой, когда в нашем доме было холодно, мы с сестрой залезали в мамину постель, укрывались поверх красного ватного одеяла ещё и маминым тулупом и спали очень уютно и долго с субботы на воскресенье.

Дарья ПАНКРАТОВА

«ЗЕРКАЛО МИРА»

Полина нерешительно перешагнула порог камерного бутика. Её смущала эклектичная обстановка: восточные драпировки, колонны, словно вырезанные из льда, леденцово-яркие пуфы и стойка консультанта, будто перенесённая из арт-галереи.

Но наряды на надменных манекенах словно шептали тридцатилетней Полине об изменениях. Они манили возможностью вырваться из привычной колеи. У девушки в кошельке лежали последние сбережения — ровно столько, чтобы купить ультрамодное платье. Для неё это был знак: пора всё поменять!

Полине отчаянно хотелось верить: новый облик избавит её от унылой и душной рутины. Если не поможет смена имиджа, значит, уже ничто не поможет...

За стойкой стояла продавщица — видная брюнетка с причёской-колосом и цепким взглядом. На белоснежной блузке «резвился» кот: блестящая брошь, скалывающая вырез, шурилась, подмечая мелочи — от дрожащих пальцев посетительницы до едва заметной складки на юбке.

— Добрый день! — сверкнула улыбкой брюнетка. — Ищете платье на юбилей? Или, может, нужно что-нибудь удобное для прогулок с детьми?

Голос брюнетки звучал мягко и заботливо. Но от её слов у Полины всё сжалось внутри, будто кто-то дёрнул за невидимую струну.

«Детские прогулки? Юбилей?» — пронеслось в голове. Бледные щёки девушки заалели. Неужели она настолько плохо выглядит?!

Заметив, как исказилось лицо Полины, продавщица покачала головой.

— Не хотела вас задеть, — проговорила она тихо. — Может, хотите чашечку кофе? Или лучше заварить чай? Заодно взбодритесь: для удачных покупок нужно особенное настроение!

Полина хотела гордо отказаться, но вместо этого молча кивнула. Захотелось на минуту перевести дух: согреть ладони о горячую кружку и стряхнуть с себя липкое ощущение неловкости.

В ожидании напитка Полина подошла к кабинке примерочной, заглянула внутрь. Примерочная как примерочная: с ярким освещением и пушистым ковриком на полу. Выделялось лишь зеркало в полный рост: тяжёлая потемневшая рама, стекло с едва заметной рябью. Полина шагнула к зеркалу, доверчиво заглянула в него... и тут же отшатнулась.

Перед ней стояла вовсе не девушка, которая заглянула в бутик, надеясь на перемены. Из зеркала на Полину таращилась усталая блондинка лет пятидесяти. В голубых глазах застыла тяжесть, в черты лица словно въелась привычка подстраиваться. Отражение судорожно сглотнуло. Полина схватилась за голову: «Это не я... это не может быть мной!»

Она выскочила из примерочной, едва не сбив с ног безобидный манекен. Продавщица ждала снаружи с фарфоровой чашкой в руках — по бутику разливался тонкий аромат бергамота. Полина, даже не посмотрев на неё, метнулась к выходу и выбежала на улицу. Добежав до троллейбусной остановки, начала жадно глотать прохладный воздух, словно он мог стереть из памяти недавнее отражение.

Дома Полина рухнула на диван и тут же схватилась за телефон, чтобы излить душу подруге. Света ответила почти сразу. Полина принялась тараторить:

— Заглянула в примерочную, а там в зеркале... бред какой-то! Может, дурацкий пранк? Не могу же я в самом деле выглядеть, как моя мама или тётя! Или... могу?!

Света помолчала. Потом осторожно уточнила:

— Уверена, что тебе не показалось? Может, магнитные бури разыгрались...

— Какие бури?! — энергично возмутилась Полина.

— Ладно, ладно... Ты раньше в этом бутике не отоваривалась? Может, на примерку записалась предварительно? Вдруг кто-то из знакомых подстроил... Или владельцы магазина покупателей так разводят. Ну, чтобы они, не отходя от кассы, скупали у них антивозрастную косметику! — засмеялась Света.

— Да я впервые на этот бутик наткнулась...

— Значит, вряд ли чей-то розыгрыш.

От голоса подруги по спине побежали мурашки. Полина стиснула телефонную трубку в ладони, чувствуя, как реальность стала тоньше стекла. Оказывается, она так легко может треснуть...

Хорошо, что уже намечены планы на вечер. Платье купить не удалось, зато можно отвлечься, переключиться с неприятных мыслей на предстоящее свидание с Игорем. Вместе они были несколько лет. Но Игорь всё не решался на серьёзный шаг...

Встретившись у метро, Игорь и Полина направились в кафе через дорогу. Внутри обнаружили аляповатые репродукции живописцев и колченогие столы под красно-белой клеёнкой. Игорь торопливо сделал заказ, не спросив о пожеланиях спутницы: выбрал винегрет, блинчики без начинки и чай в чайнике на двоих. Романтикой не пахло, поэтому сумбур в голове Полины не утихал.

Она надеялась, что золотистые блинчики восстановят душевное равновесие. Но аппетита не было. Девушка рассеянno крутила в пальцах вилку. Слушала жалобы на начальника с его бесконечными придирками. Советов парень не воспринимал: смотрел обиженными глазами, будто ждал, что Полина бросится исправлять всё вместо него. Вдруг её как ледяной водой окатило: кивая, подливая чай и подбирая слова утешения, со стороны она выглядела мамочкой, спасающей сына от бед. У Полины вырвалось:

— А ты не пробовал посмотреть другие вакансии? Рабочие руки сейчас много где нужны!

— Везде одинаково, — отмахнулся Игорь, — и даже хуже. Одолжишь пятьсот рублей до зарплаты? А то я размахнулся с яблочным пирогом...

Полина вздохнула и полезла в кошелек за заветной записочкой.

... Утро понедельника выдалось нервным. На собрании в переговорке шеф агрессивно требовал свежих идей, но не давал собраться с мыслями. Очередь дошла до Полины, и она запустила презентацию с ноутбука. Ей нравилась собственная идея пиара выставки для нового заказчика: экологично, стильно, вписывается в бюджет! Но кто-то лениво шуршал бумагами, кто-то слушал вполуха... Полина поняла: её голос звучит тише, чем надо, и рассказывает она почти виновато, извиняясь за задумку. Даже сидит робко — на краешке стула!

Коллеги вежливо кивали, а во взглядах читалось: «Опять осторожничает». Похоже, рынку нужны проекты, ломающие шаблоны изнутри, а не аккуратные компромиссы? Но ведь шеф даже не предлагает развить какие-то из её идей — зарубает на корню! Откуда взяться смелости?

Полина стиснула руками край стола. Внутри росло горькое понимание: она сама прячет свою суть. Стыдится...

Едва дождавшись окончания рабочего дня, Полина поспешила в заветный бутик. Продавщица с неизменным чёрным котом-брошью улыбнулась девушке, как старой знакомой.

— Послушайте! — сбивчиво начала Полина. — Не знаю, как вы это делаете... Если я правда такая, как в вашем зеркале, — измученная и забитая, — то помогите преобразиться! Не хочу больше прятаться.

Брюнетка улыбнулась, продемонстрировав белоснежные зубы:

— Новый наряд, конечно, подберу: глазом не успеете моргнуть! Но вы же не Золушка — хрустальные туфельки сами по себе не изменят жизнь. Главные перемены внутри. А зеркало... показывает то, что вы в глубине души и так знаете.

Спустя час Полина с замиранием сердца подошла к примерочной. Шагнула внутрь, не зная, чего ожидать. Но зеркало опять удивило: Полина смотрела на себя и не узнавала. В струящемся шёлке цвета

морской волны она была одновременно нежной, уверенной и озорной. Платье заставляло держать осанку и плавно двигаться, в нём хотелось улыбаться прохожим и танцевать до утра!

Горячо поблагодарив продавщицу (особенно за скидку), Полина направилась в салон красоты. Оттуда вышла с новой стрижкой — объёмная форма и игривые завитки, обрамляющие лицо...

Теперь она не изображала уверенность, а излучала её.

Возвращаться домой девушка не торопилась. Набрала Игоря. Тот ответил почти сразу, но в трубке слышался гомон торгового зала. Кто-то громко спрашивал про шурупы, кто-то кричал в истерике: «Валя, у нас отмена!»

— Мне надо с тобой поговорить, — сообщила Полина.

Игорь замялся, смущённый деловым тоном:

— Прямо сейчас? Я на смене...

— Просто выйди на минуту. Скажу всё, что собиралась, и уйду!

Игорь встретил её возле служебного входа. Он был в фирменном комбинезоне с бейджем. При виде преображённой девушки парень округлил глаза, но Полина уже не обращала на это внимания:

— Нам надо расстаться, — сообщила она.

Игорь застыл:

— Серьёзно? Что, нашла кого-то?

— Почему ты так решил? Мы не подходим друг другу, вот и всё. Не хочу выслушивать вечные жалобы и ходить за тобой с носовым платком.

— Ну знаешь, — разозлился Игорь. — А я, дурак, ещё хотел позвать тебя в отпуск. В Анапу вместе сгонять...

Он говорил что-то ещё, но Полина не слушала: не хотела терять даже секунды новой жизни на злость и оправдания бывшего парня.

В офисе ей предстоял ещё один неприятный, но необходимый разговор. Полина зашла в кабинет, точно переступила невидимую черту. Шеф шумно прихлёбывал кофе, гипнотизировал монитор и не сразу заметил сотрудницу. Подняв глаза, удивился:

— Полина, у тебя день рождения?

— День увольнения, — улыбнулась она и положила заявление на стол, заставленный кружками с недопитым чаем.

— Это что, шутка?!

— Нет, — спокойно ответила девушка. — Столько лет работала, выкладывалась... А от вас не дождёшься ни похвалы, ни обратной связи! Я устала стучаться в закрытую дверь.

Он хотел возразить, но Полина перебила:

— Запущу стартап. Уже собрала портфолио с презентациями. Идей полно: например, вместо афиш можно поставить в людных местах арт-объекты с адресом. Получится современно и наглядно, на такое мероприятие точно дойдут! Ещё вариант: интерактивные анонсы. За несколько дней до запуска выставки артист рисует или лепит в витрине экспонат, а прохожие станут наблюдать.

В глазах шефа мелькнул азарт. Он откинулся на спинку кресла.

— Слушай, зачем тебе уходить? Выпишу сегодня премию. И сделаем тебя руководителем нового направления: будешь сама разрабатывать проекты и управлять командой!

Чтобы отпраздновать неожиданное, но долгожданное повышение, Полина отправилась в кофейню. Город словно подстраивался под ритм её походки: шумели поливальные машины, танцевали фонтаны, а в скверах дети шалили с мыльными пузырями. В кофейне Полина выбрала латте и самое сочное на вид пирожное. В ожидании заказа она устроилась за столиком у панорамного окна.

Громко скрипнул стул: рядом с излучающей энергию девушкой сел темноволосый мужчина в недорогом костюме. Смущённо извинился за вторжение:

— Не возражаете? Все столики заняты...

— Без проблем, — приветливо кивнула Полина.

— Часто здесь бываете? — не унимался незнакомец. У него оказалась на редкость приятная улыбка.

Полина засмеялась:

— Надеюсь стать постоянным гостем! Тут атмосферно. И от офиса недалеко...

— Какое совпадение: тоже работаю в бизнес-центре неподалёку! Запустил своё дело, очень перспективное: сеть ремесленных пекарен. Понимаете, люди устали от магазинных батончиков... Но расчёты верные, а прибыли всё нет. Вот, решил взбодриться чашкой кофе и заодно

придумать, как впечатлить инвесторов! На кону — будущее хлеба... Кстати, я не представился: Денис.

— Полина...

Она вдруг увидела нового знакомого другими глазами: под измятым дешёвым костюмом скрывались сила и желание создавать что-то ценное. Но внутренняя харизма Дениса в глазах окружающих пока не успела стать уверенностью.

— Кажется, я знаю, что может вам помочь, — таинственно сообщила Полина. — Хотите, вместе выберем новый костюм для успеха переговоров с инвесторами? В городе есть продвинутый бутик, называется «Зеркало мира»...

Марк ЧИХВАРИЯ

ДЕВОЧКА И ЛЕС

Увидев на экране телефона имя и фото Алисы (он до сих пор их не удалил), Макс несколько секунд удивленно смотрел на дисплей: это что такое? как такое может быть?

Его пробрала дрожь. Похоже, он услышит сейчас такое... Он собрался и поднес телефон к уху. Ни дыхания, ни посторонних звуков. Только жуткая тишина. Но вот, наконец, знакомый тонкий голос Алисы.

— Максик, через неделю ты умрешь, если...

Сказав это, Алиса умолкла, и раздались гудки отбоя.

Несколько мгновений Макс сидел на кровати, пытаясь выровнять дыхание. «Через недели ты умрешь». Это что за шуточки! А может, это никакие не шуточки?

Макс провел ладонью по лбу. Черт, холодный пот. Сердце билось где-то в горле, мешая глотать. А что, если ему в самом деле скоро конец? Это возмездие или всего лишь сон? Ему приснилось, что звонит

Алиса. Еще не проснувшись, он поднялся, как сомнамбула, включил мобильник и ему приснилось, что Алиса сказала ему это. А теперь он, дурень, сидит и переживает то, что было всего лишь сном.

Или все было как-то иначе? О, мама дорогая!

Макс подошел к окну. Город пробуждался. Серый утренний свет медленно распространялся между домами, ложился на окна и крыши, отражался в стеклах проезжающих автомобилей. Уже начинали открываться магазины, на остановках собирались первые пассажиры, появлялись машины, спешащие в сторону центра.

Макс был сейчас в съемной комнате. Рядом жил Анатолий Юрьевич — ветеран афганской войны, хозяин квартиры. Он выпивал, и тогда ему хотелось пошуметь, но он никогда не трогал Мишу. 19-летний парень, годится во внуки, о чем с ним говорить, о чем спорить? К тому же странный. Решил жить отдельно, хотя зарплаты ему явно не хватает. Даже зубную пасту не покупает, чистит зубы пальцем. Девушку свою сюда приводит редко. Смотрит мрачно. Ну и ну.

Макс пошел под холодный душ. В ванной у него был почти ритуал. Глядя на себя в зеркало, он говорил себе, что он силен и способен построить свой мир. Он считал свою жизнь целым миром. В нем наклеивалась личность. Но до этой цели надо было еще дожить.

Съев яичницу, он пошел на встречу с Денисом. Друг жил неподалеку, тоже на краю леса. А вот и длинный деревянный мост, скрытый густыми зарослями. Здесь они проводили свои важные встречи. А какими еще могут быть встречи в их возрасте, только важными. Денис уже ждал.

— Прямо, как явочная встреча в кино двух шпионов, — сказал Денис.

— Вся наша жизнь сплошное кино, — хмуро ответил Макс.

— Что у нас в повестке дня? — спросил Денис, закуривая сигарету.

Пункт первый. Через неделю я умру, — сказал Макс. — Пункт второй — вопрос: если умру, то навсегда или не совсем?

Денис посмотрел с удивлением.

— Ну и шуточки.

Макс молчал.

— Что произошло? — спросил Денис, напряженно глядя в глаза.

Макс отвел взгляд. Он не был уверен, стоит ли ему рассказывать о случившемся. Хотя перед Денисом он мог снять привычную броню. Друг поймет его и поддержит в любой ситуации.

— Знаешь, мне в самом деле кажется, что я скоро умру. Алиса пришла ко мне во сне и сказала, что мне осталась неделя, — сказал Макс.

... А было так. Алиса попросила Макса сходить с ней в лес — посмотреть на недавно родившихся лисят. Она знала об этом от других детей. Макс не мог отказать сестренке.

Макс любил рассматривать Алису. Как у всех маленьких детей, у нее было кукольное личико. Голубые глаза, пухлые губы, светло-русые волосы и маленький носик почти пуговкой. Она часто рисовала, лепила из пластилина о чем-то мечтала, считая себя принцессой. Своим королевством она как-то странно считала соседний лес.

Макс даже примерно не знал, где находится лисья нора. И вообще считал их поход в лес ненужной затеей. Даже если они найдут нору, что едва ли, не станет же он даже пытаться достать лисят. Это невозможно и просто не хорошо. Это он и хотел объяснить сестре, но уже в лесу.

Они пошли во второй половине дня. В лесу было гораздо темнее. Деревьями казались живыми великанами без ног, но с десятками рук-ветвей. За каждым кустом чудилось что-то живое и опасное. Макс почувствовал легкую тревогу. Если бы он был один — тогда другое дело. Но рядом с ним такая крохотка. Сказались слухи, что кто-то видел в лесу волка, а кто-то даже медведя.

— Так, — сказал Макс и остановился.

— Что так? — спросила Алиса

— Понимаешь, дальше нам будет трудно ориентироваться. Лес густой, солнца не видно. А ориентируются обычно по солнцу. Мы можем заблудиться, Алисочка, — как можно мягче объяснял Макс.

— Нет, братик, пошли дальше, — упрямо сказала Алиса. — Я уверена, что лисята уже где-то здесь. Мне кажется, я уже слышала их писк.

Макс усмехнулся:

— Ладно, давай пройдем еще немного. Но если заблудимся, то ты скажешь маме, что это была твоя идея — идти дальше в лес.

Алиса рассмеялась, и они пошли.

Через несколько минут в лесу совсем потемнело от нависших туч. По листьям деревьев забарабанили капли.

— Надо возвращаться, Алиса, — сказал Макс.

Алиса жалобно посмотрела на брата.

— Ну, пожалуйста, Максик, пройдем еще немного.

И они пошли, хотя дождь становился все сильнее. Макс надел на сестру водозащитную курточку с капюшоном, сам он был в плотной ветровке.

Он ни за что не послушал бы сестру, но его самого почему-то тянуло дальше в лес. Ему будто слышался шепот, называвший его по имени. Этот шепот должен был испугать его, но страха не было. Была только необъяснимое тяга идти вперед.

— Спасибо, братик, что послушал меня, — сказала Алиса. — Вперед! Они там, лисята!

Но Макс вдруг почувствовал, что ноги свело судорогой, он обмяк и осел на землю. Пытался что-то сказать Алисе и не мог, и подняться не было сил.

А маленькая Алиса, ничего не замечая, шла дальше в сумрак леса. Её фигурка растворялась среди деревьев-великанов. Но Макс уже не мог видеть этого. С ним произошло что-то непонятное. Он потерял сознание...

Очнулся в машине «Скорой помощи» после укола. Спросил врача, а где Алиса? Алисы не было. Сестренка пропала. Ее искали потом две недели, осмотрели каждый сантиметр леса. Она исчезла бесследно.

... Денис положил руку ему на плечо.

— Я очень тебя понимаю, брат. И все тебя понимают. И в то же время никто ничего не понимает. Это точно какая-то мистика. Так все считают. А человек бессилен перед мистикой.

— Как у тебя все просто! Мистика! Все можно свалить на мистику! — взорвался Макс.

Денис отыграл назад:

— Ладно, не кипи, давай об этом как-нибудь в другой раз, а сейчас... Матушка что-то испекла. Она будет рада тебя увидеть.

Макс поехал. Какой же наивный Денис, даже свою мать не понимает. На самом деле она терпеть его, Макса, не может. Особенно,

когда они куда-то уходят или где-то встречаются. Боятся за своего любимого сыночка. Но когда Макс к ним приходит, она точно бывает этому рада. В таких случаях она звонит матери Макса, Марии, и радостно об этом сообщает. И Мария этому обычно очень рада. Прямо праздник у них, когда их сынки под наблюдением и контролем.

Когда шли, Денис искоса посматривал на друга. У Макса никак не проходит чувство вины. Хотя... в чем он виноват? В том, что вдруг ни с того ни с сего потерял сознание? Следователи ему, конечно, не поверили, и вели допросы несколько месяцев. Назначили медицинскую экспертизу. Но врачи не нашли ничего страшного. И следователи им поверили. И снова допрашивали Макса, пока у него не случился нервный припадок и пришлось вызывать «скорую». Только после этого допросы прекратились и расследование приостановлено.

Мать Дениса Агата тут же усадила их за стол и подала румяный домашний кекс. Красивая еда не может быть невкусной. Макс благодарно улыбался. Что значит молодой организм. После яичницы он уже успел проголодаться.

— Отнесешь половину маме, — сказала Агата.

Она сказала это от души, а Макс показалось, что она хочет, чтобы он быстрее ушел.

— Пойдем, брат, посидим у меня, — предложил он Денису.

— Нет-нет, зачем же? Сидите здесь, я уйду в другую комнату, — сказала Агата.

Они переместились в комнату Дениса. Денис включил музыку Metallica — Enter Sandman. Хотя друзьям больше нравилось разговаривать в тишине. Каждый погружался в свои мысли, и в этом, как ни странно, было ощущение единства.

Макс начал крутить самокрутки, Денис достал бутылку отцовского виски. Они выпили по большому глотку, после чего Денис долил в бутылку чай.

За окном стоял тот самый проклятый лес. Сжечь бы его дотла, подумал Макс. Нет, сегодня он совсем не готов общаться. Он погасил сигарету и поднялся из кресла.

— Не хотел идти к матушке, но придется.

Денис сделал неопределенный жест. Мол, делай, как знаешь, но не очень здорово — поест и тут же уйти. Хотя... у тебя большая неприятность. Тебе скидка.

— Что с тобой происходит, брат? Почему ты не скажешь? — снова не выдержал Денис.

— Сам не знаю и не понимаю, - сказал Макс.

В прихожей Агата вручила ему пластмассовый контейнер с кексом.

Макс шел по улице, стараясь не смотреть в сторону леса. В голове стучало: «Через три недели ты умрешь». Стоп! Алиса закончила словом «если», а это меняет смысл фразы. Она как бы поставила условие. Как можно не обращать внимания на такие мелочи? А ведь это совсем не мелочь. Но что означает это «если»?

Он шел мимо детской площадки, где в детстве играл сам и где играла Алиса. На несколько секунд остановился возле подъезда, в который входила сестра. А вот и лифт. А вот и их этаж. Все на своем месте, но без Алисы.

Он открыл квартиру своим ключом. Из кухни тут же вышла мама. Макс гордился, что в молодости мама была красавицей. Но что делает с людьми жизнь. Мама много плакала. В этом причина, что сейчас, в свои сорок с небольшим, она мало похожа на себя в молодости.

— Спасибо, — сказала мама, принимая кекс. — Я позвоню Агате позже. Надеюсь, ты не стал есть у них от пуза.

Мама пыталась шутить. Отчасти это у нее получалось.

Макс пошел в ванную, мимо открытой комнаты Алисы. На письменном столе тетрадки за первый класс. На кровати плюшевая лисичка с пушистым хвостом. На стене часы с остановившимися стрелками. Стрелки показывали то время, когда пропала Алиса. На стене ее картина. Окрестный лес, ее королевство. Рядом большая фотография. Их семья с еще живым отцом.

Отец погиб, когда Алисе было три года. Тоже, между прочим, странно и таинственно. Стоял на перроне, ожидая электричку, и вдруг упал на рельсы прямо под колеса. В прихожей всё еще висела его чёрная кожанка.

Гости теперь появлялись здесь крайне редко, а если кто-то и приходил, то не задерживался.

Сев в кухне на свое место, Макс подумал: сказать или не говорить маме? Ничего не решив, стал есть свои любимые холодные котлеты.

— Звонила Соня, сказала, что придет, если позвонишь ей, — сказала мама.

Макс молчал и даже не шелохнулся.

— Вот такая участь хороших девочек, — сказала мама.

— Сейчас поем как следует и стану добрее, — пошутил Макс, понимая, что совсем нехорошо вести себя так.

Мама положила ему еще котлету. Но Макс не стал есть.

— Мама, как мог отец вдруг упасть на рельсы? Ну, ты же знаешь, я же чувствую, что знаешь, — сказал Макс.

— Такое случается, когда у человека очень сильно закружится голова, — не сразу сказала мама, и было видно, что это не все, что она могла бы еще сказать.

Их разговор прервал дверной звонок.

— Это Соня. Сам откроешь?

Макс тяжело поднялся.

Соня подарила будущей, как она надеялась, свекрови фарфоровую статуэтку белой птицы. Мария пошла искать место для подарка. Соня села напротив Макса. Макс отрезал ей кекса. Но Соня не притронулась. Смотрела на Макса. Известный женский взгляд: и когда только ты станешь другим? А ведь Соне всего восемнадцать.

Они перешли в комнату Макса и легли. Макс закрыл глаза и уткнулся в грудь Сони. Соня гладила его по голове. И он уснул, или погрузился в состояние, похожее на сон.

Два ярких глаза смотрели на него из темноты. Девушка рыжего цвета, только с пушистым хвостом, звала его за собой, предлагая показать ему, где находится Алиса. И он пошел через лесные заросли. Но тут же упал от сильного головокружения и потерял сознание. А когда очнулся, рыжей незнакомки уже не было.

Он разозлился и начал выбираться из леса, но только забирался в дебри. Тогда он упал на колени и начал реветь и кричать на весь лес. В этот момент со спины к нему подошла Лиса. Она жалобно смотрела и скулила.

— Мне пора. За меня волнуются, — сказала ей Макс.

Лиса показала ему лапой, в какую сторону идти.

— А как же Алиса? — спросил Макс.

Но Лиса уже исчезла, и он проснулся рядом с Соней.

— Мне надо домой, — сказал он ей.

Он не позвал ее с собой. Соня психанула. Макс сострил, что, если ей что-то не нравится, они могут разбежаться в любое удобное для нее время.

Анатолий Юрьевич выпивал в крохотной кухне, рассматривая фотографии в армейском альбоме. Он усадил Макса напротив и велел выпить. Макс отказался, но хозяин квартиры настаивал. Макс согласился выпить два глотка. После этого ветеран сказал:

— А ведь ты больной. Так ведь? Больной, меня не проведешь. Но меня не бойся. Я тебе зла не причиню. Наоборот, всегда поддержу. Могу квартплату сбавить. Хочешь?

— Спасибо, не надо, — сказал Макс.

— Ну и правильно, я бы тоже отказался. Нельзя одалживаться, даже если это выгодно. И вообще, жить надо аккуратно. А что значит аккуратно, ты знаешь? Это значит беречь себя от всякой гадости. Быть к гадости брезгливым. Но ты правильно сделал, что не побрезговал выпить со стариком. Я могу тебе очень сильно пригодиться. Давай выкладывай, почему ты такой.

Макс напрягся:

— Какой такой?

— А такой. Зачем живешь тут у меня один, а к тебе ходит один Денис? Почему к тебе так близкие относятся? Что им не нравится в тебе?

— Я просто больной, — дослушав до конца сказал Макс.

— Иди к врачам.

— Боюсь, что они скажут такое, с чем я вообще не смогу жить.

— Например?

— Ну, могут сказать, что у меня эпилепсия. Это наследственная штука. И неизлечимая. Ну и кому я нужен?

— Сомневаюсь, хотя все может быть, — сказал ветеран. — Но точно уверен — у тебя редкая психика. Фильм «Солярис» видел? Там показана совесть Вселенной в виде планеты-океана. Так вот, в тебе что-то вроде этого океана. Не такого размера, конечно, но функция та же. Это больша-ая редкость. У кого это происходит, они никому не

говорят об этом. Ты ведь тоже боишься об этом сказать, даже другу, даже своей девушке, даже матери.

Макс слушал с облегчением. Неужели старик прав и все не так страшно? Нет, это было бы слишком просто. Но как было бы здорово, если бы старик, хотя бы отчасти был прав.

Осталось понять, что означает «если». Но теперь я точно это пойму, подумал Макс.

Мария ПОЛЯНСКАЯ

НЕВЕСТА ГОРНОГО ЦАРЯ

Сейчас я дряхлая, высохшая от старости и мудрости старуха, сижу, грею усталые кости на солнце, но когда-то и я была молода — да что там, молода, я была девочкой, маленькой девочкой, а моя прабабка так же сидела на ярком весеннем солнце и смотрела на вершины. Так вот, говорят, она в девушках сама видела этого угрюмого, страшного старика. Его сторонилась вся деревня, потому что он любил невесту Горного царя. Ты ведь и не знаешь, кто такой Горный царь, потому что вы, молодые, считаете, что только старые да малые верят в сказки, но Горный царь — это не сказка, это тот, кто дает людям силу в горах, тот, кто спасает их чудом из-под обвалов, кто останавливает внезапно снег и ветер, кто вытаскивает солнце из-за туч и высвобождает воду из льда. Вы говорите, что все это природа, но разве у природы есть разум, направленный на благо живой твари, будь то человек или собака? Те, кто испокон веку ходят в горы, верят в Горного Царя и молятся ему, и даже очень сильные и уверенные в себе люди знают, что в горах ждать помощи неоткуда и можно надеяться разве что на себя и на него. И только вы, молодые, думаете, что ваши умные машины и неутомимые железки могут спасти вас от несчастья,

неудачи или простой непогоды. Что ж, эта сказка не для вас. Никто не видел Горного Царя живьем, но все верили в него, потому что в нашей деревне жила одна из его невест. Так и звали ее — невеста Горного Царя, и так звали других девушек в наших горах, которые умели летать. Да, я еще не совсем выжила из ума, знаю, что говорю. Все невесты Горного Царя умели летать, потому что получали свой дар от него в день обручения. Они бы и сами не знали об этом, не начни у них потихоньку расти крылья по обе стороны пониже лопаток. Это и был знак обручения — такая девушка всегда знала, что ее судьба — особенная, что она больше не принадлежит самой себе. Иная становилась ведущей, иная спасала путников на перевалах, иная уводила купцов от лавин, иная останавливала тучи, иная умирляла горные реки, так и жили они среди нас — одинокими вечными невестами. Почему, спросишь, вечными невестами, разве Горный Царь не женился на них в положенное после обручения время? Увы, этого не случилось никогда, не доводилось им ни становиться женами Царя, ни встречаться с ним лицом к лицу, ни иметь детей, не было у них даже могилы своей по христианскому обычаю — когда приходило их время, они улетали умирать высоко в горы, и больше их никто не видел. Каждая такая смерть была горем целой деревни — умирала невеста, покровительница, спасительница благодетельница, и вся деревня молилась о том, что Горный Царь выбрал себе новую невесту из деревенских девушек. Молилась-то вся деревня, да только каждая мать наособицу тайно молилась о том, чтобы только не ее дочь выбрал себе Горный Царь — жить девицей-вековухой, всю себя отдавать людям, знать наперед свою смерть — разве такой судьбы кому пожелаешь? И мать моей прабабки, в ту пору тоже молилась, потому что только что отлетела на горные вершины душа последней невесты, и весь деревенский мир с трепетом ожидал, выберет ли Горный Царь себе в невесты девушку из их числа. В то время в деревне гостил один охотник не из местных. Приехал он из города, где с малолетства служил в королевской гвардии, а теперь искал доходной работы, потому и решил наняться егерем. белку и прочего мелкого пушного зверя бил точно в глаз, один на один ходил на медведя в горном лесу, слыл неподкупным, но справедливым. Любить его не особо не любили, но уважали и побаивались, да и кто ж ее любит, власть эту? Но в тот день решила его судьба, и

никакой власти для того не понадобилось. Но разве ж это жизнь для служилого человека — одному в лесу, так ведь скоро и одичать можно, вот и решил он жениться, а для верности взял себе деревенскую сваху в помощницы. Много девушек с радостью бы за него пошли — видный, все мужские стати напоказ видны, всегда при деньгах, дом ему достался справный, словом, чем не жених. Да только дело не заладилось — кого-бы ему сваха ни предлагала, все не то — одна слишком красивая, ей ли в лесу сидеть мужа со службы дожидаться, другая — слишком богатая, ей ли будет женой простого егеря быть, третья — слишком молодая, ей ли детей воспитывать, четвертая — слишком старая, ей ли носить да рожать, что тут скажешь? Перекинулась сваха на соседние деревни, в город пошла — все ему не то да не так, да еще девушки наши прослышали про то, какой жених переборчивый, и сами ни в какую не согласны стали. Так и остался он один как перст, и вековать бы ему в наших краях бобылем, да тут случилось кое-что. Жила в нашей деревне одна девушка, не богатая, не бедная, не красавица, не уродина, не молодая, не перестарок, только был у нее один недостаток — была она уж очень ученая. По нашим понятиям не полагалось девушке в книгах копаться, простой росписи уже достаточно было, но она упрямая была, деревенскую грамоту быстро одолела и уговорила родителей в городскую школу ее отпустить. Каждое утро вставала она до солнца и спускалась в город, чтобы успеть к урокам, а потом каждый день возвращалась домой по крутой горной дороге. Так и выучилась, и стала учительницей, и вернулась домой в строгом форменном платье и с очками на носу — видать, зрение ей книги испортили. Из всех окрестных сел у нас одних школа была, еще старым князем построенная, и она ходила из села в село с книжками за спиной, а это девушку не красит, вот и не брал ее никто замуж. Однако же егеря это не смутило, и он заслал к ней сватов. Родители приняли гостей по обычаю, но сказали, что никогда дочери ни в чем не перечили, вот и сейчас — пусть она сама решает. Тогда-то они и встретились впервые — егерь и учительница, и это была любовь с первого взгляда, такая, какая бывает только раз в жизни, да и то не у всех, а только у тех, кто в нее не верит, но тайно надеется на то, что она все-таки существует. Такая любовь, которая не умирает просто так, от скуки или пресыщения если ее, конечно, не убить — ради

того, чтобы самому остаться жить... Любовь любовью, а жизнь — жизнью, и тут они не сошлись — егерь жил высоко в горах, каждый день обходил королевские угодья, а учительница должна была оставаться в деревне, чтобы детишки учились грамоте и счету. Егерь и думать не думал, что учительница ради него работу не бросит, ему казалось, что любая девушка своего счастья семейного на книжки не променяет, ан нет, вышла у него промашка. Так и сказала она ему, что любит его безмерно, больше жизни, но и детей своих оставить не может, потому что кроме нее, никто из села в село ходить не будет, и останутся деревенские дети неучеными — ни читать, ни считать, ни писать их учить больше некому. Но егерь этого понять не мог, потому и сказал ей, чтобы она собиралась после свадьбы сразу же к нему в лес переезжать, а про глупости, вроде книг и школы, чтобы забыла — не егерской жены дело в пыльных бумагах ковыряться, да чужих голодранцев учить — своих надобно завести, да и то думать надо, а стоит ли их грамоте да счету учить — наши деды не знали, наши отцы не ведали, а жизнь прожили достойную, и нам того же завещали. Сказал, как отрезал, все-таки не зря в гвардии служил. Что же было учительнице на то возразить, если она его больше жизни полюбила, в глаза его только и глядела, с рук его только и ела, его дыханием упивалась, но только и свою работу, и детишек деревенских, и, главное, книги, любила так, что свою жизнь без них с юных лет представить не могла? Оставалось до свадьбы по обычаю три летних месяца, чтобы по осени да в пир, дети на каникулы разбежались, а учительница все со школой расстаться не может — то книжек из города привезет, то крыльцо покрасит, то забор поновит, словно чувствует, что ей назад дороги нет, а от себя отказаться вроде не может. Тут еще, видите ли, вот в чем дело было — раньше по пятницам егерь с гор спускался в село, шел в деревенский трактир, а иногда и на танцы, но когда он с невестой сговорился, то уж каждый вечер у нее проводил. Все у них как и положено было — при матери да при бабке жених с невестой сидели, но молодым старики не помеха — поцелуй и украсть ведь можно. Только вскорости заметил жених, что невеста будто чахнет — телом и лицом худеет, словно на нее кто порчу навел.

Он и спроси, в чем дело, а учительница отвечает, что мол, все хорошо, жарко только летом, но ведь правду не скроешь. А дело все в том было, что она и замуж за егеря хочет, и книги свои потерять боится, словно они ей человека дороже, вот и чахнет, покуда не знает, как ей от себя самой отказаться. Егерь не дурак был, он все и без слов понял, да так хорошо, что лицо его морщинами пошло, но только он своей невесте ничего не сказал, а обнял ее покрепче и сказал, что все на свете перемелется, а из этого мука будет, а нам из той муки хлеба печь, да в печку садить, так что живы будем, не помрем. А через неделю случился в деревне пожар. Летом пожар — дело обычное, дерево сухое, дождей почти нет, солнце в горах нещадно палит, тут загореться легче легкого, но этот пожар совсем не простой был. Ни один дом в деревне не сгорел, кроме школы, занялась она ночью, да в минуты и сгорела дотла — со всеми книгами, учебниками, палочками для счета и тетрадками, одни головешки остались. Когда учительница прибежала, поздно было водой заливать, так полыхало. Как зачарованные, стояли деревенские и смотрели, как горела единственная в наших местах школа, а еще больше смотрели, как учительница убивается, ровно близкого человека потеряла. Случилось это на неделе, когда егеря и в помине близко не было, он в это время по горам лазил, королевский лес охранял, а в пятницу, как водится, вниз спустился, тут ему все и рассказали. Егерь сразу к учительнице побежал и давай ее утешать, что, мол, судьба сама за нес распорядилась, раз школы нет, то и детей учить негде, а что книжки сгорели, это плохо, но только от этого еще ни один человек не умер, если ему в день буковок не случится прочесть. Подняла на него глаза учительница и увидела в них любовь безмерную, а еще увидела отблеск пожара, и горящие книги, и скорчившиеся на страницах буквы, но потом словно туманом все заволокло, и видение исчезло. А ночью вдруг стало учительнице плохо — заломило в спине, да так, что ни разогнуться, ни повернуться, и послали испуганные родители за лекарем. Прибежал лекарь, осмотрел больную и вдруг весь затрясся и из комнаты вышел, а лицо бледное. Сидят родители, ни живы, ни мертвы, ждут новостей, а они тут как тут, только лекарю и говорить не хочется, мнется он, но делать нечего, правда — она все равно в свой час наружу выйдет. От-

вел лекарь отца с матерью в сторону, чтобы сердобольные соседки не расслышали, и шепнул им на ухо то, что деревня еще не скоро узнала, а пока это тайна была, и лекарь ее хранить взялся, пока сама учительница рассказать о ней не пожелает. А наутро новость — учительница за егерем в горы посылает, поговорить с ним желает. Спустился егерь в деревню, довольный идет, все видят, как его невеста ценит да любит. Вошел он в дом гордым женихом, а вышел побитым петухом. Наши не слышали, а только в окошко видели, как учительница ему сказала, что любить его будет вечно, но замуж за него не пойдет. Видели, и как он ее за руку схватил и сжал больно, но она была тверда, и руку его в сторону отвела, и ответила, что она его прощает, и он пусть ее простит — не она так решила, все за нее уже сделано было. Нашим бы тогда все понять, но в такое трудно поверить было — чтобы сельская учительница от служилого егеря отказалась, помолвку разорвала, на весь край себя и семью свою опозорила. Не поняли ее соседи, а она пуще чудить стала — на следующий же день пожитки собрала и родительский дом покинула. Ушла не оглядываясь, лишь с детишками из школы попрощалась, по голове погладила, и только ее и видели, как она в горы ушла, ровно сама решила егерем заделаться. Забурлила деревня, расплескалась, словно вода в горном ручье, но сколько той воды — по щиколотку, вот разговоры и утихли, только егерь в кабак зачастил, пьет, а сам мрачнее тучи делается. С той поры прошло полгода, наверное, наступила зима, а она в наших краях лютая — ветра с ног сшибают, снег по крышу дома заметает, а когда солнце проглянет, то все на улицу спешат — сиянием дня насладиться, на вершины полюбоваться. Вот в один из таких дней и пропала в деревне девочка — из бывших учениц. Уж так ей грамотой и счетом овладеть хотелось, что упросила она родителей в воскресную школу в городе ее отдать, а те согласились, памятуя о том, как учительница им в свое время говаривала, что дочь их смышленная, далеко пойдет. Так и спускалась она всю осень в город, но последние недели были ненастными, и девочка сидела дома, а тут гляди, погодка наладилась, она и убежала. Уж к обедне прозвонили, уж сумерки наступают, а ее все нет. И небо нахмурилось, тучи над горами нависли, того и гляди, снова буря будет. Родители себе места не находят, пошли ее на тропу искать, соседей себе в помощь взяли, но много ли в потемках разгля-

дишь — кричали, аукали, на лыжах-снегоступах по склонам лазили, но так и не нашли, а тем временем стало нещадно задувать, так, что руку вытянешь — пальцев не видно, пришлось им домой возвращаться. Одна надежда — спряталась она где-то от непогоды в лесу, замело ее, но не до смерти, если утром ясно будет, то обещался егерь ее сам поискать — он лес и горы все исходил, он эти места лучше всех знает. Только и егерь помочь не смог — весь день по горам лазил, замерз так, что еле вином горячим отпоили, а толку никакого — следы за ночь замело, в лесу от холода треск стоит, и ни души. Родители знай себя проклинаят, что дочь в город отпустили, соседи шушукуются, но ни слезами, ни пересудами горю не поможешь, на том и поиски остановили. И вдруг слышат деревенские — колокол их на площадь сзывает, будто войну объявили. Пришли они к церкви и ахнули — стоит посреди площади вроде их учительница, и все же не совсем она. Та в девушках далеко не красавица была, а эта вся прямо изнутри светится, ровно ее преобразили. И одежда на ней не такая, которую она из дома взяла, а господская, мех серебристой лисы на плечах лежит, а за спиной — батюшки мои, за спиной-то крылья, словно у ангела, расправлены. Стоит она, смотрит строго, а в полах у нее детское лицо прячется, родители, конечно, сразу дочку свою признали, но подходить боятся. Но она махнула рукавом, девочка и побежала к своим, они ее обнимают, не нарадуются, а наши и не знают, что думать, да тут учительница сама с ними заговорила.

И сказала она миру деревенскому вот что:

— Чем вам домыслы пустые по свету пускать о том, что со мной случилось, лучше я сама расскажу. Стала я теперь невестой Горного царя, и мне этого до смерти моей не избыть. Буду вашей берегиней, дело мое — путников спасать, больных лечить, слабых учить, знание мне сверху дано, его ни в каких книжках не найдешь. Не сама я свой путь выбрала, так уж случилось, что меня жаль, но все же скажу кое-что, скажу при всех, чтобы весь мир деревенский правду слышал и более от нее не отрекался. Вздохнула она еле слышно, обернулась к родителям своим, которые тут же стояли, посмотрела на них ласково, а потом на егеря взглянула, который впереди народа стоял, и ему поклонилась. — Тебе, жених мой бывший, отдельно скажу, а ты каждое мое словно запомни, и правое дело с несправедным больше не путай.

С первой же нашей встречи я тебя полюбила, так полюбила, как только женщина может, любовью безусловной, жертвенной. Знаю, и ты меня полюбил, но только иначе, как мужчина любит — коли покорна ему шея, так он на нее украшения надевает, коли нет — шнурок на ней затягивает. Как взглянула я тебе в глаза, так сразу все увидела — как школа горела, как книги корчились, как буквы от жара сворачивались, как ты свою победу в душе праздновал. Все видела, все поняла, но промолчала из любви к тебе, хотя душа моя так же, как книги, корчилась, так же, как бревна, трескалась, так же, как буквы, в прах превращалась. Всю нашу жизнь в тот момент я наперед узнала — и все же промолчала, и все же тайны твоей не выдала, и все же к пути своему приготовилась, и шею склонила. Но только Горный царь по своей справедливости решил, выбор у меня отобрал, обручился со мной тайно и крылья мне дал. Теперь я его невеста, покуда час мой жизненный отмерен, радости человеческие мне больше неведомы, зато горести мои девичьи все при мне остались. Раньше думала я, что таково мне наказание за слабость плоти, за трусливость души, но когда я дитя, в лесу заблудшее, под снегом погребенное, отогрела, к жизни вернула и родителям вручила, поняла я, что это и награда моя великая, это и мой путь особенный, только мне под силу. Что же до тебя, ты сам решать будешь, в чем твое наказание, всю жизнь до смерти искать будешь, в чем твоя награда. Одна тебе радость и горесть от меня подарком будет — ты меня больше никогда не увидишь, руками не обнимешь, в губы не поцелуешь. Над всем в твоей жизни власть тебе отдаю, кроме одного, — твоего смертного часа, над этим ты вовеки веков властен не будешь. Сказала она так, и на крыло встала, будто птица диковинная лебедь из городского парка, и нет ее — в небе растаяла, словно в снежной белизне гор растворилась. А наши долго еще на площади стояли, языком чесали, егеря обсуждали, родителей утешали, все наговориться не могли. И решил наш мир деревенский — жить егерю лучше одному, в горах, там ему самое место. И с тех пор так повелось, что и в трактире за столом егерь один сидел, и на танцах ни одна из наших девушек с ним танцевать не шла, и в лавке для него только соль да спички с мылом были. Он и не жаловался, с людьми ни о чем не говорил, молча по деревне шел, спина прямая, только поседел рано, в том же году, однако службу свою не покинул, еще рынее исполнять стал.

И то народ за ним примечал — ходит он по горам и вовсе не бережется — как будто страха у него не осталось. Иной раз казалось, что он смерти ищет, но нет — смерть его не хочет. Если снегом завалит, то ветер ровно по заказу сугроб разметает, если в расщелину упадет, то непременно рядом люди случатся, чтобы его вытащить, если браконьеры в него стреляют, то обязательно промахиваются. Случай это или везение, но только наши говорили, что ни у кого такого везения не было, а один даже рассказывал, как собственными глазами видел, что он с горы в пропасть прыгнул, а его облако белое подхватило и на дно ущелья невредимым опустило. Правда это или нет, не мне судить, но прабабка моя рассказывала, что дожил он до глубокой старости, до какой либо великие праведники, либо великие грешники доживают. А учительницу с тех пор в наших краях часто видели — то больным детям отвар из целебных трав принесет, то роженице поможет, то охотника от непогоды укроет, то заплутавшего до своей деревни доведет, то деревенскую скотину из беды вызволит. Привыкли к ней, к ее виду диковинному, крыльям огромным, улыбке неземной, свету внутреннему, однако по пустякам не беспокоили, знали, что случись беда настоящая, она сама найдет и сама сделает. Спокойствие в наших краях поселилось, а это для людей самое главное — знай себе трудись по совести. Долго так продолжалось, век или более, не знаю, однако любому наказанию срок выходит. В тот день в неурочный час спустился егерь с гор в деревню и напрямик к тому месту пришел, где раньше школа была. Головешки уж давно в прах рассыпались, но никто в этом месте не строился, будто зачумленное, его обходили. Егерь в ту пору уж совсем одряхлел, на старый обросший мхом пень похож был. Сел он на землю, голову набок склонил и в горы смотрит. День сидит, вечер сидит, ночь сидит, а утром подошли к нему и видят — сердце у него остановилось. Только тронули, он и повалился на землю, а из одежды кошель с деньгами выпал. Кошель толстый — видать, егерь деньги ни на что не тратил, все копил, вину свою искупить надеялся. Открыли кошель, а там сверху записка предсмертная лежит — мол, завещает егерь все свои деньги на то, чтобы в нашей деревне школу построили — большую, просторную, для всех окрестных ребятишек. Эта школа в деревне и по сей день стоит — все благодаря деньгам егеря, вот так-то. Ах да, главное-то я забыла рассказать. Только егерю

глаза закрыли, смотрят — река горная тело старухи в белых одеждах притащила. Волосы седые, лицо в морщинах, не узнать, кто такая. Только одна древняя бабка ее по одежде и узнала — она ее еще девочкой запомнила, когда та ее от верной смерти в горах спасла и домой вернула. Наши их тогда в одной могиле и похоронили — если не в этой жизни, может, в том, лучшем мире, им вместе быть суждено, кто знает... А Горный царь себе с тех пор невесту так и не выбрал... Видать, и его сердце с ней навсегда осталось, так у нас в горах говорят.

Валентин БАЮКАНСКИЙ

Я — ТОТ САМЫЙ КУЛИК

Однажды мы подготовили к печати коллективный сборник, посвящённый вечной теме любви. Авторы попытались показать и осмыслить многочисленные грани этого сложного чувства, без которого жизнь полноценного человека не может быть яркой и плодотворной. Представила два эссе в сборник и данковский краевед из Липецкой области Раиса Михайловна Усович. В отличие от коллег свои произведения она посвятила Родине. Раиса Усович родилась в селе Романово Лебедянского района Липецкой области, и её первое эссе под названием «Ещё раз о том же», начиналось так: «Есть пословица: каждый кулик своё болото хвалит. Я — тот самый кулик. Самый дорогой кусочек земли, песчинка в мире — моё Романово. Здесь зарыта моя пуповина». И это не просто дань нынешней моде, когда выгодно представить себя великим патриотом, и не просто красивые слова. Это часть души Раисы Михайловны Усович. Недаром в одном из своих произведений Усович писала: «Мне посчастливилось проехать тысячи километров по моей Родине — от западных до восточных окраин, от северных до южных широт. Бурные полноводные реки, озёра, необъятные леса,

горы, сопки, равнины, поля подсолнухов и пшеницы, огороды и огородики, деревушки в две-три избы и сутолочные города — всё это моя Родина. Это не любовь — это моя суть, моя жизнь. Мои страдальцы — мама Клавдия Ивановна и бабушка Матрёна Филипповна; отец Михаил Акимович, в двадцать три года погибший на войне; мои дяди и тёти, сын, внуки и уже правнуки. Мои дальние предки — казаки и крестьяне, мужики с котомками и инструментом, ходившие строить Москву, а ещё раньше — делавшие на Дону струги для рязанских, владимирских, московских купцов. Всё это в нас, в наших генах».

Убеждённость в том, что нельзя опорочить священную память предков и подвести своих родных, помогает Раисе Усович честно и с полной самоотдачей трудиться везде, где бы она ни работала. Раиса Михайловна окончила Мичуринский государственный педагогический институт и Воронежский государственный университет. Имеет общий трудовой стаж около пятидесяти лет. В течение двадцати пяти лет добросовестно служила в органах внутренних дел. Выйдя в отставку в звании подполковника юстиции, увлеклась литературой и краеведением. Несколько лет успешно возглавляла Данковское районное отделение Союза писателей «Воинское содружество».

СЛЕДОВАТЕЛЬ

Работая в органах внутренних дел, Раиса Михайловна по роду службы встречалась с большим количеством людей, по её оценке, «от самых падших до самых выдающихся». Начинала свою службу в должности старшего инспектора детской комнаты милиции Данковского РОВД. Работала следователем, старшим следователем этого же отдела милиции. Была признана лучшим наставником области. Возглавляемое Усович следственное отделение Данковского района было признано лучшим в области. Свою работу Раиса Усович запомнила как постоянный ненормированный рабочий день, без выходных и праздников, с неизменной тревогой за соблюдение законности, которая не проходила даже во сне. Раиса Михайловна как-то вспоминала, что через двадцать лет после того, как ушла на пенсию, ей приснился сон: прошло семь лет, как сданы все дела — и вдруг на дне сейфа

обнаруживается единственное уголовное дело, по которому семь арестованных до сих пор находятся в следственном изоляторе, без суда. Она проснулась в холодном поту!

Раиса Михайловна старалась воспринимать трагедию каждого обвиняемого и каждого потерпевшего и их родственников как свою. Ей всегда было присуще обострённое чувство справедливости, желание докопаться до истины. На мой вопрос, что она ценит в людях, Раиса Михайловна ответила:

— Ценю доброту, порядочность, трудолюбие, любовь к близким, ко всему живому. Ненавижу ложь, приспособленчество, лень, подлость. Как все люди, всё положительное приветствую, всё отрицательное стараюсь обойти. Как все, имею много недостатков.

ПИСАТЕЛЬ – КРАЕВЕД

Действительный член Петровской академии наук и искусств, прозаик и краевед Раиса Усович хорошо знает историю не только родного села Романова, Лебедянского и Данковского районов, но и других российских городов и областей. Об этом наглядно свидетельствуют её многочисленные книги.

Каждая работа Усович — это серьёзный краеведческий труд, в основе которого заложена кропотливая работа с архивными документами и многочисленные беседы с очевидцами описываемых ею событий. Книга Раисы Усович «Романцев — Романов Рог — Романово», вышедшая в 2016 году, является, на мой взгляд, образцом популяризации истории родного края. Она заслуживает большого внимания и будет интересна тем, кому небезразлична история Отечества. В книге на примере одного села честно и беспристрастно отражена жизнь нашего государства со всеми её трагическими и славными событиями, случившимися за последние сто лет. Прошло пять лет, и неутомимая Раиса Михайловна выпустила в 2021 году второе издание этой книги, дополнив историю родного села новыми данными, включая список односельчан, воевавших в первую мировую войну. Казалось, можно поставить точку. Но, нужно знать Усович, в 2025 году она выпустила третье издание, дополнив два предыдущих. Если в первом издании

было 346 страниц, то в третьем, уже 476. Читая произведения Усович, узнаёшь, с каким героизмом её родные и односельчане сражались с врагом во время Великой Отечественной войны, какие тяготы приходилось переносить тем, кто ковал победу в тылу. Многие остались на полях сражений. В их числе и родственники Усович. А те, кому посчастливилось не погибнуть, вернулись в родные края и активно включились в восстановление разрушенной страны. Несмотря на непрерывный тяжёлый труд, бывшие фронтовики не унывали: верили, что наступят счастливые времена, когда жить станет радостно и легко.

Большое внимание Раиса Михайловна уделяет духовной теме. Её краеведческие книги-изыскания «Данковская трагедия» и «Жизнь за веру» повествуют о трагических страницах советской истории, о которых не принято говорить. В них описываются судьбы верующих людей, не изменивших своим религиозным убеждениям, несмотря на репрессии со стороны пришедших к власти большевиков. Тщательное изучение архивных данных, поездка в Казахстан, в места заключения земляков, помогли краеведу открыть новые страницы в истории родного края.

Раиса Михайловна не обходит стороной и события основанные на реальных историях, происходивших за время её службы в органах МВД. Её произведения наполнены нравственно-философскими размышлениями: почему одни тянутся к правде, отстаивают принципы добра и справедливости, а другие, прельстившись дармовыми деньгами и незаслуженными привилегиями, бездумно ступают на скользкую дорожку, ведущую к разрушению личности? Почему для одних честь, совесть, милосердие и бескорыстие — понятия крайне важные, а для других — ничего не значащие, ведь все мы родились и выросли в одной стране, но живём по-разному?

Был в следственной практике следователя Усович случай, который до сих пор служит для неё нравственным камертоном при написании произведений.

— Один молодой человек из богатеньких захотел похвастаться перед соседом из пролетариев, — вспоминает Раиса Михайловна. — Предложил прокатиться на новом мотоцикле с коляской. Мчался по городу, не обращая внимания на знаки, транспорт и пешеходов. Мотоциклист даже не заметил, что у ехавшей впереди «хлебозовки» за-

жётся левый поворотник и машина стала поворачивать. Мотоцикл на скорости врезался в заднее колесо машины. Удар был настолько силен, что гружёная машина сдвинулась вперёд на 20 сантиметров. Пассажир погиб, а водитель мотоцикла потерял ногу. Мать погибшего парня пришла к виновнику гибели её единственного сына в больницу с передачей и просила меня, как следователя, прекратить уголовное дело. Об этом же она просила прокурора. Обычно за царапину многие готовы сжить человека со свету. А эта женщина — святая: пожалела человека, погубившего её сына. Главные же герои произведений Раисы Усович, конечно, земляки, те, кто по праву заслужил искреннее уважение односельчан.

КНИГИ НЕ ТОЛЬКО ИСТОЧНИК ЗНАНИЙ

Раиса Усович считает, что книги помогли сформировать характер и во многом определили её жизненные ориентиры. Любовь к чтению проявилась у Раисы рано. Как только девочка научилась читать, её жизнь словно разделилась на реальную — с непосильным трудом с самого раннего детства — и тайную — с чтением книг.

По мнению бабушки Матрёны Филипповны Вороновой (в девичестве Похмельных), чтение книг было бесполезной тратой времени. Бабушку можно было понять. Она была старшей в многодетной семье с семью детьми. В двенадцать лет при родах умерла её мать. У мачехи родилось ещё семь детей. И для всех Матрёна была нянькой. Помимо того, принимала участие во всяких хозяйственных работах. На долю Раи выпало тяжёлое послевоенное детство. Отец Михаил Акимович Усович скончался в госпитале в 1943 году от гангрены после ранения. Нужно было как-то выживать. В шесть лет девочка копала огород, доила корову, косила траву, таскала воду, рубила дрова. Мама работала в колхозе. То время Раиса Михайловна вспоминает с болью: — Имея корову, мы не ели молока. Сметану бабушка снимала, её взбивали на масло, которое продавали на рынке в Лебедяни. Снятое молоко заквашивали. Из него делали творог, который также продавали. Телёнка от коровы сдавали в налог, как мясо. Имели кур, но яйца сдавали государству, остатки продавали. Когда копали огород, бабушка давала по

яйцу в день. Я ждала это время, чтобы съесть яичко. А то все постные щи, пшённая каша на воде да картошка. От лопаты на ладонях волдыри лопались, кровоточили, но можно было съесть яйцо. Все домашние дела ложились на бабушку и внучек, поэтому Матрёна Филипповна не разрешала Рае даже делать уроки — некогда. Девочка делала их в школе на перемене. Книги читала украдкой. Летом — спрятавшись под черёмухой или на берёзе, зимой — с гасёнком под одеялом на печи. Так Рая прочла всю школьную библиотеку. В сельской — записалась на два абонемента: на себя и на маму. На свой брала детские книги, а на мамин — взрослые. Мать и не догадывалась, что является активным читателем. Когда бабушка однажды застала внучку за чтением, то сожгла две библиотечные книжки. Как молодая библиотекарьша Раиса Ивановна Сошина смогла списать эти книги, Раиса Михайловна до сих пор не знает. Отрицая пользу чтения, бабушка, тем не менее, говорила: «Рая, учись, выходи в люди». Видимо, думала, что учиться можно только в здании школы, в техникуме или в вузе. А дома надо работать, а не книжки читать. Поступив в педучилище, Рая с первой стипендии стала покупать по одной книжке. Так была заложена основа её солидной библиотеки. Уже будучи взрослой, Раиса использовала каждую турпоездку за границу для приобретения книг: привозила не тряпки, а книги, которые было трудно тогда купить. Раиса Усович читает ежедневно. Любит классику: Достоевского, Чехова, Тургенева; поэзию: Лермонтова, Есенина, Казакову, Дементьева, Тушнову, Капуткиан. В последние двадцать лет читает в основном исторические или документальные книги. В детстве и юности её любимыми героями были Зоя Космодемьянская, Овод, Спартак, Маресьев...

— Теперь в душе не литературные, а реальные люди, с твёрдыми убеждениями, с умением в любых ситуациях сохранить человеческое достоинство и отстаивать свои убеждения, — делится Раиса Михайловна.

ЛЮБИТЬ ПО ОБЯЗАННОСТИ

Как-то Раиса Усович услышала по радио адресованный слушателям вопрос: обязаны ли они любить Родину? Поводом послужило заявление в Интернете подростка, назвавшегося Жёлудем, о том, что

Родина наша — дно, и он не хочет здесь жить. Раиса Михайловна была задета за живое. Она вспомнила свою жизнь, со всеми трудностями, радостями и огорчениями...

«Любовь к Родине и обязанность... Возможно ли хоть что-то любить по обязанности? Любовь и обязанность — две противоположности. Как чёрное и белое. Тем более если речь идёт о Родине. Этот молодой человек, владеющий пока лишь мышкой компьютера, с восторгом кричит о том, что Родина — дно, и готов сейчас же податься за красивой жизнью в дальние страны. Вдруг ему даже повезёт: оказавшись там, он вытащит счастливый билет и проживёт сытую, благополучную жизнь. И всё-таки рано или поздно, может быть, уже на смертном одре, тоска сожмет его сердце в думах о далекой России. Но уже ничего нельзя будет изменить и поправить. И проклянет он этих похотывающих дядей и тетей, провоцирующих его, зелёного, на мечту о «красивой» жизни вдали от Родины — неотъемлемой части любого человека, не нуждающейся в принуждении к любви...»

Людмила СТАСЕНКО

КОГДА МОСКВА СТОИТ В ПРОБКЕ

Антуан де Сент Экзюпери сказал: самая большая роскошь на свете — это роскошь человеческого общения. В согласии с этим замечательным высказыванием я исколесила весь мир, побывала на всех континентах (кроме Антарктиды), написала об этом книги. Но и на этом не остановилась: я стала читать лекции о странах, в которых побывала и о выдающихся людях, о которых узнала путешествуя. Мне хотелось, чтобы как можно больше людей узнало о том, какой замечательный мир вокруг нас.

Иногда у меня спрашивали: какая у вас машина? Я отвечала, что у меня машины нет. А как же вы обходитесь? Да, в основном, — самолётами, реже — теплоходами и поездами, ещё реже — лошадьми, верблюдами, слонами. А также я всегда любила много ходить пешком, потому что, как говорил Волошин: «В путешествии не столько важно зрение, слух и обоняние, сколько осязание. Для того, чтобы вполне узнать страну, необходимо ощупать её вдоль и поперёк подошвами своих сапог».

Так и было до недавнего времени. Неудачная операция на ноге свела к нулю мои, так горячо любимые, походы. Даже с двумя скандинавскими палками я трудно перемещаюсь. При необходимого посещения больниц пользуюсь такси. Дорого и, как оказалось, опасно. Но другого выхода нет. В зависимости от расстояния и загруженности трассы время поездки составляет от получаса до двух часов.

Сидя рядом с водителем, иной раз вступаешь с ним в разговор. Иногда интересный. Вот, например, армянский водитель по имени Амбарцум, оказался по профессии музыкантом. Он рассказал о себе, о своём детстве в Ереване, где его отец работал преподавателем физики в школе. Отец, заметив музыкальные способности сына, с 5 лет стал водить его в музыкальную школу. А по пути — разговоры, разговоры: «Что? Где? Когда? Почему?» «Откуда всё это?» — спросил однажды мальчик, указав на деревья, тучи, солнце, небо. «От Бога», — ответил отец. И Бог вошёл в жизнь этого человека. Амбарцум вставил кассету с записью своих стихов, положенных на музыку. Не понимая по-армянски, чисто интуитивно я почувствовала, что это о высоком. Он сказал: «Здесь я благодарю Бога, за то, что он меня бережёт». Мы проезжали по Абельмановской площади и увидели огромную очередь людей. Он спросил, куда они стоят. Я ответила, что здесь находится женский Покровский монастырь, а в нём — мощи праведной Матроны Московской. Они стоят на поклонение мощам. И каждый обращается о своей просьбой. Ежедневно монастырь посещают до 3 тысяч паломников, в воскресные и праздничные дни их число доходит до 25 тысяч, в дни **престольных праздников** — до 50 тысяч. К Матроне каждый день прибывают автобусы из разных городов и даже из-за границы. «А кто она такая?» Было видно, что, несмотря на свою профессию, здесь раньше не бывал. Неудивительно. Москва ведь большая! Её население — 13,5 миллионов человек, 25 место в мире по населению. А на а Земле — более 2миллионов 600 тысяч городов! Самыми населёнными оказались: Токио (37млн), Дели (33), Шанхай (27млн.). Ну это так, для справки, кому интересно.

Я рассказала Амбарцуму, что Матрона — ясновидящая слепая, парализованная женщина, была одарена способностью не только видеть существо дел не своими слепыми глазами, а душой и сердцем и помогать больным людям стать здоровыми, а также выводить их из сложных жизненных ситуаций. К Матроне Московской обращаются с просьбами, касающимися практически всех сфер жизни. Её считают скорой помощницей и заступницей в любых бедах и нуждах. Он спросил, верю ли в это. Я сказала, что испытала это на себе, когда упала и сильно разбилась. Врачи говорили, что не встану. Меня отвезли к Матроне. Я поклонилась её мощам и попросила о выздоровлении. И я встала. Всю Россию обошла с рюкзаком. Он был очень удивлён и сказал, что тоже сюда обязательно придёт. Тут я вспомнила случай, когда ехала с русским водителем, и он с гордостью сказал, что не верит ни в кого, ни в Бога, нив чёрта, ни в целителей. «До первого петуха», — сказала я ему. «До какого петуха?» — удивился он. «До того, который клонет вас крепко, и вы скажете: о. Господи, за что это мне?»

Однажды такси застряло на Неглинке. Москва — старинный город, ей уже 878 лет. Несмотря на войны и пожарища она всё же сохранила некоторые свои старые постройки в центральной части. И названия улиц тоже, хотя и не без препятствий. Я смотрела по сторонам на похорошевшую в последнее время столицу, и мне на ум стали приходить стихотворные строки, которые я тут же записала. Вот они.

Москва старинная в названиях ласковых,
Все улицы как будто бы из сказки:
Пречистенка, Неглинка и Воздвиженка
Стоят столетьями, а время движется.

Кузнецкий мост, Ордынка и Воздвиженка -
Земля исконная, названия к ней приложены.
Никитские ворота и Покровские —
Названия русские, а не заморские.

Москва старинная, где колокольный звон
Звучит раскатисто, протяжно бом-бом-бом...
Венчает сумерки черёмуха душистая,
И небо над Москвою сине чистое.

Волхонка, Знаменка, Охотный ряд, Зарядье,
Петровка и Столешников здесь рядом.
Нескучный сад, Садовое кольцо, —
Москвы старинной милое лицо.

Иной раз встречаются молодые водители, которые, стоя в долгих пробках, начинают рассказывать о том, как хорошо им живётся на родине, но нигде так не заработаешь как в Москве: от 200 до 500 тысяч в месяц. Но кто 500 — тот смертник, потому что засыпает за рулём. И уже никаких денег не надо.

А вот данные о таксистах Москвы. Водителями в Москве работает около 340 тысяч человек. Около 79 тысячи из них — граждане Кыргызстана, 7 тысяч таксистов имеют гражданство Таджикистана и почти 5 тысяч приехали из Узбекистана. Таксистами также числятся граждане Беларуси, Азербайджана, Армении, Молдавии и других стран.

Я еду с молодым симпатичным узбеком по имени Улугбек. Надо же! Так звали древнего астронома в Самарканде, где он построил обсерваторию. Имя Улугбек означает «**великий правитель**», «**могущественный лидер**». Что касается астронома, то он действительно соответствует своему имени. А мой таксист Улугбек хорошо ведёт машину и прилично говорит по-русски, значит, и ему хотя бы часть имени принадлежит по заслугам.

Мы едем по Кремлёвской набережной, которая проходит **вдоль стены Кремля**, которому уже 600 лет. Здесь каждый камень историю помнит. Мы проезжаем мимо многих башен, гордо возвышающихся над кремлёвской стеной, но колокольня Ивана Великого — выше. Золотом блестят её колокола на солнце. На Васильевском спуске — как не-

скончаемый праздник красуется собор Василия Блаженного, который наряду с Кремлём является визитной карточкой Москвы. Мобор был построен при Иване Грозном в честь покорения Казани. Поворачиваем направо и застываем на месте. Кто-то важный должен въехать или выехать из Кремля, и трасса перекрыта. Надолго ли? Стояли 1,5 часа. Рядом Александровский сад, заложенный и названный так в честь Императора Александра I за победу над Наполеоном. Вспоминаю, как студентами мы ходили сюда, напевая незатейливую песенку:

Александровский сад,
Здесь тюльпанов парад,
Башни-крепости в ряд
Днём и ночью не спят.

Птицы летом поют,
Здесь покой и уют.
Сад влюблённых приют,
Где скамейки их ждут.

Пышный летний наряд
Изумрудный свой взгляд
Александровский сад
Подарить всегда рад.

Прямо перед нами красуется дом поручика Пашкова. Особая достопримечательность Москвы. Он настолько красив, что от него глаз не отвести. Он стоит на холме, как на пьедестале. Недаром итальянцы, знающие толк в архитектуре, сказали, что у него один только недостаток: он стоит в Москве, а не в Италии. Неожиданно таксист Улугбек, молчавший весь путь, спрашивает у меня:

— Чей дом такой красивый? Кто там живёт?

— Сейчас там библиотека. А принадлежал он 250 лет назад поручику Пашкову.

— Что такое поручик?

— Низший офицерский чин.

— Даже генералом не был, а такой дом построил. Откуда же у него столько денег?

На такой дом денег много надо.

— Его отец был слугой царя Петра I. Потом после смерти царя дослужился до губернатора Астрахани, города очень богатого за счёт рыбного промысла. Оставил сыну большое состояние, которое тот выгодно пустил в оборот. Он занялся водочным откупом, то есть стал участвовать в продаже водки и брать за это проценты. И на этом здорово разбогател. Его даже стали называть «водочным королём». Ну а король должен жить по-королевски. Вот и построил он дворец. Хорошо, что на доброе дело употребил прибыль.

— Выходит, заработал на водке.

— Выходит так. Водочный бизнес и в наши дни даёт огромные деньги государству: Закупочная цена 1 литра спирта стоит 84 рубля. А сколько стоит бутылка водки в магазин, — сами знаете.

— Я мусульманин, никогда не пил и пить не буду, — рассуждал Улугбек, — А на заработанные я дом построю. Моя мама, кстати, она русская, говорит: «Каждый мужчина должен построить дом, вырастить сына и посадить дерево.

— У вас русская мама? Откуда же она?

— Из Рязанской области. Отец в молодости работал на фуре, возил овощи и фрукты в Россию. Приехал в деревню Половское, на базу отдыха, пришёл в столовую и увидел официантку Дарь. коса золотистая через плечо, а глаза синие-синие. Влюбился мой отец с первого взгляда.

— И что ж потом?

— А потом дома скандал за скандалом. Уговорил мой отец своего отца поехать вместе на фуре. Приехали. Идёт Дарья навстречу к моему деду, улыбается и говорит: «Как хорошо, что вы приехали. У нас сегодня как раз плов». Ну, какой плов может быть в столовой на базе отдыха, вы понимаете. Но мой дед улыбнулся и сказал: «Плов — это всегда хорошо». Вот так мой отец и женился на моей маме Дарье. И я был первым ребёнком в семье. А затем — еще пятеро. А теперь и моё время настало. Скоро я буду жениться. Моя невеста **Гульнара, учительница.**

— Расскажите, какая у вас будет свадьба.

— Как у всех узбеков. С самого рождения родители девочки заботятся о её приданном: собирают ей золотые украшения, бельё, посуду и столовые приборы, скатерти и салфетки, кухонные принадлежности, ковры, а отрезки национальной ткани, а ближе к делу — мебель. С меня причитается дом и калым. Я могу отдать семье невесты 20 баранов и верблюда. По обычаю все расходы по свадьбе оплачивает жених. Денег надо много, потому я здесь и работаю.

Когда невеста войдёт в наш с нею дом, она украсит его коврами, поставит мебель. Но это будет после трёх дней свадьбы, на которую соберутся человек 300-350. Вдоль всей улицы деревни, где я живу, поставим столы. Три дня пловом накормить надо! Кстати, плов в огромном казане, куда входит целый баран, готовит только мужчина. Четыре часа — один плов. А людей много, значит и казанов много. Да не только пловом угощают на свадьбе. Ещё подают манты, лапшу с кониной или бараниной, салаты. Любят у нас компот из урюка. И кумыс из кобыльего молока или верблюжьего.

Близкие родственники готовят восточные сладости. Без них никак нельзя. Мы водку не пьём, а зелёный чай, вот к нему и подаём свадебную халву, которую готовят с орехами и сухофруктами, пахлаву, рахат-лукум, нугу, шакер-чурек. Все сады наших соседей будут принимать гостей на зелёный чай. В садах под чинарами расстелем ковры, поставим большие красивые заварные чайники, пиалы и будем сидеть на коврах, поджав ноги и пить зелёный чай с восточными сладостями. Мой брат Исломбек играет на домре, Жасур — на зурне. Будет весело, песни, танцы. Столы ломятся от фруктов самых разных, и наших, и привозных. Так что голодным со свадьбы никто не уходит. Свадьба — самый главный праздник у узбеков. И опозориться нельзя. Мне надо заработать не меньше миллиона. А лучше — два.

— Траты огромные. А какие же подарки дарят?

— Обязательно с обеих сторон дарят золотые украшения. Родственники невесты — бытовую технику. А со стороны жениха — животных, чтобы вести своё хозяйство. Не с нуля начинать

Загорелся зелёный сигнал светофора. Дорога открыта. Как хорошо провели мы время, пока стояли в пробке. Сколько я всего узнала! Счастья тебе, Улугбек! И хороших заработков на доброе дело!

В следующий раз моим таксистом был киргиз Абай. Он прекрасно говорит по — русски. В Киргизии дети изучают русский язык с первого класса, ведь он, наравне с киргизским, является государственным. Кстати, это только в Киргизии. Другие среднеазиатские республики после развала СССР взяли крен на Запад и в школах интенсивно изучают английский язык. Абай приехал с севера Киргизии, где у его огромной семьи в 60 человек имеется большое хозяйство: 7 гектаров земли, на которой они выращивают овощи и фрукты, и ещё у них 50 баранов. Имея такое хозяйство, они обзавелись сельскохозяйственной техникой. Работы много. Вся огромная родовая община, от правнуков до прадедов с утра до ночи трудится в летний период. На вырученные от урожая деньги семья живёт безбедно. А вот зимой Абай едет в Москву, чтобы на такси заработать побольше. Ведь у него трое детей, и он хочет, чтобы они были не крестьянами, а выучились. А на это нужны большие деньги. Он хочет, чтобы старший сын стал адвокатом, а то всё споры идут за межу. Младший — экономистом, чтобы деньги хорошо считал: сколько надо вложить в хозяйство, и какую выгоду от него можно получить. А дочь — пусть станет врачом: семья большая, родители старые, их лечить надо. Все должны служить своей большой семье. Так рассудил Абай. И как с ним не согласиться?!

Сегодня моим водителем был Хуршед из Таджикистана. Пробки начались от Савёловского вокзала. Здесь следует вспомнить, что инициатором строительства Савёловской линии был известный меценат Савва Иванович Мамонтов. Смотрю на вокзал и вспоминаю, каким неказистым был он в прежнее время. До него метро открыли лишь в 1988 году, через полвека после того, как все другие 9 вокзалов уже имели его. Он отличается от всех других вокзалов столицы тем, что здесь нет поездов дальнего следования. Кстати, в последние время этот вокзал приобрёл приличный внешний вид и расширил свои функции: отсюда ходит аэроэкспресс в Шереметьево. А ещё отсюда

отправляются поезда в Дубну, находящуюся на расстоянии 121 километра от Москвы, которая стала первым наукоградом в СССР, где находится Объединенный институт ядерных исследований Объединённый институт ядерных исследований, входящий в международную научно-исследовательскую организацию по исследованию в области ядерной физики, физики элементарных частиц. Вот что такое Дубна!

Но вернёмся в Москву, тем более, что светофор открыл путь застоявшимся в пробке машинам. Проехав до Сущёвского вала, мы снова попали в пробку и разговорились.

Хуршед родом из Душанбе. Я сказала, что была в его город, и он мне очень понравился. В первую очередь — своим названием: Душанбе по-таджикски означает «понедельник», потому что по понедельника здесь с давних пор были самые большие базары. Хуршеду, видно, было приятно, что я знаю кое-что о его городе.

— А вы были на Центральном базаре Душанбе "Шохмансур"?

— А как же! Там много людей и очень шумно. Здесь можно купить фрукты и овощи, свежеспечённые лепешки, такие ароматные, и даже так и одежду. Я купила там таджикское национальное платье — курту. Она до сих пор у меня есть. В жару — самая удобная одежда!

— А сейчас построили Базар «Мехргон» настоящий восточный дворец с куполами и арками. Таджикское гостеприимство не даст вам уйти голодным с этого базара, вас обязательно угостят курагой, миндалем или лепешкой!

— О, я знаю, что такое таджикское гостеприимство. Много лет назад я работала в Тимирязевской академии. У нас учились иностранные студенты. Каждый год мы организовывали им поездки по нашей огромной стране. Однажды мы приехали в Душанбе по приглашению сельскохозяйственного института. Нам был оказан буквально царский приём. Нас повезли на Варзоб, где нетающий ледник, а потом — в Фанские горы, где устроили пикник в роще цветущего миндаля. Расстелили ковры, вытащили огромный казан плова, заварили из термосов зелёный чай. И мы сидели и пили, как большая дружная семья — таджики, русские, африканцы, латины, китайцы. И пели песни на разных языках. Какое это было счастливое время! Вы даже не можете себе представить, потому что вы — молодой человек, живущий в другое время.

— Могу, потому что мой дедушка учился в МГУ. У него до сих пор русские друзья. Они приезжают к нам в гости, а мы — к ним. Дедушка научил меня русскому языку.

— За это дедушке большое спасибо, потому что в таджикских школах сейчас русский язык не учат.

— Да, мне русский очень помог, когда я устраивался работать таксистом.

Зелёный сигнал и мы снова в пути. Не до разговоров. По дороге много аварий. Надо быть внимательным. Мы въехали на Проспект Мира.

— Вот, смотрите, мечеть!— успел он мне сказать, и мы пронеслись мимо.

— Я сюда хожу по пятницам. А в Душанбе недавно выстроили Центральную мечеть. Она одна из крупнейших в Центральной Азии. Её величественные минареты и огромный купол видны издалека. Жаль, что вы не видели её.

— Я видела в Абу-Даби мечеть Шейха Заида такой красоты, что с нею вряд ли что можно сравнить. Да и не дело сравнивать красоту и богатство мечетей: ведь все они служат одному делу — вере человека в высшие силы. Не так ли?

— Да, конечно, сказал он, сосредоточенно глядя на дорогу.

В очередную пробку перед нами открылась Останкинская башня.

Я спросила Хуршеда, был ли он на «Седьмом небе»? Он не знал, что это такое.

— Вот, смотрите: видите на башне есть кольца. В них находится комплекс вращающихся трёх ресторанов (золотого, серебряного и бронзового), расположенных на Останкинской телебашне, которая была построена в 1967 году и имеет высоту 540 метров.

— А что разве можно попасть в такой ресторан?

— Конечно. Надо только заранее приобрести билет. Но я советую вам взять билет и на смотровую площадку, откуда увидите всю Москву с высоты 340 метров. А рестораны находятся чуть ниже.

— Как хорошо, что я с вами поехал! Откуда бы я это ещё узнал? Так я сюда возьму и жену с сыном!

Потом ещё спросил:

— А только у Останкинской башни есть смотровая площадка?

— Поскольку вы работаете на такси, то, вероятно знаете, что есть деловой район в Москве который называется Москва-Сити. Там выстроены небоскрёбы.

— Да, я видел. Они огромные, все разные, красивые.

— В 2017 году в Москва-Сити построили башню «Федерация» высотой 374 метра, у которой смотровая площадка находится на высоте 327 метров, то есть ниже, чем у Останкинской. Но там тоже интересно: под вами стеклянный пол, который поворачивается на 360 градусов. Вы видите Москву через стеклянную стену и внизу через пол.

— Я пойду на Останкинскую! Спасибо вам за то, что так много рассказали. Я это буду помнить.

Вот мы и приехали к моей очередной больнице. Славный таджикский таксист мне сегодня достался.

Под впечатлением последней поездки я раскрыла небольшую книжку со стихами персидского поэта, основоположника персидско-таджикской литературы Рудаки, жившего более тысячи лет назад. Открыла наугад и прочла, что сказал он сказал в назидание людям:

С тех пор как существует мирозданье,
Такого нет, кто б не нуждался в знанье.
Какой мы ни возьмем язык и век,
Всегда стремился к знанию человек.
А мудрые, чтоб каждый услышал их,
Хваленья знанью высекли на скалах.
От знания в сердце вспыхнет яркий свет,
Оно для тела — как броня от бед.

Прав был древний мудрец: знания объединяют народы.

Виктор ИВАНОВ

Афористический монолог про искусство писать... картины

Краткость и выразительность мысли — тоже искусство.

И первым публично к этому пришел старик Гиппократ, выпустив после своей бессмертной клятвы книгу под названием — афоризмы.

Опять же первым, из которых был, как многие, наверно, знают, "жизнь коротка — искусство вечно".

Что тут началось...

Но, кстати, мало кто слышал его в первичном варианте —

Жизнь коротка, Искусство вечно, Случай шаток, Опыт обманчив, Суждение затруднительно.

Впрочем, нет ничего вечного, поэтому воспользуемся случаем, чтобы поделиться опытом, через представление суждений об искусстве.

Как известно
красота спасает мир... а красоту спасает художник.

Художник — это не специальность, даже не призвание, художник — это образ жизни постижения прекрасного, его камертон.

Холст для художника — универсальная дверь во все миры.

Кисть, как и бумага лишь средства — картины во все времена создаются душой и полетом фантазии.

Картина — это балет фантазии и красок, застывший на холсте.
Мозаика...

Мозаика — это пример того, что и принципиальное различие материалов способно на гармоничную симфонию, где даже темные тона вызывают светлые чувства.

Мозаика — это целостный взгляд художника на фрагменты даров природы.

Замыслы... (раздумчиво). Замыслы как дети, рвутся в мир с самыми искренними намерениями.

А в нашем мире всё пытаются свести к искусному блеску злата, но все же Главная стоимость картины — зажженные ею сердца и тепло души.

В наше время Одни питаются иллюзиями, другие — надеждами, а для художника — это прекрасное, амброзия творчества.

Нас всех манят вершины, но

Это в горах выше Эвереста ничего нет, а в творчестве высоты неограниченны ничем.

И,

Если вдруг ты окажешься не в состоянии перепрыгнуть через свою

голову, то через нее перепрыгнет кто-то другой.

Да-а,

Божественные результаты — следствие адской работы.

И,

Чтобы произведение обжигало — автор должен сам сгореть при его создании.

Ну, а Обидел богов — отобрали Пегаса.

Вот поэтому

В отличие от Счастья бездельника, мечтающего чтоб всё сложилось само собой, Творцу непременно надо еще и помучиться.

Жизнь бьет...жизнь бьет... (отрешенно страдательно)
Жизнь бьет? Значит любит!

И в заключение, помните!
Вишенку любят не за торт, а за момент.

Поэтому

Настоящий художник в череде простых мгновений выхватывает горящую вечность бытия.

Ну, и конечно,
Самое сладкое угощение во всех случаях — похвала.

Картина — это всегда диалог сердца со Вселенной и тайный ключ к ее постижению.

Пусть УСПЕХ освещает вашу дорогу на всем пути!

Фёдор РАДЕЦКИЙ

Она очень хотела замуж, но любила и молилась за мать: «Пошли, Господи, ей, замечательного зятя!»

* * *

Погоду не делаю, но испортить смогу!

* * *

Обидно! Анализы хорошие, а счастья нет.

* * *

Нагулявшаяся собака, проголодавшись, возвращается к своей цепи.

* * *

Не успеешь хорошую мысль довести до ума, как тут же появляются и сопровождающие.

Салек ПИНИГИН

* * *

Ни один комплимент не прельщает женщину так, как тот, что задевает при ней другую.

* * *

Язык нужен для того, чтобы давать советы, а голова - чтобы от них отказываться.

* * *

Когда человек пытается постоять за себя умом, молва скажет, что у него склочный характер.

* * *

За свою свободу бороться надо с собой.

* * *

Страшный суд может испугать лишь тех, кто не знает что такое общественное мнение.

* * *

Жизнь как шахматы: у ваших соперников тоже ограниченное число ходов.

* * *

Материализм — это когда историю о двенадцати апостолах знают хуже истории о двенадцати стульях.

* * *

Историю о Каине и Авеле обычно забывают связать с историей о грехах Евы.

* * *

Когда мы говорим лишнее — это правдолюбие, слышим — грубость.

* * *

Писатели любят говорить «я», учителя — «ты», политики — «мы», а пророки — «они».

Владимир КАФАНОВ

Молодость — это когда, начиная всё сначала, ещё надеешься, что это в последний раз.

* * *

На тех, кто под солнцем, чаще падает тень.

* * *

Человек — хозяин своей судьбы, пока не встретит хозяйку.

* * *

Себя не проведешь — ты не отпуск!

* * *

Когда щекочут нервы, обычно не до смеха.

* * *

Стоит разрешить запреты, как они тут же начинают запрещать разрешения.

* * *

Если вам чинят препятствия, за починку платить не обязательно.

Литературно-художественное издание

МОСКОВСКИЙ СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕКРЕСТОК»

№ 41, 2026

альманах

Главный редактор *Джангули Гвилава*

Редакционная коллегия:

Ева Меркачева (1-й заместитель главного редактора),
Татьяна Федоткина (заместитель главного редактора),
Жанна Голубицкая, Геннадий Попов,
Алексей Миронов, Лев Новожёнов, Михаил Стародуб

Редакция не обязательно разделяет точку зрения авторов

Подписано в печать 10.09.26. Формат 60х90^{1/16}
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 12,75.
Тираж по требованию.

ISBN 978-5-907919-83-9

9 785907 919839